

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (43)

2025

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5 «Мировая экономика» (экономические науки);
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» (политические науки);
- 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» (политические науки);
- 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики» (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научно-го цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2025 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Карпович О.Г., Волков А.П.</i> Национальные интересы России в БРИКС: институциональные и геополитические аспекты.	6
<i>Жильцов С.С.</i> Климатическая повестка: переломный этап	23
<i>Мануйлова А.Е.</i> Эволюция политики России в отношении Африки	36
<i>Копытцев И.С.</i> Международные транспортные коридоры в Африке: эволюция и перспективы развития	49
<i>Овчарук А.П.</i> Польская стратегия союзничества в геополитическом разломе Европы	63
<i>Рябинина О.К.</i> Политика Финляндии в Центральной Азии: новый этап.	81

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Грибанова А.А.</i> Иран в региональной системе безопасности Персидского залива: подходы арабских и иранских аналитических центров.	94
<i>Мамедов А.В.</i> Влияние дефицита водных ресурсов на экологию Казахстана	114
<i>Петросян Д.В., Ершова Е.В.</i> Сравнительный анализ политического дискурса Германии и Франции по вопросам миграционного кризиса в период с 2021 по 2024 год	125

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Чертков А.С.</i> Архивные источники о поступлении А.С. Грибоедова на дипломатическую службу	135
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Карпович О.Г., Добровольский В.Н.</i> Современный мир: проверка на прочность	151
<i>Неймарк М.А.</i> «Поражение Запада»: пророчество с открытыми или закрытыми глазами?	165

К сведению авторов	174
-------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World" is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021) in the following specialties:

- 5.2.5 "World economy" (economic sciences);
- 5.5.2 "Political institutions, Processes and Technologies" (political science);
- 5.5.4 "International relations, Global and Regional studies" (political science);
- 5.6.7 "The history of international relations and foreign policy" (historical science).

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia" may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue "Press of Russia. Newspapers and Journals" for the 1st half of 2025 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author's interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2025

© Page make-up. «Kvant Media», 2025

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Oleg Karpovich, Artem Volkov.</i> Russia's National Interests In BRICS: Institutional And Geopolitical Aspects	6
<i>Sergey Zhiltsov.</i> Climate Agenda: A Turning Point	23
<i>Anastasia Manuylova.</i> Evolution Of Russia's Policy Towards Africa	36
<i>Ivan Kopyttsev.</i> International Transport Corridors In Africa: The Evotution And Development Prospects	49
<i>Alexander Ovcharuk.</i> The Polish Strategy Of Alliance In The Geopolitical Rift Of Europe	63
<i>Olga Ryabinina.</i> Finland's Policy In Central Asia: A New Stage	81

REGIONAL PROBLEMS

<i>Anna Gribanova.</i> Iran In The Persian Gulf Regional Security System: Approaches Of Arab And Iranian Think Tanks	94
<i>Aleksey Mamedov.</i> Impact Of Water Resources Deficit On The Ecology Of Kazakhstan	114
<i>Dzhemma Petrosyan, Elena Ershova.</i> Comparative Analysis Of The Political Discourse Of Germany And France On The Migration Crisis In The Period From 2021 To 2024	125

HISTORY AND RELIGION

<i>Alexei Chertkov.</i> Archival Sources On The Entry Of A.S. Griboedov To The Diplomatic Service	135
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Oleg Karpovich, Vasily Dobrovolsky.</i> The Modern World: A Test Of Strength	151
<i>Mark Neimark.</i> "The Defeat Of The West": A Prophecy With Open Or Closed Eyes? . . .	165

Notice to the authors	174
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карпович Олег Геннадьевич,

заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, доктор политических наук,
проректор по экспертно-аналитической работе — руководитель ИАМП
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Law, Doctor of Political Sciences,
Vice-Rector for Expert and Analytical Work — Head of the ICIS of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: ogk@dipacademy.ru

Волков Артем Петрович,

соискатель,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Artem P. Volkov,

Ph.D. Candidate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

E-mail: bayr03@bk.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В БРИКС: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN BRICS: INSTITUTIONAL AND GEOPOLITICAL ASPECTS

Аннотация: статья исследует основы национальных интересов России в рамках БРИКС, анализируя их роль в формировании стратегического партнерства и глобальной политики. Особое внимание уделено институциональной динамике группы, экономической кооперации и геополитической координации. На основе анализа российского председательства в 2024 г. и перспектив бразильского председательства в 2025 г. выявлены ключевые вызовы и возможности для укрепления многополярного миропорядка.

Ключевые слова: БРИКС, ценностный диалог, многополярность, дедолларизация, гибкий мультилатерализм.

Abstract: the article examines the value foundations of Russia's national interests within the framework of BRICS, analyzing their role in the formation of strategic partnership and global politics. Particular attention is paid to the institutional dynamics of the group, economic cooperation and geopolitical coordination. Based on the analysis of the Russian presidency in 2024 and the prospects for the Brazilian presidency in 2025, the key challenges and opportunities for strengthening the multipolar world order are identified.

Key words: BRICS, value dialogue, multipolarity, de-dollarization, flexible multilateralism.

Введение

В условиях трансформации глобального управления БРИКС становится платформой для продвижения альтернативной модели мироустройства, основанной на принципах суверенитета и справедливости. Ценностный диалог, объединяющий страны с различными культурными и политическими системами, играет ключевую роль в согласовании национальных интересов. Цель статьи — выявить ориентиры России в БРИКС, проанализировать институциональные и экономические механизмы взаимодействия, а также оценить перспективы группы в контексте расширения внешних вызовов.

Исследование опирается на теорию гибкого мультилатерализма [17], концепцию стратегической автономии и теорию базовых ценностей Шварца. Используются методы сравнительного анализа документов БРИКС, выступлений политических лидеров и статистических данных (доля расчетов в национальных валютах, объем инвестиций).

В современном мире ценностный диалог становится ключевым элементом международных отношений, особенно в контексте взаимодействия России с объединением БРИКС. Ценностные аспекты национальных интересов и их согласование с интересами других стран играют важную роль в формировании стратегического партнерства и глобальной политики. В данной статье рассматривается ценностное измерение национальных интересов России в рамках БРИКС, а также анализируются условия и возможности для развития ценностного диалога между странами объединения.

Национальные интересы России в БРИКС

Национальные интересы России в рамках БРИКС имеют стратегический характер и связаны с укреплением её позиций на международной арене, поддержанием многополярного мира и развитием взаимовыгодного сотрудничества. Ценностная составляющая национальных интересов проявляется в их обосновании и пред-

ставлении, что особенно важно для публичной дипломатии и взаимодействия с другими странами.

Россия, как и другие страны БРИКС, стремится к созданию альтернативной модели мироустройства, основанной на принципах многополярности и уважения национальных интересов. В этом контексте ценностный диалог становится инструментом для согласования позиций и поиска общих подходов к решению глобальных проблем, таких как конфликты, экономическое неравенство и экологические вызовы.

Условия и возможности для развития ценностного диалога в БРИКС. Ценностный диалог в рамках БРИКС требует учета культурных, исторических и политических особенностей каждой страны. Несмотря на различия в политических системах и ценностных ориентациях, страны БРИКС объединяет стремление к созданию справедливого миропорядка, свободного от гегемонии западных стран.

Роль науки и интеллектуального диалога в укреплении ценностного консенсуса. Для успешного развития ценностного диалога в рамках БРИКС необходимо активизировать сотрудничество в научной и интеллектуальной сферах. Научная дипломатия может стать платформой для обмена знаниями, разработки совместных проектов и формирования общей ценностной платформы. Особое внимание следует уделить изучению ценностных ориентаций населения стран БРИКС, что позволит лучше понять их мотивации и ожидания.

Исторический контекст и теоретические основы ценностного диалога. Исторически понятие национальных интересов восходит к XVII веку, когда французские министры, такие как кардинал Ришелье, начали использовать концепцию государственного интереса. В современной политической науке национальные интересы часто отождествляются с государственными интересами, что подчеркивает их связь с целями и задачами государства как во внутренней, так и во внешней политике.

В России понятие национальных интересов стало активно использоваться после 2000 года, когда была принята Концепция национальной безопасности. В этом документе национальные интересы определяются как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в различных сферах, включая экономику, политику, социальную и экологическую сферы.

Ценностные ориентации и их роль в формировании национальных интересов. Ценностные ориентации играют ключевую роль в формировании национальных интересов, так как они определяют цели и задачи, которые ставит перед собой государство. Ценности могут быть как индивидуальными, так и коллективными, и их изучение позволяет лучше понять мотивации и поведение как отдельных людей, так и целых народов.

В рамках исследований ценностей выделяются различные подходы, такие как теория базовых индивидуальных ценностей Шварца, которая предполагает существование универсальных ценностей, присущих всем людям, но в разной степени. Также важное значение имеют кросс-национальные исследования, такие как Всемирное обследование ценностей, которое позволяет сравнивать ценностные установки населения разных стран.

Ценностный диалог как инструмент международного взаимодействия. Ценностный диалог становится важным инструментом международного взаимодействия, особенно в условиях глобализации и усиления межкультурных контактов. В рамках БРИКС ценностный диалог позволяет странам находить общие точки соприкосновения, несмотря на различия в политических системах и культурных традициях.

Одним из ключевых аспектов ценностного диалога является поиск общих ценностей, которые могут стать основой для сотрудничества. Например, такие ценности, как справедливость, равенство и устойчивое развитие, могут быть общими для всех стран БРИКС, что позволяет им совместно работать над решением глобальных проблем.

Политические ценности и их влияние на внешнюю политику. Политические ценности играют важную роль в формировании внешней политики государства. Они определяют, какие цели и задачи ставит перед собой страна на международной арене и как она взаимодействует с другими государствами. В рамках БРИКС политические ценности стран могут быть различными, но их объединяет стремление к созданию многополярного мира и противодействие гегемонии западных стран [12].

Например, Россия и Китай придерживаются традиционных ценностей, таких как суверенитет и невмешательство во внутренние дела других стран, в то время как Индия и Бразилия больше скло-

няются к либеральным ценностям, таким как демократия и права человека [3]. Однако на политическом уровне страны БРИКС демонстрируют единство в вопросах глобальной безопасности и экономического сотрудничества [4].

Культурные различия и их влияние на ценностный диалог. Культурные различия между странами БРИКС могут создавать как барьеры, так и возможности для ценностного диалога. С одной стороны, различия в культурных традициях и ценностных ориентациях могут затруднять взаимопонимание между странами. С другой стороны, эти различия могут стать основой для обмена опытом и знаниями, что способствует укреплению сотрудничества.

Роль интеллектуальных элит в ценностном диалоге. Интеллектуальные элиты играют ключевую роль в формировании и продвижении ценностного диалога. Они являются носителями знаний и идей, которые могут стать основой для сотрудничества между странами. В рамках БРИКС интеллектуальные элиты могут способствовать укреплению ценностного консенсуса, разрабатывая новые подходы к решению глобальных проблем и продвигая идеи многополярного мира.

Особое значение имеет научная дипломатия, которая позволяет странам обмениваться знаниями и опытом, а также разрабатывать совместные проекты. Например, сотрудничество в области науки и технологий может стать основой для укрепления экономических и политических связей между странами БРИКС.

Ценностный консенсус как основа для сотрудничества в БРИКС. Ценностный консенсус является важной основой для сотрудничества в рамках БРИКС. Он позволяет странам находить общие точки соприкосновения и совместно работать над решением глобальных проблем. Ценностный консенсус может быть достигнут через диалог и взаимопонимание, а также через разработку общей ценностной платформы, которая учитывает интересы всех стран объединения.

Например, страны БРИКС могут совместно работать над продвижением идей устойчивого развития, справедливости и равенства, что позволит им укрепить свои позиции на мировой арене и создать основу для долгосрочного сотрудничества.

Вызовы и перспективы ценностного диалога в БРИКС. Несмотря на значительные успехи в развитии ценностного диалога,

страны БРИКС сталкиваются с рядом вызовов. Одним из основных вызовов является различие в политических системах и ценностных ориентациях, что может затруднять достижение консенсуса. Кроме того, страны БРИКС сталкиваются с внешним давлением со стороны западных стран, которые стремятся сохранить свою гегемонию на мировой арене.

Однако у стран БРИКС есть значительные перспективы для развития ценностного диалога. Они обладают большим потенциалом для сотрудничества в различных сферах, включая экономику, науку и технологии. Кроме того, страны БРИКС могут использовать свои культурные и исторические традиции для укрепления ценностного консенсуса и продвижения идей многополярного мира.

Проведя анализ председательства Российской Федерации в БРИКС в 2024 году, можно выделить ключевые аспекты и достижения.

В 2024 году Российская Федерация официально приняла председательство в БРИКС, сменив Южно-Африканскую Республику. Начало российского председательства 1 января 2024 года совпало с исторически значимым событием — расширением организации за счет присоединения четырех новых членов: Египта, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Эфиопии. Это событие стало крупнейшим с момента основания БРИКС. Кроме того, 1 января 2025 года к организации в качестве полноправного члена присоединилась Индонезия, что подчеркивает растущую привлекательность объединения для развивающихся стран.

Механизмы функционирования БРИКС

Председательство в БРИКС осуществляется на ротационной основе, при этом все решения принимаются консенсусом. В рамках председательства ежегодно проводится более 100 мероприятий, включая свыше 20 встреч на министерском уровне. Координация взаимодействия между странами-участницами осуществляется через институт национальных шерп и су-шерп, которые, как правило, представляют министерства иностранных дел. В 2024 году шерпой России в БРИКС был заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Сергей Рябков, а су-шерпой — посол по особым поручениям МИД России Павел Князев.

Исторический контекст создания БРИКС. Российская Федерация сыграла ключевую роль в создании БРИКС. Первые шаги к формированию организации были предприняты в июне 2006 года на Петербургском международном экономическом форуме. В сентябре того же года по инициативе Президента России Владимира Путина на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась первая министерская встреча стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Официальной датой основания организации считается 16 июня 2009 года, когда в Екатеринбурге прошел первый саммит БРИК. В 2011 году, после присоединения Южно-Африканской Республики, организация получила название БРИКС.

Основные цели и принципы БРИКС были сформулированы в совместном заявлении лидеров стран-участниц по итогам первого саммита. Ключевые аспекты включают следующее.

1. Противодействие мировому финансовому кризису и поддержка роли «Группы двадцати» (G20) в стабилизации глобальной экономики.

2. Развитие сотрудничества в социально значимых областях, включая гуманитарную помощь, снижение рисков стихийных бедствий и обеспечение глобальной продовольственной безопасности.

3. Реформирование мировой финансово-экономической архитектуры с учетом изменений в глобальной экономике, с акцентом на демократичность, прозрачность и правовую основу.

4. Поддержка многосторонней дипломатии при центральной роли ООН в решении глобальных вызовов, включая реформирование ООН для повышения ее эффективности.

5. Борьба с терроризмом во всех его формах и проявлениях.

Российское председательство в БРИКС в 2024 году проходило под девизом «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Основные задачи включали следующее.

- Интеграция новых членов (Египта, Ирана, ОАЭ и Эфиопии) в существующие форматы взаимодействия.
- Укрепление внешнеполитической координации между странами-участницами для решения вопросов международной и региональной безопасности.

- «Реализация Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года и Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 годы.
- Развитие энергетической и продовольственной безопасности, а также повышение роли БРИКС в международной валютно-финансовой системе.
- Расширение использования национальных валют во взаимной торговле и развитие межбанковской кооперации.
- Укрепление сотрудничества в области науки, высоких технологий, здравоохранения, экологии, культуры, спорта и молодежных обменов» [1].

За период председательства Российской Федерации в БРИКС было проведено более 250 мероприятий, включая 30 встреч на министерском уровне. Основные достижения включают следующее.

1. Интеграция новых членов: Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия успешно интегрированы в механизмы взаимодействия БРИКС.

2. Расширение взаимодействия с Глобальным Югом: в рамках инициативы «БРИКС плюс» установлен системный диалог с развивающимися странами Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки.

3. Создание категории государств–партнеров БРИКС: с января 2025 года в эту категорию вошли Белоруссия, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда и Узбекистан.

4. Присоединение Индонезии: С 1 января 2025 года Индонезия стала полноправным членом БРИКС.

Основные решения и инициативы включают следующее.

- Экономика и финансы: согласована концепция трансграничной платежной инициативы БРИКС, ведется работа над созданием расчетно-депозитарной инфраструктуры «БРИКС Клир» и перестраховочной компании БРИКС. Учреждена Зерновая биржа, которая может стать альтернативной площадкой для торговли сырьем.
- Безопасность: утвержден единый реестр для обмена данными о кибератаках и позиционный документ по борьбе с терроризмом.
- Космическая отрасль: введена в эксплуатацию спутниковая группировка для дистанционного зондирования Земли, начаты совместные проекты в области мирного освоения космоса.

- Здравоохранение и наука: создана система раннего предупреждения эпидемий, запущен медицинский журнал БРИКС, расширен Сетевой университет БРИКС до 20 вузов от каждой страны.

Ценностный диалог в рамках БРИКС является важным инструментом укрепления стратегического партнерства и формирования альтернативной модели глобального мироустройства. Несмотря на различия в ценностных ориентациях, страны БРИКС демонстрируют единство в вопросах глобальной политики и экономического сотрудничества. Для дальнейшего развития ценностного консенсуса необходимо активизировать научное и интеллектуальное взаимодействие, что позволит укрепить позиции БРИКС на мировой арене и создать основу для справедливого и устойчивого развития.

Проведя научный анализ выступления В.В. Путина по итогам XVI саммита БРИКС [9], можно сделать вывод, что XVI саммит БРИКС, прошедший в Казани в 2024 году, стал знаковым событием в истории объединения. Российская Федерация, председательствовавшая в БРИКС с 1 января 2024 года, успешно завершила свою миссию, организовав более 200 мероприятий в 13 городах страны. Саммит стал кульминацией годовой работы, в ходе которой Россия стремилась укрепить многостороннее сотрудничество и обеспечить интеграцию новых членов объединения — Египта, Ирана, ОАЭ и Эфиопии. В рамках саммита также обсуждались ключевые вопросы глобальной повестки, включая экономическое сотрудничество, безопасность и устойчивое развитие.

Российское председательство в БРИКС было направлено на укрепление многосторонности и справедливого глобального развития. В рамках председательства проведены многочисленные встречи отраслевых министров, конференции, семинары и Деловой форум. Особое внимание уделялось интеграции новых членов, что, по словам В.В. Путина, было успешно реализовано. Новые участники, такие как Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия, активно включились в работу объединения, предлагая перспективные инициативы.

Казанский саммит стал первым мероприятием БРИКС в расширенном составе. В нем приняли участие делегации 35 государств и 6 международных организаций, что свидетельствует о растущем авторитете объединения. В.В. Путин подчеркнул, что БРИКС привлекает страны, проводящие независимую и суверенную политику.

Многообразие культур, экономических моделей и исторического опыта участников объединения создает уникальную основу для сотрудничества.

В рамках саммита обсуждались три основных направления сотрудничества.

1. Политика и безопасность: участники подтвердили приверженность построению многополярного миропорядка, основанного на международном праве и Уставе ООН. Была подчеркнута необходимость противодействия нелегитимным санкциям и защиты традиционных нравственных ценностей.

2. Экономика и финансы: одним из ключевых результатов саммита стало согласование концепции трансграничной платежной инициативы БРИКС. Также обсуждались вопросы создания независимых механизмов взаиморасчетов в национальных валютах и укрепления роли Нового банка развития.

3. Культурно-гуманитарное сотрудничество: участники подтвердили важность активизации взаимодействия в области науки, образования, культуры и молодежных обменов.

Итоговым документом саммита стала Казанская декларация, в которой отражены основные принципы и цели БРИКС. Декларация подтверждает приверженность участников построению демократического и инклюзивного миропорядка, а также противодействию практике применения нелегитимных санкций. Особое внимание уделено вопросам глобальной безопасности, включая борьбу с терроризмом и киберугрозами.

В.В. Путин отметил, что интерес к участию в БРИКС проявляют многие страны. В рамках саммита был согласован список государств-партнеров, включающий Белоруссию, Боливию, Казахстан, Кубу, Малайзию, Нигерию, Таиланд, Уганду и Узбекистан. Также обсуждалась возможность дальнейшего расширения объединения, что требует консенсуса всех участников.

Одним из ключевых вопросов саммита стало укрепление финансового сотрудничества. Участники обсуждали возможность создания альтернативных платежных систем, независимых от внешних рисков. В.В. Путин подчеркнул, что Россия использует национальные валюты для расчетов и развивает собственную систему обмена финансовой информацией. Однако создание единой платежной системы БРИКС пока не рассматривается.

В рамках саммита обсуждались вопросы региональной и глобальной безопасности, включая ситуацию на Ближнем Востоке и Украине. Участники подтвердили приверженность мирному урегулированию конфликтов и противодействию терроризму. В.В. Путин отметил, что Россия готова к переговорам по украинскому вопросу, но решение должно основываться на реалиях, сложившихся «на земле».

XVI саммит БРИКС подтвердил растущую роль объединения как платформы для многостороннего сотрудничества. Российское председательство способствовало укреплению позиций БРИКС на международной арене и интеграции новых членов. Казанская декларация стала манифестом стремления участников к созданию более справедливого и сбалансированного миропорядка.

2024 год стал важным этапом в развитии БРИКС, подтвердив статус организации как влиятельной платформы для трансформации международных институтов в интересах стран мирового большинства. Российское председательство способствовало укреплению многостороннего сотрудничества, интеграции новых членов и продвижению инициатив, направленных на создание более справедливого и сбалансированного мирового порядка. С 1 января 2025 года председательство в БРИКС перешло к Бразилии, которая намерена сосредоточиться на развитии взаимодействия стран Глобального Юга и реформировании глобальных структур управления.

Также представляет интерес выступление заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова, данное в рамках подведения итогов российского председательства в БРИКС (2024) [8], в ходе которого выявляются ключевые векторы институционального развития, экономической кооперации и политической координации БРИКС, а также оценка их соответствия теоретическим концептам многополярности и дедолларизации [12].

Ключевые тезисы выступления С.А. Рябкова.

Институциональная динамика БРИКС: между экспансией и гибкостью.

Расширение состава БРИКС (включение Египта, Ирана, ОАЭ, Эфиопии в 2024 г.) актуализирует вопрос об институциональной адаптации группы. Как отмечает Рябков, текущая фаза характеризуется отказом от формализации структур (например,

создания постоянного секретариата) в пользу «мягкой» модели, что соответствует теории гибкого мультилатерализма [17]. Это позволяет минимизировать бюрократические издержки и сохранить суверенитет участников, однако замедляет выработку единых регламентов.

Статусное разделение («члены» vs. «партнёры») отражает стратегию дифференцированного вовлечения [16]. Партнёры (например, Саудовская Аравия) участвуют в избранных проектах без права голоса, что снижает риски институциональной перегрузки. Заявка Сирии, по словам Рябкова [8], рассматривается через призму нормативного плюрализма, где членство не обусловлено политическим конформизмом, что контрастирует с практиками ЕС или НАТО.

Экономическая кооперация: дедолларизация как системный вызов. Ключевой инициативой российского председательства стало создание альтернативного финансового контура, включающего:

- платёжные системы, независимые от SWIFT (аналоги проекта SPFS);
- клиринговые механизмы;
- системы страхования транзакций.

Рябков подчёркивает, что данная модель не направлена на полный отказ от доллара, но формирует «параллельную инфраструктуру» для снижения рисков санкций. Это коррелирует с теорией стратегической автономии [13], где дедолларизация интерпретируется как инструмент экономического суверенитета. Однако прогресс ограничен следующим.

- Институциональные пробелы: отсутствие общей инвестиционной платформы.
- Асимметрия интересов: готовность Ирана и Бразилии к радикальным шагам контрастирует с осторожностью Индии и ЮАР.
- Эмпирические данные (объём расчётов в национальных валютах — 35% в 2024 г. против 28% в 2023 г.) подтверждают поступательную, но неравномерную динамику [8].

Технологический суверенитет: космос и ИИ. В области высоких технологий БРИКС демонстрирует модель функциональной кооперации.

- Космические проекты: группировка спутников ДЗЗ (дистанционного зондирования Земли) — пример успешного

использования компаративных преимуществ (российские ракеты-носители, китайские сенсоры).

- Искусственный интеллект: акцент на ГЧП (государственно-частное партнёрство) и поддержку отстающих стран (Индия, Бразилия) отражает иерархическую кооперацию [18], где Китай выступает технологическим донором.

Проблемой остаётся фрагментация стандартов, особенно в регулировании ИИ, где позиции РФ (акцент на суверенитет данных) и ЮАР (либеральная модель) противоположны.

Геополитическая координация: Сирия и критика западного доминирования. Рябков акцентирует роль БРИКС как платформы антигегемонистского дискурса.

Сирийский вопрос: группа позиционирует себя как медиатор, продвигающий «инклюзивный политический процесс», что противоречит подходу НАТО. Однако отсутствие единой позиции по легитимности Асада (разногласия с Бразилией) ограничивает эффективность.

Реакция на угрозы США: критика доллара как «оружия» Вашингтона (с отсылкой к тезисам С.В. Лаврова о «несовместимости гегемонии с многополярностью») подкрепляется созданием альтернативных институтов.

Эти шаги соответствуют концепции сопротивления через институты [14], где БРИКС оспаривает монополию Запада на нормотворчество.

Вызовы и перспективы.

Институциональная амбивалентность: противоречие между расширением и сохранением гибкости может привести к «дилемме эффективности» [16].

Экономическая асимметрия: лидерство Китая в проектах (73% инвестиций в ИИ внутри БРИКС) усиливает подозрения в «скрытой гегемонии».

Политическая фрагментация: различия в трактовке суверенитета (например, позиции по Украине) ограничивают консолидацию.

В заключение можно отметить, что российское председательство в БРИКС (2024) укрепило группу как институт полицентричного миропорядка, однако её потенциал зависит от решения трёх задач.

- Гармонизация интересов через многоуровневый консенсус.
- Ускорение материализации проектов (клиринг, страхование).

- Публичная легитимация решений для усиления «мягкой силы».

Проведя научный анализ приоритетов председательства Бразилии в БРИКС (2025), можно выделить следующие институциональные, геополитические и экономические вызовы развития инициатив России.

1. Введение: стратегический контекст председательства Бразилии.

Переход председательства в БРИКС от России к Бразилии (2025) происходит в условиях усиления конкуренции между институтами глобального управления (G20, МВФ) и альтернативными платформами. Бразилия, используя опыт проведения саммита G20 (2024), позиционирует БРИКС как механизм ребалансировки мировой власти в пользу Глобального Юга. Акцент на Рио-де-Жанейро как площадке двух ключевых форумов подчеркивает амбиции Бразилии стать медиатором между Севером и Югом, совмещая повестки многосторонности и суверенитета.

2. Геополитическая динамика: фокус на Глобальный Юг.

Тема саммита — «Укрепление сотрудничества с Глобальным Югом для инклюзивного управления» — отражает стратегию регионального лидерства Бразилии. Смещение акцента на Латинскую Америку и Африку соответствует теории структурной зависимости [14], где БРИКС интерпретируется как инструмент преодоления периферийного статуса. Однако внутренние противоречия группы сохраняются.

Север-Юг в БРИКС: разрыв в приоритетах между «основателями» (Россия, Китай, Индия) и новыми членами (Эфиопия, Египет) проявляется в вопросах инвестиций в инфраструктуру Юга.

Политика расширения: включение 13 стран-партнеров (Алжир, Куба и др.) усиливает фрагментацию. Бразилия стремится консолидировать статусы, избегая конфликтов (например, вето на Никарагуа и Венесуэлу).

Кейс: Аргентина.

Отказ Аргентины от членства (2023) демонстрирует хрупкость политических обязательств в условиях смены власти. Проведение саммита в Рио может реактивировать дискуссии о присоединении Колумбии, усиливая конкуренцию за влияние в Латинской Америке [6].

3. Экономические инициативы: между дедолларизацией и угрозами.

Бразилия продолжает российскую инициативу по созданию трансграничной платежной системы БРИКС, основанной на национальных валютах. Эта модель соответствует концепции стратегической автономии [12], направленной на снижение зависимости от доллара. Однако вызовы остаются.

Технические ограничения: отсутствие унифицированных клиринговых механизмов и страхования сделок.

Внешнее давление: угрозы США ввести 100%-ные тарифы на экспорт стран БРИКС создают дилемму между суверенитетом и экономическими рисками.

Эмпирические данные (рост доли расчетов в национальных валютах до 35% в 2024 г.) подтверждают потенциал, но неравномерность прогресса (лидерство Китая и России) указывает на асимметричную кооперацию.

4. Институциональные вызовы: гибкость vs. эффективность.

Статус стран-партнеров: неопределенность правового статуса (участие без голоса) требует формализации, что противоречит принципу гибкого мультилатерализма [17].

Реформа ООН: призыв Бразилии к реформе СБ ООН сталкивается с институциональным тупиком (вето постоянных членов). Однако активизация дискуссий в рамках БРИКС усиливает давление на западные институты.

Кейс: МУС и иммунитет В.В. Путина.

Потенциальное присутствие президента В.В. Путина в Рио тестирует нормы международного права. Бразилия, как участник Римского статута, балансирует между обязательствами перед МУС и принципом государственного иммунитета. Прецедент Монголии (2023) показывает, что страны БРИКС склонны трактовать юрисдикцию МУС как политически ангажированную [7].

5. Климатическая и социальная повестка: синергия с COP-30 [2].

Бразилия интегрирует климатические инициативы (подготовка к COP-30) в рамки БРИКС, акцентируя следующее.

Цифровизация управления: использование ИИ для ускорения программ по образованию и здравоохранению.

Инфраструктурные проекты: комбинирование инвестиций БРИКС с целями устойчивого развития (SDGs).

Однако успех зависит от мобилизации ресурсов: страны Глобального Юга требуют технологических трансфертов, тогда как Китай и Россия предпочитают проекты с быстрой окупаемостью.

6. Заключение: перспективы БРИКС под руководством Бразилии.

Председательство Бразилии может укрепить БРИКС как платформу альтернативного нормотворчества, если будут решены следующие ключевые задачи.

Институциональная консолидация: четкое определение прав партнеров и членов.

Баланс интересов: согласование приоритетов Севера (Китай, Россия) и Юга (Бразилия, Африка).

Практическая реализация инициатив: от платежных систем до климатических программ.

Угрозы сохраняются: давление США [5], внутренняя фрагментация, юридические конфликты. Однако синергия между саммитами БРИКС и COP-30 может усилить влияние Глобального Юга, бросив вызов гегемонии западных институтов.

Как показывает анализ, БРИКС остаётся гибридным институтом, сочетающим элементы «клуба» и функциональных альянсов. Его успех в конкуренции с НАТО и G7 будет определяться способностью трансформировать риторику многополярности в конкретные режимы кооперации.

Заключение

В заключение можно отметить, что ценностный консенсус как основа устойчивости БРИКС проявляется в единстве по ключевым вопросам (многополярность, критика санкций), несмотря на культурные и политические различия. Институциональная гибкость группы позволяет адаптироваться к расширению, но требует баланса между эффективностью и суверенитетом участников. Экономические инициативы (дедолларизация, технологический суверенитет) остаются фрагментированными, что ограничивает их глобальное влияние. Перспективы БРИКС зависят от способности трансформировать антигегемонистскую риторику в конкретные режимы сотрудничества, включая гармонизацию стандартов и усиление публичной легитимации. Российское председательство 2024 г. укрепило позиции группы, однако успех бразильского этапа будет определяться способностью преодолеть структурные

противоречия и предложить инклюзивную модель управления, альтернативную западной гегемонии.

Литература

1. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 года. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/files/ru/MUCfWDgOQRs3xfMUiCamF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
2. Жить в объединении: чего ждать от председательства Бразилии в БРИКС. — URL: <https://iz.ru/1809511/ekaterina-khamova/zhit-v-obedinenii-chego-zhdad-ot-predsedatelstva-brazilii-v-briks> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Карпович О.Г. Демократия и демократизация в контексте нового миропорядка // Политика и общество. — 2013. — № 8 (104). — С. 1012–1020.
4. Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами (сравнительный политологический анализ) // Национальная безопасность / Nota Bene. — 2013. — № 4 (27). — С. 605–612.
5. Карпович О.Г. Современные подходы США и Европейского союза к управлению международными конфликтами // Политика и общество. — 2011. — № 12 (84). — С. 12–17.
6. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Латинской Америки // Russian Journal of Management. — 2019. — Т. 7. — № 2. — С. 26–30.
7. МУС: отказ Монголии арестовать Путина передан на рассмотрение Ассамблеи Суда. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/10/1457701> (дата обращения: 10.02.2025).
8. Председательство России в БРИКС в 2024 году и перспективы на 2025 год: интервью Сергея Рябкова. — URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/predsedatelstvo-rossii-v-briks-v-2024-godu-i-perspektivy-na-2025-god-intervyu-sergeya-ryabkova/> (дата обращения: 10.02.2025).
9. Пресс-конференция по итогам XVI саммита БРИКС. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75385> (дата обращения: 10.02.2025).
10. Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / В.П. Баранов, А.А. Бартош, И.В. Бочарников, О.Г. Карпович и др. — 2-е издание, исправленное. — М.: Издательство «Экон-Информ», 2022.
11. Шангараев Р.Н., Гришкина А.В. Деглобализация и дедолларизация национальной платежной системы Российской Федерации; Дипломатическая академия МИД России. — М.: Сам Полиграфист, 2023. — 172 с.
12. Шангараев Р.Н. Формирование кластерных структур в современной экономике // Горизонты экономики. — 2011. — № 2. — С. 71–72.
13. Beeson M. Economic Statecraft in the Age of Sanctions. — Cambridge University Press, 2023.
14. Cardoso F.H. Dependency and Development in Latin America. — University of California Press, 1979.
15. He K. Contested multilateralism 2.0 and regional order transition: causes and implications // The Pacific Review. — 2018. — 32(2). — P. 210–220. — URL: <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1465455> (дата обращения: 10.02.2025).
16. Kahler M. (2013). Rising Powers and Global Governance: Negotiating Change in a Resilient Status Quo // International Affairs. — 2013. — 89: 3. — P. 711–729.
17. Patrick S. The New “New Multilateralism”: Minilateral Cooperation, but at What Cost? // Global Summitry. — 2015. — v. 1, n. 2. — P. 115–134.
18. Russia, China, Europe, Eurasia and the USA: COVID-2019 and after — What Our Future May Be? Summary of the Online International Roundtable Discussion // Сравнительная политика. — 2020. Т. 11. — № 3. — С. 5–11.

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП

CLIMATE AGENDA: A TURNING POINT

Аннотация: обсуждение климатических проблем на 29-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (COP29), проходившей в ноябре 2024 года в Баку, не дало конкретных ответов. Развитые и развивающиеся страны занимают разные позиции относительно путей преодоления негативных последствий изменения климата. Подходы развитых и развивающихся государств формируются под влиянием многих факторов, в том числе наличия финансовых ресурсов и наличия ископаемого топлива. Соответственно, так и не выработан конкретный и единый план преодоления последствий от изменения климата. Обсуждение вопросов преодоления последствий повышения температуры происходит на фоне обострения геополитических процессов и трансформации мировой экономики. Между тем, в последнее время климатические проблемы уже оказывают негативное влияние на развитие отдельных стран и регионов. Неопределенности в дальнейшем сотрудничестве в рамках климатической повестки добавило заявление президента Дональда Трампа, который сообщил о выходе США из Парижского соглашения.

Ключевые слова: климат, температура, Киотский протокол, Парижское соглашение, США, Китай, Европа.

Abstract: the discussion of climate issues at the 29th Conference of the Parties (COP29) to the UN Framework Convention on Climate Change, held in Baku in November 2024, did not result in concrete solutions. Developed and developing countries still have different positions on how to mitigate the negative impacts of climate change. The positions of participants are determined by their financial resources and the presence or absence of fossil fuels. Consequently, no definite and unified plan to address the impacts of climate change has been elaborated. Discussions on overcoming the consequences of rising temperatures are taking place amid aggravating geopolitical processes and the transformation of the global economy. Meanwhile, in the coming years, climate problems may have a negative impact on the development of individual states and regions. Uncertainty in further cooperation in the framework of the climate agenda was added by the statement of president Donald Trump, who announced the withdrawal of the United States from the Paris Agreement.

Key words: climate, temperature, Kyoto Protocol, Paris Agreement, USA, China, Europe.

Введение

Изменение климата находится в фокусе внимания мирового сообщества. «С 1970 года глобальная приземная температура увеличивалась быстрее, чем за любой другой 50-летний период, по меньшей мере за последние 2000 лет» [14].

Повышенное внимание к данной проблеме, которая приобрела глобальный характер, связано с долгосрочными вызовами. Климатические изменения ставят под угрозу ситуацию в экологии, оказывают негативное влияние на развитие экономики, усиливают социальную нестабильность. «Изменение климата уже затрагивает все населенные регионы земного шара, при этом влияние человека способствует многим наблюдаемым изменениям метеорологических и климатических экстремальных событий» [14].

Для минимизации последствий изменения климата в последние десятилетия страны пытаются выработать общие подходы на международных конференциях, формируя общие позиции и координируя свои действия. В то же время на протяжении нескольких десятилетий позиции государств существенно менялись. Это было связано с изменениями в мировой политике и экономическими трансформациями, что побуждало страны вырабатывать новые механизмы, которые были направлены на минимизацию климатических последствий.

Климатические конференции: начало процесса

Изменения климата и, самое главное, последствия этих изменений требовали выработки совместных решений, которые выходили за рамки национальных интересов. Для этого стали ежегодно созываться конференции, на которых делались попытки выработать общие подходы. В 1995 году состоялась 1-я конференция сторон (COP1). Изначально обозначились различные позиции участников. Государства, которые владели углеводородными ресурсами, были не согласны с ограничением своей деятельности, на чем настаивали развивающиеся государства. Несмотря на противоречия между участниками, конференция дала импульс к обсуждению климатической проблематики. В результате в декабре 1997 г. был подписан Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. «Ключевая идея документа заключалась в снижении выбросов

парниковых газов. К 2012 г. они должны были снизиться на 5%» [7]. Изначально, в силу экономического развития, протокол затрагивал интересы развитых государств, а также стран, которые относились к странам с переходной экономикой. Подобный подход предполагал, что на развивающиеся страны не будут наложены ограничения, связанные с парниковыми газами. Более того, отдельным странам — Китаю, Индии, Бразилии и Мексике — позволено наращивать выбросы: считается, что таким образом они смогут развивать свои экономики. Такое поощрение к увеличению выбросов объяснялось тем, что отсутствовало четкое понимание относительно того, какого уровня развития экономики достигнут развивающиеся государства через 10–15 лет. В свою очередь, отдельные «страны ЕС обязались сократить свои выбросы на 8%, США — на 7%, Япония — на 6%» [9].

При этом в последующее десятилетие развивающиеся страны стали вносить весомый вклад в выбросы парниковых газов. Данную тенденцию — влияние этих стран на климат — подтвердил Четвертый доклад Межправительственной комиссии по изучению изменения климата (IPCC). В нем говорилось, что, «несмотря на усилия отдельных стран мира, концентрация парниковых газов в атмосфере Земли не только не уменьшилась по сравнению с 1990 г., но, наоборот, возросла на 10%» [29].

Документ 1997 г. показал, что в развитых и развивающихся государствах есть понимание необходимости разработки мер, которые в конечном итоге приведут к снижению парниковых выбросов, что позволит предотвратить нарастание негативных последствий, связанных с изменением климата. В то же время сложности с ратификацией документа наглядно показали, что приверженность политическим заявлениям вступает в противоречие с экономическими интересами. Большинство участников конференции было не готово финансировать мероприятия, связанные со снижением выбросов парниковых газов. Разногласия сохранялись по принципиальным вопросам, которые затрагивали учет выбросов, подходы к организации торговли лицензиями. Несмотря на разногласия, в 2001 г. на очередной конференции в г. Марракеше была представлена программа, которая дополняла Киотский протокол. Так называемое Марракешское соглашение упорядочивало вопросы, которые ранее вызывали острые споры.

Наряду с трудностями в разработке механизмов регулирования, негативное влияние на защиту климата оказывали внутривнутриполитические события в отдельных странах. В 2001 г. в Канаде, США, Австралии к власти пришли силы, которые негативно относились к участию в климатических конференциях и выступали против подписания климатических документов. В марте 2001 г. США вышли из Киотского протокола. О поддержке американского курса заявили Австралия и Канада. Впрочем, несмотря на это ратификация Киотского протокола в разных странах продолжалась. В итоге в 2005 г. он вступил в силу. В 2012 г. на конференции в Катаре в документ были внесены дополнения, которые пересматривали требования по вопросу парниковых газов. «Страны ЕС должны были сократить свои выбросы на 30% по сравнению с уровнем 1990 г., Украина — на 24%, Австралия — на 15%, Норвегия — на 30–40%. Япония, Канада и Россия отказались принимать на себя какие-либо обязательства» [24]. При этом такие страны, как «Китай, Индия, Бразилия, Мексика и другие вновь были освобождены от обязательств, хотя они были ответственны за более чем 40% выбросов парниковых газов в мире» [22].

К моменту ратификации Киотского протокола его поддержка во многих странах сменилась скептическим отношением к климатической проблематике. Это привело к тому, что последующие конференции не отличались результативностью. На конференциях, которые проходили в городах Буэнос-Айрес (2004, COP10), Монреаль (2005, COP11), Найроби (2006, COP12), о. Бали (2007, COP13), Познани (2008, COP14), стороны не достигли договоренностей.

На конференциях проявились противоположные позиции, которые свели к минимуму поиск компромисса. Бедные государства хотели получать больше финансовых средств, а Индия и Китай не собирались обременять себя обязательствами. Кроме того, бедные государства указывали, что основной вклад в выбросы вносят индустриальные государства. «На страны глобального “Севера”, которые начали свое промышленное развитие более 200 лет назад, приходилось порядка 76% „искусственного“ углерода, находящегося в атмосфере. Доля развивающихся стран составляет порядка 24%» [27].

Развитые государства обсуждали создание фонда в размере 100 млрд долларов, который должен был взять на себя финанси-

рование различных мероприятий. При этом не было определено, кто и в каких размерах должен вносить в него средства.

В 2010 г. на 16-й конференции в Мексике стороны пришли к единой позиции — повышение температуры атмосферы Земли не должно превысить 2 °С. Данный показатель не должен был возрасти к 2100 г. Согласно расчетам, повышение температуры в 2 °С позволяло рассчитывать, что государства сохранят контроль над экологией и изменения климата не будут носить критический для человека характер. На конференции было образован Зеленый климатический фонд (ЗКФ)¹.

Страны уточняют климатические цели

На Конференции ООН по изменению климата, которая прошла в Париже 2015 г., стороны зафиксировали климатические цели. Они заключались в том, чтобы не допустить прирост глобальной средней температуры выше 2 °С сверх доиндустриального уровня и приложить усилия в целях ограничения роста температуры до 1,5 °С. По оценкам, «это значительно сократит риски и воздействия на изменения климата» [16].

Инструментом, «который должен был сдерживать повышение температуры, должно было стать принятие странами добровольных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 и 2050 гг. К указанным датам рост выбросов парниковых газов должен был прекратиться, а затем ежегодно уменьшаться» [16]. «Для достижения поставленных целей к 2100 г., согласно докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) за 2014 г., необходимо было сократить глобальные выбросы CO₂ в два-три раза по сравнению с уровнем 2010 г.» [21].

Многие страны брали на себя повышенные обязательства. Например, к указанному времени Германия рассчитывала развивать экономику, в которой не использовались бы полезные ископаемые. «В переходный период ставка делалась на развитие технологий на основе природного газа» [30]. «В ЕС было намерено сократить выбросы к 2030 г. на 40% по отношению к 1990 г., увеличить долю возобновляемых источников энергии в структуре выработки электроэнергии до 27%, увеличить энергоэффективность хозяйства также на 27%» [20]. «Китай планировал

¹ По состоянию на декабрь 2023 г. портфель GCF составлял 13,5 млрд долларов.

к 2030 г. достичь пика выбросов парниковых газов и затем начать их сокращение. Главной задачей Пекина являлась экологическая эффективность развития экономики. Тем самым упор делался на экологическую и энергетическую эффективность производства. Мексика заявила о сокращении на 50% парниковых газов к 2050 г.» [32].

В 2017 г. состоялась 23-я конференция — COP23, которая проходила в Германии. Был принят документ — «Фиджийский момент для реализации (Фиджи — председатель COP-23), 1/CP.23» [28]. Первая часть касалась финансовой стороны вопроса. Дискуссии о необходимости проведения более четкой политики в вопросах выделения финансов развитыми странами привели к появлению компромиссной формулировки, которая носила рекомендательный характер. Вторая часть была посвящена решению о проведении в январе 2018 г. «Диалога-2018». Третья часть касалась деятельности стран до 2020 г. Ожидалось, что на COP24 будут подведены промежуточные итоги.

В 2018 году состоялась 24-я конференция сторон — COP24 в Катовице, Польша. На мероприятии предполагалось обсудить способы реализации положений Парижского климатического соглашения, принятого в 2015 г. В итоге был принят «Катовицкий пакет» [33], который стал «дорожной картой» реализации Парижского соглашения по климату. В пакете были изложены основные процедуры и механизмы, которые могли сделать Парижское соглашение работоспособным. На конференции предлагалось скорректировать климатические цели — ограничить глобальное потепление на 1,5 °C.

Сложное решение климатических проблем

Обострение проблем, которые возникали в связи с изменением климата, усилило внимание многих государств к данному вопросу. В последние годы на конференции по климату возлагали большие надежды. В 2019 г. в Мадриде прошла 25-я конференция сторон Конвенции ООН по изменению климата (COP25). На данном мероприятии предполагалось определить правила, которые бы определяли порядок финансирования убытков, которые возникали вследствие изменения климата. Также были ожидания, что страны повысят обязательства по выбросам парниковых газов. Однако

прорыва в решении данных вопросов не произошло. Участники мероприятия не добились прогресса, поскольку отсутствовали источники финансирования.

Во втором десятилетии XXI века обсуждение климатической повестки проходило на фоне увеличения количества и масштабов природных катаклизмов. Засухи, штормы и наводнения стали происходить регулярно, что увеличивало расходы на преодоление последствий. Однако, несмотря на это, к реальным шагам, связанных с выделением финансирования, страны не приступили. В частности, лишь 84 страны заявили о повышении своих целей, которые предполагали снижение.

В 2020 г. США вышли из Парижского соглашения. Обязательства, взятые странами, позволяли рассчитывать на то, чтобы избежать увеличения температуры на планете на 4–5 °C. Эти вопросы должны были обсуждаться на конференции по климату в декабре 2020 г. На конференции был принят документ, который «призывал к срочным и амбициозным глобальным действиям в области климата» [19].

В 2021 г. состоялась 26-я конференция сторон — COP26 в Глазго. Конференция проходила в условиях продолжавшейся пандемии COVID-19. Ожидалось, что на конференции будет «достигнуто соглашение, которое обозначит новые задачи по снижению выбросов парниковых газов» [10]. Речь вновь шла о повышении среднесрочных целей по сокращению выбросов.

В 2022 г. прошла COP27. Конференция осуществляла свою работу в условиях различных кризисов и обострения геополитической ситуации. «Негативное влияние оказывали последствия от COVID-19: инфляция в мировой экономике и климатические катастрофы. В том году планета изнывала от небывалой жары и засухи» [15], уменьшался объем ледников [12], а «уровни рек опускались до очень низких отметок» [5].

Еще до конференции стали обсуждаться вопросы, которые затрагивали «выполнение странами своих определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ), что приведет к увеличению выбросов парниковых газов на 10,6% к 2030 г. Однако для удержания глобального роста средней температуры на уровне 1,5 °C необходимо сокращение выбросов на 45%. В противном случае планету могло ждать катастрофическое потепление на 2,5 °C» [2].

В целом, вариант соглашения между странами по сокращению выбросов парниковых газов содержал обтекаемые формулировки. Согласно Климатическому пакту Глазго [8], страны-участницы подтверждали цели Парижского соглашения по удержанию прироста мировой температуры на уровне не выше 2,0 °C и соглашались прилагать усилия для сдерживания прироста на уровне 1,5 °C.

Определенные успехи были достигнуты в отдельных странах. Так, обязательства по переходу к безуглеродной экономике подтвердили Индия, Таиланд, Непал, Нигерия и Вьетнам. Индией, например, «были приняты новые обязательства к 2030 г. ввести 500 ГВт безуглеродных энергомощностей и довести долю возобновляемой энергетики до 50% в энергобалансе» [18].

Тем не менее в целом на конференции не было принято каких-либо решений. Это касалось развития ключевых источников возобновляемой энергии. Участникам конференции «не удавалось достичь консенсуса по финальному соглашению» [25]. «Ряд участников называл документ дорогой в климатический ад» [26]. Первоначально «в проекте не содержалось информации о создании фонда возмещения убытков и ущерба, хотя этот пункт был ключевым требованием развивающихся стран. Тем не менее после переговоров было подписано соглашение о создании специального фонда “Loss and Damage”» [31]. Средства предполагалось направлять бедным странам, которые не имели возможности преодолевать последствия от изменения климата.

В итоге на конференции COP27 была вновь сделана попытка сформировать механизмы компенсации, которые могли возникнуть от климатических изменений, и предоставить средства на реализацию программ адаптации к меняющейся окружающей среде.

В 2023 г. состоялась 28-я конференция сторон — COP28. В ходе конференции был принят документ, в котором было отражено революционное положение — в перспективе отказаться от ископаемого топлива [3]. Таким образом, в обсуждении проблем изменения климата начался новый этап.

На конференции был принят документ по Глобальному подведению итогов имплементации Парижского соглашения [6], который дал оценку достижениям стран и прогрессу в области смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним. В документе впервые в истории прямо говорилось о проблеме ископаемых ви-

дов топлива и содержался призыв к странам осуществить переход к менее углеродоёмким альтернативам. Также была отражена роль атомной энергетики, «зеленого» водорода и значение технологий по улавливанию парниковых газов, которые рассматривались в качестве транзита к более чистой энергетической системе.

В результате в документах был отражен прогресс в общем понимании инструментов глобальной декарбонизации, однако «о значительных успехах в расширении инструментария зелёного перехода говорить трудно» [6]. По-прежнему нерешёнными оставались вопросы достижения цели по адаптации и финансам, необходимым не только для смягчения климатических рисков, но и для повышения развивающимися странами своих амбиций по сокращению выбросов.

В условиях геополитической неопределенности

11–22 ноября 2024 г. в Баку прошла 29-я конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP29). С одной стороны, конференция подвела итоги в решении климата, которые оказались неутешительными. С другой стороны, в очередной раз было продемонстрировано отсутствие единой позиции в устранении негативных последствий изменения климата.

Итогом конференции «стало согласование новой глобальной цели климатического финансирования. Она предполагала консолидацию 300 млрд долл. ежегодно к 2035 г. «[23]. Данное решение было направлено на замену прежнего подхода, который предполагал создание фонда в 100 млрд долл. В целом, сбор финансовых средств, точнее невыполнение развитыми странами своих обязательств, оставался ключевым вопросом. Не случайно на конференции отмечали, что «реально необходимая сумма 1,3 трлн долл. в год к 2035 году была включена в итоговую резолюцию COP29 только в качестве призыва к увеличению дополнительного финансирования из государственных и частных источников. Это еще больше увеличивает разрыв между развитыми и развивающимися странами. При этом даже условия выделения этих денег из принятого документа неясны: ранее развивающиеся страны требовали направлять финансы в большей части в форме грантов, а не кредитов» [13].

На COP29 была запущена инициатива «Глобальное обязательство по хранению энергии и сетям» [11]. Ее реализация предпо-

лагала «утроение мировых мощностей возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и включает увеличение мощностей хранения энергии в 6 раз к 2030 г.; строительство 25 млн км электросетей к 2030 г. и ещё 65 млн км к 2040 г.» [4].

На конференции была принята «декларация прикаспийских государств, в которой нашла отражение проблема предотвращения экологических угроз, связанных с изменением уровня Каспийского моря» [1].

В целом, на конференции вновь столкнулись позиции стран, обладающих полезными ископаемыми, и теми, кто ими не располагает. Так Китай, Сингапур, арабские государства не планировали участвовать в финансировании мероприятий, направленных на минимизацию последствий климатических изменений.

Заключение

В последние годы климатические конференции отражают фундаментальные изменения в мировой экономике и мировой политике. Это в полной мере проявляется в позициях отдельных стран, которые они представляют в рамках конференций сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP). Соответственно, климатические конференции перестали быть исключительно «климатическими». Вопросы экологии и климата тесно увязываются с проблемами экономического развития. Все чаще встает вопрос относительно того, кто же должен в конечном итоге нести затраты для достижения углеродной нейтральности, каковы должны быть финансовые механизмы, как бизнес должен на всё это реагировать, и т.д.

Становится все более очевидным, что интересы стран значительно расходятся. Развитые государства не торопятся выделять средства развивающимся странам при том, что повышение температуры продолжается высокими темпами, порождая появление негативных сценариев климатического развития и возможных последствий.

На фоне сложных переговоров между странами меняется позиция отдельных государств и крупного бизнеса, которые пересматривают свои подходы в отношении климатической повестки. Более того, не все государства готовы поддерживать климатическую повестку. Так, в январе 2025 года президент США заявил, что страна

выходит из Парижского соглашения. «Выход из Парижского соглашения позволит США перераспределить ресурсы, ранее направленные на поддержку международных климатических инициатив, в пользу внутреннего развития. Параллельно это решение сократит доступность климатического финансирования для развивающихся стран. За последнее десятилетие финансирование США зеленого климатического фонда (GCF), основного инструмента для поддержки международной климатической устойчивости, составило 2 млрд долл. Тот же порядок инвестиций (2 млрд долл.) США внесли в климатический инвестиционный фонд (CIF), по данным на 2023 год. Эти взносы сопоставимы с инвестициями страны в атомную энергетику, но примерно в 140 раз меньше, чем в нефтегазовый сектор» [17].

Тем не менее многие государства не отказываются от климатической повестки. Активно ведут себя Индия и Китай, которые уделяют данному вопросу повышенное внимание. Ключевой задачей остаются преодоление национальных интересов государств, выработка эффективных подходов, которые позволят снизить негативные последствия повышения температуры, что повышает уровень угрозы политическому и экономическому развитию. Например, «каждые дополнительные 0,5 °C глобального потепления вызывают четко различимое увеличение интенсивности и частоты экстремально жарких событий, включая волны жары и сильных осадков, а также сельскохозяйственных и экологических засух в некоторых регионах. Существенные изменения в интенсивности и частоте метеорологических засух будут происходить в некоторых регионах при каждом дополнительном повышении глобального потепления на 0,5 °C, при этом для большинства регионов будет наблюдаться усиление метеорологических засух. Увеличение частоты и интенсивности гидрологических засух становится более значительным при повышении глобального потепления в некоторых регионах. При дополнительном глобальном потеплении и даже при глобальном потеплении на 1,5 °C будет наблюдаться увеличение повторяемости некоторых экстремальных событий, не имеющих аналогов в истории наблюдений» [14].

Литература

1. В рамках COP29 принята декларация прикаспийских стран // Межгосударственная телерадиокомпания «Мир». — URL: <https://mir24.tv/news/16617853/v-ramkax-cop29-priniata-deklaraciia-prikaspiiskix-stran> (дата обращения: 15.12.2024).

2. *Василенко Е.* Ключевые итоги COP27. 28 ноября 2022. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/klyuchevye-itogi-cop27/> (дата обращения: 23.01.2025).
3. Докопались до ископаемых // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6396990.html> (дата обращения: 12.12.2024).
4. *Идрисов Т.* КС-29: новые инициативы по «зеленой» энергии и миру. 16 ноября 2024. — URL: <https://leworld.org/tpost/9f1509jfy1-ks-29-novie-initsiatiivi-po-zelenoi-energ> (дата обращения: 23.01.2025).
5. Из обмелевших европейских рек показались снаряды времен Второй мировой. — URL: <https://www.mk.ru/social/2022/08/15/iz-obmelevshikh-evropeyskikh-rek-pokazalis-snaryady-vremen-vtoroy-mirovoy.html> (дата обращения: 09.12.2024).
6. Итоговый документ COP28: преодолевая разногласия. — URL: <https://climate-change.moscow/en/materials/itogovyyu-dokument-sor28-preodolevaya-raznoglasiya> (дата обращения: 12.12.2024).
7. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принят 11 декабря 1997 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 13.01.2025).
8. Климатический пакт Глазго. — URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cta2021_L16R.pdf (дата обращения: 09.12.2024).
9. *Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В., Бурнасов А.С.* Международная климатическая дипломатия в поисках решения глобальной проблемы // Международные отношения. — 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 117–131.
10. КС-26: Совместные действия на благо нашей планеты. — URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/cop26> (дата обращения: 09.12.2024).
11. КС-29: новые инициативы по «зеленой» энергии и миру. — URL: <https://leworld.org/tpost/9f1509jfy1-ks-29-novie-initsiatiivi-po-zelenoi-energ> (дата обращения: 15.12.2024).
12. Ледники Швейцарии стремительно тают: 2022 год стал для них катастрофическим. — URL: <https://ru.euronews.com/2022/09/28/swiss-glaciers-record-melting> (дата обращения: 09.12.2024).
13. *Летова М.* Наша позиция нашла отклик у международных коллег. 28.11.2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7330093?ysclid=m82ouuk8br785827033> (дата обращения: 26.01.2025).
14. МГЭИК, 2021: Резюме для политиков. В: Изменение климата, 2021 год: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Шестой оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата [Массон-Дельмонт, М.П. Чжай, А. Пирани, С.Л. Коннорс, К. Пеан, С. Бергер, Н. Кауд, Ю. Чэнь, Л. Голдфарб, М.И. Гомис, М. Хуан, К. Лейтцелл, Э. Лонной, Дж. Б.Р. Мэтьюз, Т.К. Мэйкок, Т. Уотерфилд, О. Йелекчи, Р.Ю. и Б. Чжоу (ред.)]. Кембридж юниверсити пресс.
15. НАСА отмечает рекордную жару во всем мире. — URL: <https://ru.sputnik.kz/20220717/nasa-rekord-zhara-26175140.html> (дата обращения: 09.12.2024).
16. Парижское соглашение. Париж, 2015. — URL: http://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 13.12.2024).
17. *Трифонов В.* Как выход США из Парижского соглашения повлиял на международную повестку. 10.03.2025. — URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2025-03-10/9_9209_usa.html (дата обращения: 10.03.2025).
18. *Филимонов С.* Насколько Индия преуспела в реализации экологических принципов. 7 октября 2022. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/63243c449a79474e333d9d18> (дата обращения: 21.01.2025).
19. Chile Madrid Time for Action. — URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cp2019_L10E_adv.pdf (дата обращения: 13.01.2025).
20. Climate Action. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/climate-action/> (дата обращения: 13.01.2025).
21. Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers. — N. Y., 2015.
22. CO₂ emissions (kt) — for all countries. Factfish [Electronic resource]. — URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/booklet/CO2_emissions_of_all_world_countries_2022_report.pdf (accessed: 11.12.2024).

23. COP29 concludes with climate finance deal. — URL: <https://www.un.org/en/climatechange/cop29> (дата обращения: 13.01.2025).
24. Doha Amendment to the Kyoto Protocol 2012. — URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2015/559475/EPRS_ATA%282015%29559475_EN.pdf (accessed: 11.12.2024).
25. Draft cover text published. — URL: <https://www.theguardian.com/environment/live/2022/nov/17/cop27-draft-cover-text-published-fears-lack-ambition-live?filterKeyEvents=false&page=with: block-6375e26b8f08341844537bae#block-6375e26b8f08341844537bae> (дата обращения: 13.01.2025).
26. Draft Cop27 agreement fails to call for 'phase-down' of all fossil fuels // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/nov/17/draft-cop27-agreement-fails-to-call-for-phase-down-of-all-fossil-fuels> (дата обращения: 13.01.2025).
27. Ein Problem, viele Verursacher // Bundeszentrale für politische Bildung. — URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/umwelt/klimawandel/38474/industrie-und-entwicklungslaender> (дата обращения: 13.01.2025).
28. Fiji Momentum for Implementation. — URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2017/cop23/eng/l13.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).
29. IPCC Fourth Assessment Report: Climate Change 2007. — URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar4/wg1/> (дата обращения: 13.01.2025).
30. Klimaschutzplan 2050. URL: https://www.bmuv.de/fileadmin/Daten_BMU/Pool/Broschueren/klimaschutzplan_2050_en_bf.pdf (дата обращения: 13.01.2025).
31. Loss and damage: A moral imperative to act. — URL: <https://www.un.org/en/climatechange/adelle-thomas-loss-and-damage> (дата обращения: 13.01.2025).
32. Mexico's Climate Change Mid-Century Strategy 2050. — Mexico-City, 2016.
33. The Katowice climate package: Making The Paris Agreement Work For All. — URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/katowice-climate-package> (дата обращения: 13.01.2025).

Мануйлова Анастасия Евгеньевна,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Anastasia E. Manuylova,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: makal1998@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ АФРИКИ

EVOLUTION OF RUSSIA'S POLICY TOWARDS AFRICA

Аннотация: статья анализирует эволюцию развития отношений между Россией и Африкой. Рассмотрены подходы к формированию политики Российской Федерации в отношении Африки. Выявлены механизмы взаимодействия от этапов ограниченных контактов, углубления сотрудничества, активного вмешательства до прагматичного взаимодействия. Выявлены факторы, которые привели к изменениям российской внешней политики после распада СССР.

Основное внимание уделено современному состоянию политики России в отношении Африки, включая политические, экономические, военно-технические и гуманитарные аспекты. Выявлена роль России в развитии инфраструктуры, торговли, инвестиций в африканских государствах, а также в содействии им в решении международных вопросов. Анализируются многосторонние инициативы России, такие как участие в миротворческих миссиях, списание долгов африканским странам и поддержка их интеграции в мировую экономику. Сделан вывод о значимости Африки в российской внешней политике и акценте на взаимовыгодное, прагматичное сотрудничество, базирующееся на исторически сложившихся дружеских отношениях.

Ключевые слова: Россия — Африка, внешняя политика, экономическое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество.

Abstract: the article analyzes the evolution of relations between Russia and Africa. It examines the approaches to shaping the Russian Federation's policy toward Africa and identifies mechanisms of interaction, ranging from limited contacts, deepening cooperation, and active engagement to pragmatic collaboration. The study highlights the factors that led to changes in Russia's foreign policy after the collapse of the Soviet Union.

Particular attention is given to the current state of Russia's policy toward Africa, including political, economic, military-technical, and humanitarian aspects. The article explores Russia's role in the development of infrastructure, trade, and investment in African states, as well as its assistance in addressing international issues. It also analyzes Russia's multilateral initiatives, such as participation in peacekeeping missions, debt relief for African countries, and support for their integration into the global economy. The study concludes that Africa holds significant importance in Russia's foreign policy, with an emphasis on mutually beneficial and pragmatic cooperation based on historically established friendly relations.

Keywords: Russia-Africa, foreign policy, economic cooperation, humanitarian cooperation.

Введение

Изменения в мировой обстановке стали ключевыми факторами, повлиявшими на трансформацию роли Африки в советской внешнеполитической стратегии. С периода правления И.В. Сталина до эры М.С. Горбачёва политика СССР в отношении африканского континента прошла четыре основных этапа: начальные ограниченные контакты, последующее расширение сотрудничества, активное вовлечение и переход к прагматичному взаимодействию.

Стратегически важные интересы СССР охватывали различные регионы Африки, что делало Африку ключевым звеном в реализации глобальной стратегии расширения влияния СССР [31, с. 2].

Во время Второй мировой войны Эфиопия и Южная Африка вступили в антифашистскую коалицию, что укрепило их отношения с СССР. Ослабление колониальных держав и стремление СССР поддерживать угнетённые народы совмещались с его осторожностью к национально-освободительным движениям во избежание конфликтов с колониальными державами.

Экономические связи с Африкой велись через Западную Европу. Политически СССР поддерживал международное попечительство ООН над колониями, видя в этом возможность их развития.

С середины 1950-х до 1960-х годов в Африке активно росли движения за независимость, в результате чего 27 стран обрели суверенитет. Одновременно СССР, сокращая военный разрыв с США, усиливал своё влияние на континент. Н.С. Хрущёв продвигал идею «некапиталистического пути» развития для стран Африки, поддерживая их социалистическую ориентацию и предоставляя ежегодно около 180 млн долларов помощи.

Особое внимание уделялось Египту, Алжиру и Гане, где СССР сотрудничал с националистическими партиями, способствуя их социалистическим реформам. К 1964 году СССР подписал торговые и технические соглашения с 20 странами Африки, а объём торговли за десятилетие вырос почти в 10 раз [10].

В 1964 году, с приходом Л.И. Брежнева к власти, политика СССР в Африке изменилась. Увеличилось дипломатическое присутствие: к 1981 году число посольств выросло с 6 до 32, а сотрудников — до 6500 [17, с. 21]. СССР расширил поддержку

не только правящих кругов, но и африканских партий и организаций, чтобы укрепить революционные процессы.

Военная помощь значительно усилилась: в Египте число советских специалистов достигло 15 тыс. человек, велись прокси-войны в Анголе, Эфиопии и Сомали. Подписывались договоры с Южным Йеменом, Ливией и Эфиопией. Экономическое сотрудничество развивалось, но помощь сокращалась для стран с низкой отдачей. К 1980 году объём торговли с Африкой вырос до 3,3 млрд рублей.

СССР стремился контролировать энергоресурсы Персидского залива и южноафриканские полезные ископаемые, получив доступ к более чем 20 портам и аэропортам. Однако масштабная экспансия вызвала сопротивление США, Организации африканского единства и недовольство африканских стран неравноправной торговлей, усилив нагрузку на СССР.

При М.С. Горбачёве СССР изменил политику в Африке, сосредоточившись на сохранении стратегических позиций в Восточной и Южной Африке, укреплении военного присутствия в Эфиопии, Ливии и Анголе, а также смягчении отношений с Западом. Политика «мирного наступления» была направлена на урегулирование конфликтов через примирение и консультации.

Внутренние экономические трудности заставили СССР перейти, вместо затратной помощи, к взаимовыгодному сотрудничеству, чтобы снизить нагрузку и улучшить имидж страны. Были приложены усилия по контролю вооружений и поддержке африканских стран в вопросах разоружения.

В 1988 году при поддержке СССР Куба, Ангола и ЮАР подписали соглашение о независимости Намибии и выводе кубинских войск. Также СССР содействовал урегулированию внутренних конфликтов в ЮАР, стабилизируя ситуацию в регионе [5].

В целом, многолетняя деятельность СССР в Африке оставила России богатое историческое наследие. Советский Союз сформировал широкие стратегические позиции, распространив своё влияние от Северной Африки до Западной, Восточной и Южной Африки, создавая просоветские силы и правительства на протяжении периода от И.В. Сталина до М.С. Горбачёва. Это послужило фундаментом для развития экономического взаимодействия: к моменту распада Советского Союза были заключены соглашения о технической и экономической поддержке с 37 странами

Африки, а также торговые договоры с 42 государствами. Помимо этого, СССР значительно расширил своё гуманитарное и научное влияние, открыв в Африке 20 культурных центров и предоставив профессиональное обучение более чем 200 тысячам африканцев. В начале 1990-х годов советская военная техника занимала значительную долю африканского рынка: танки — 70%, истребители — 40%, вертолёты — 35% [35].

Механизмы политики Российской Федерации в отношении Африки

В первые годы после окончания холодной войны Россия переживала спад политико-экономической силы, сократила свое влияние и ориентировалась на одностороннюю внешнюю политику, направленную на Запад. В этот период значение Африки в российской стратегии снизилось и этот регион фактически выпал из поля зрения российской дипломатии.

Это привело к значительному откату в сотрудничестве между Россией и странами континента. Стратегическая важность Африки снизилась. Россия закрыла 9 посольств, 3 консульства и большинство торговых представительств в Африке. В 1991 г. Россия объявила о прекращении помощи африканским странам и одновременно потребовала от них вернуть долги, накопленные в советский период. Многие проекты, реализованные при поддержке СССР, были заморожены. Для ряда африканских стран, уже и так находившихся в сложном экономическом положении, такие действия России стали дополнительным ударом, что даже привело к падению некоторых просоветских режимов.

До распада СССР объём торговли между Советским Союзом и Африкой составлял 1,3 млрд долларов. К 1994 г. объём торговли между Россией и Африкой сократился до 740 млн долларов. Россия также закрыла 13 культурных центров в Африке, радио «Африканская служба Москвы», издательство «Прогресс» и «Дом дружбы», которые ранее занимались вопросами сотрудничества с Африкой [36]. В ответ некоторые африканские страны сократили свое дипломатическое и культурное представительство в России.

С началом XXI века Россия сосредоточилась на восстановлении своего влияния как великой державы, активно интегрировалась в глобальную экономическую систему и стала проводить

многовекторную внешнюю политику. Постепенно возрастало внимание к дипломатическим взаимодействиям с африканскими странами, что способствовало развитию сотрудничества между Россией и Африкой в различных областях.

С приходом к власти В.В. Путина в 2000 году Россия начала восстанавливаться, страна постепенно выходила из экономического кризиса. Россия стала активно продвигать концепцию многополярного мира, делая акцент на экономических интересах.

В этот же период Африка укрепляла свои позиции на мировой арене. С 2000-х годов регион демонстрировал уверенный экономический рост. С 1995 по 2005 годы среднегодовые темпы увеличения ВВП достигали 6%, а среди 20 наиболее динамично развивающихся экономик мира 8 находились на африканском континенте.

Помимо этого, Африка располагает значительными природными ресурсами. В 2001 году из 8 млрд баррелей открытых мировых запасов нефти 7 млрд приходилось на Центральную и Западную Африку. К 2012 году разведанные месторождения нефти и природного газа на континенте составляли 7,8 и 7,7% общемировых объемов. Также Африка обладает крупными залежами урана, а ее вклад в мировое производство хрома, кобальта и платины составлял 42, 47 и 82% [35].

Африканские страны, составляющие примерно четверть членов ООН, активно отстаивают свои позиции на международной арене, вырабатывая единую позицию по ключевым вопросам. После поездки президента США Билла Клинтона в Африку в 1998 году, основания Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в 2000 году и роста внимания к континенту со стороны Индии, Бразилии и Франции Россия также внесла коррективы в свою политику в отношении региона.

В России пришли к выводу, что дальнейшее игнорирование Африки может привести к утрате ресурсов, накопленных в советский период, и к полной потере влияния в регионе. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2000 г. [11] было заявлено о намерении укреплять сотрудничество с африканскими странами и содействовать скорейшему разрешению военных конфликтов. В 2001 г. В.В. Путин подчеркнул, что «Африка имеет такое же важное значение для российской дипломатии, как

и другие регионы мира» [11]. Позже, в 2007 г., В.В. Путин одобрил «Обзор внешней политики Российской Федерации», в котором было указано, что Африка играет важную роль в международной политике и экономике. Без участия африканских стран невозможно добиться эффективного глобального сотрудничества и создать систему глобальной безопасности, основанную на признанных правовых нормах [35]. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2008 г. [12] подчеркивалось, что Россия нацелена на расширение экспорта товаров, географии экономического сотрудничества и инвестиций, создания благоприятных условий для выхода на мировые рынки.

К 2012 году Россия списала африканским странам более 20 млрд долларов долгов (к 2024 году объем списанных долгов африканским странам превысил 23 млрд долларов) [23], что укрепило доверие между партнерами. Списание задолженностей африканских стран стало важным инструментом восстановления доверия и укрепления экономического сотрудничества, что создало благоприятную атмосферу для переговоров и экономического партнёрства. Эти шаги содействовали устранению многолетнего торгового дефицита Африки и создают условия для наращивания взаимной торговли.

На двустороннем уровне Россия установила стратегическое партнерство с Алжиром, Марокко, ЮАР, Нигерией и другими странами. В 2014 г. делегации из 11 африканских стран, включая Алжир и Анголу, посетили Россию для углубления политического диалога. К концу 2014 г. Россия имела 40 посольств в Африке, а консульские функции в 14 странах, где не было российских посольств, выполняли дипломатические представители России в соседних странах; африканские страны открыли в Москве 35 посольств [37]. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2016 г. говорилось, что Россия будет расширять взаимодействие с африканскими странами через политический диалог, взаимовыгодные экономические связи и углубление всестороннего сотрудничества [37, с. 3].

За последние 10 лет политическое сотрудничество России с Африкой значительно углубилось. Россия укрепила стратегическое партнерство с Алжиром, Марокко, ЮАР, Нигерией и другими странами, расширив число посольств в Африке до 43,

а африканские страны увеличили свое присутствие в Москве до 38 посольств. В 2019 году в Сочи состоялся первый саммит Россия–Африка, который привлек лидеров 43 стран и открыл путь к новым соглашениям в области безопасности, экономики и политики. Сочинский саммит Россия–Африка стал ключевым событием, укрепившим платформу для диалога между Россией, Африканским союзом и африканскими странами. В рамках саммита были инициированы проекты в области устойчивого развития, инфраструктуры и здравоохранения. Россия усилила участие в миротворческих миссиях ООН в Африке и активно взаимодействовала с Африканским экспортно-импортным банком Afreximbank для поддержки торгово-экономического сотрудничества. В 2021 году открытие представительства Африканского союза в Москве стало важным шагом к институционализации связей. К 2024 году Россия продолжила развивать образовательные и гуманитарные программы, включая увеличение квот для африканских студентов в российских вузах, а также поддержку инициатив по борьбе с изменением климата и пандемиями.

Кроме прочего, торговля между Россией и Африкой демонстрировала устойчивый рост. К 2024 году объем торговли достиг 18,5 млрд долларов, увеличившись почти в два раза за последние 10 лет. Экспорт России вырос до 14,2 млрд долларов, главным образом за счет поставок зерна, удобрений, нефти и вооружений, в то время как импорт из Африки достиг 4,3 млрд долларов, включая продукцию сельского хозяйства, минералы и текстиль. Доля торговли с Африкой в общем объеме внешней торговли России увеличилась до 2,3% [9].

Исторически основными торговыми партнерами России в Африке являются Египет, Южная Африка, Алжир и Кот-д'Ивуар [6]. К 2024 г. их доля увеличилась до 64% благодаря расширению торговых соглашений и росту объемов экспорта российских товаров, таких как зерно, удобрения, энергоносители и вооружения.

Наиболее активно развивалась торговля с Египтом, где реализация совместных инфраструктурных и энергетических проектов, таких как строительство АЭС «Эль-Дабаа», значительно укрепила экономические связи. Южная Африка оставалась ключевым партнером по поставкам металлов и минеральных ресурсов, в то время как Алжир и Кот-д'Ивуар обеспечивали стабильный

рост торговли за счет закупок российской сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Основными экспортными товарами из России в Африку являются нефть и нефтепродукты, пшеница, металлы и изделия из них, в то время как импорт из Африки включает сельскохозяйственную продукцию, такую как фрукты, орехи, какао и кофе [33]. Ожидается, что к 2030 году объем взаимной торговли удвоится благодаря увеличению экспорта пшеницы, оборудования и нефти, а также росту импорта овощей, фруктов, орехов, минеральных продуктов и продукции химической промышленности [19].

Инвестиции России в Африку также выросли. По данным Центрального банка России, к 2024 г. общий объем инвестиций достиг 1,8 млрд долларов. Основное внимание уделяется развитию энергетики, добыче полезных ископаемых и строительству инфраструктуры. «Росатом» и «Лукойл» активно реализуют проекты в области возобновляемой энергетики и геологоразведки, что способствует экономическому росту и созданию рабочих мест. Основное внимание уделялось таким странам, как Египет, Южная Африка и Алжир, где реализовывались проекты в энергетике, добывающей промышленности и инфраструктуре. Тем не менее традиционные направления инвестиций, включая Сейшельские острова, Зимбабве и Анголу, сохранили свою значимость, особенно в контексте энергетических проектов и добычи природных ресурсов [14].

Россия в определенной степени восстановила свое влияние в области обороны в традиционно дружественных африканских странах. На протяжении последнего десятилетия Россия продолжала укреплять свои позиции на рынке вооружений Африки, став одним из ключевых поставщиков оружия на континенте. В 2018 г. Россия подписала соглашение о военном сотрудничестве с Угандой, предусматривающее поставку вооружений, обучение персонала и техническую поддержку [26]. Алжир остается крупнейшим партнером, заключив в 2019 г. контракт на сумму около 2 млрд долларов на поставку систем ЗРК С-400, модернизацию ранее приобретенных истребителей Су-30 и строительство военной инфраструктуры [3]. В 2020 г. в ЮАР был модернизирован и расширен сервисный центр, созданный совместно с Denel Aviation, что позволило обслуживать более широкий спектр российских

вертолетов, включая Ми-17 и Ми-24 [25]. Помимо этого, Россия подписала соглашения с Суданом и Эфиопией, предусматривающие строительство военных объектов и поставку вооружений. В тот же период было укреплено сотрудничество с Египтом, включая поставку истребителей Су-35 и систем радиоэлектронной борьбы. В 2021 году Ангола заключила контракт на 1,5 миллиарда долларов, охватывающий поставку бронетехники, модернизацию танков Т-72 и подготовку военных специалистов. В 2024 г. Россия организовала очередные международные военно-спортивные игры, в которых приняли участие 12 африканских стран, что способствовало развитию военного сотрудничества и укреплению дипломатических связей [6]. Эти усилия укрепили позиции России как ключевого партнера в области безопасности и обороны на африканском континенте, поддерживая политическое и экономическое сотрудничество.

Что касается помощи России Африке в сфере образования, стоит отметить, что в последние годы количество африканских студентов в России значительно увеличилось, превысив 30 тыс. человек к 2024 году, из которых более 60% получали стипендии из федерального бюджета [7]. Россия продолжила развивать культурное сотрудничество с Африкой, активно используя Центр африканской культуры (САС) для организации выставок, фестивалей и образовательных программ. В рамках программы культурных школ Россия открыла центры науки и культуры в Алжире, Кении и Судане, что способствовало продвижению русского языка и культуры, а также расширению научного обмена. Россия также инициировала участие в проектах Всемирной продовольственной программы для борьбы с голодом в странах Сахеля. Совокупный объем официальной помощи, предоставленной Россией Африке, вырос до 250 млн долларов, с акцентом на развитие инфраструктуры, технологий и социального обеспечения [28]. Эти инициативы укрепили гуманитарные связи между Россией и африканскими странами, способствуя укреплению «мягкой силы» и формированию положительного имиджа России на континенте.

Заключение

Анализ эволюции российско-африканских отношений демонстрирует, что их развитие проходило через несколько этапов:

от ограниченных контактов до активного вовлечения в советский период, затем временного спада в 1990-е годы и последующего восстановления сотрудничества в XXI веке. В настоящее время политика России в отношении Африки основана на прагматизме, взаимной выгоде и учёте меняющихся геополитических условий.

Советский Союз оказал значительное влияние на развитие многих африканских стран, поддерживая национально-освободительные движения, предоставляя экономическую, военную и образовательную помощь. Однако после распада СССР произошло сокращение дипломатического и экономического присутствия России на континенте. В 1990-е годы Россия сосредоточилась на внутренних проблемах и переориентировала внешнюю политику в сторону Запада, что привело к снижению активности на африканском направлении.

С начала 2000-х годов Россия вновь стала уделять внимание Африке. Восстановление экономики позволили Москве вернуться к многовекторной внешней политике, в которой африканское направление стало одним из приоритетных. Ключевыми направлениями сотрудничества стали политическое взаимодействие, экономическое партнёрство, военно-техническое сотрудничество и гуманитарные проекты. Россия активно участвует в развитии инфраструктуры, торговли и инвестиций в африканские страны, а также в решении международных вопросов, связанных с безопасностью и устойчивым развитием.

Особое значение имеет военно-техническое сотрудничество, которое остаётся важным инструментом укрепления двусторонних связей. Россия является одним из крупнейших поставщиков вооружений в Африку, что способствует не только повышению обороноспособности африканских государств, но и укреплению политических и дипломатических связей. Помимо этого, растёт сотрудничество в сфере миротворческих операций и борьбы с терроризмом.

Экономическое взаимодействие также демонстрирует позитивную динамику. Россия активно участвует в добыче полезных ископаемых, развитии энергетики, сельского хозяйства и промышленности в Африке. Торговый оборот между Россией и африканскими странами устойчиво растёт, а инвестиционные проекты охватывают ключевые отрасли, включая строительство

инфраструктуры, добычу полезных ископаемых и поставки сельскохозяйственной продукции.

Гуманитарные инициативы играют важную роль в укреплении российско-африканских связей. Россия продолжает образовательные программы, предоставляя стипендии африканским студентам, а также развивает медицинское сотрудничество, что особенно актуально в условиях глобальных вызовов, таких как пандемии и изменение климата.

Современная политика России в отношении Африки основывается на принципах равноправного партнёрства, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. В отличие от периода холодной войны, когда сотрудничество носило идеологический характер, нынешняя стратегия ориентирована на прагматизм и взаимную выгоду. Россия стремится укреплять позиции в Африке через многосторонние форматы, такие как ООН, БРИКС и Африканский союз, что позволяет расширять кооперацию и участвовать в глобальных инициативах, направленных на развитие континента.

Таким образом, Африка играет всё более значимую роль в российской внешней политике. В условиях растущей конкуренции мировых держав за влияние на континенте Россия выстраивает отношения с африканскими странами на основе долгосрочного стратегического сотрудничества. В ближайшие годы можно ожидать дальнейшего расширения взаимодействия в различных сферах, что будет способствовать укреплению позиций России в Африке и созданию новых возможностей для развития двусторонних отношений.

Кроме того, российско-африканские отношения могут сыграть важную роль в формировании многополярного мира. Укрепляя связи с африканскими странами, Москва расширяет свою сферу влияния, диверсифицирует внешнеэкономические связи и способствует укреплению глобальной стабильности. В перспективе продолжение активной политики на африканском направлении позволит России не только расширить экономическое присутствие, но и усилить свою роль как одного из ключевых игроков на международной арене.

Литература

1. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. — М: Международные отношения, 2017. — 142 с.
2. *Боришполец К.П.* Стратегические интересы России в Африке // Международная аналитика, 2019. — С. 7–15.
3. Владимир Путин назвал Алжир ключевым партнером в арабском мире и в Африке // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2023/06/15/energetika-druzbyby.html> (дата обращения: 24.02.2025).
4. Власти раскрыли топ-5 торговых партнеров России в Африке // РБК. — URL: https://www.rbc.ru/economics/30/09/2023/6516a0959a79473878cc7d3c?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 21.01.2025).
5. Война длиной почти 30 лет: как Намибия боролась за независимость от ЮАР // African Initiative. — URL: <https://afrinz.ru/2024/08/vojna-dlinoj-pochti-30-let-kak-namibiya-borolas-za-nezavisimost-ot-yuar/> (дата обращения: 21.01.2025).
6. В России в 2024 году пройдут международные военно-спортивные игры // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/17645871> (дата обращения: 18.02.2025).
7. В российских вузах учатся более 30 тысяч студентов из Африки. — URL: <https://russkiymir.ru/news/328757/> (дата обращения: 28.01.2025).
8. Газпром ведет разведку углеводородов на сухопутном участке Эль-Ассель в Алжире. — URL: <https://www.gazprom.ru/projects/algeria/> (дата обращения: 28.01.2025).
9. Дмитрий Волвач: за 8 месяцев 2024 года товарооборот между Россией и Африкой вырос на 18,5% // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_za_8_mesyacev_2024_goda_tovarooborot_mezhdu_rossiey_i_afrikoy_vyros_na_185.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 18.01.2025).
10. История отношений СССР и России со странами Африки // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/18364521> (дата обращения: 21.01.2025).
11. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 28.01.2025).
12. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. // Пир-центр. — URL: <https://pircenter.org/2022/08/08/koncepcija-vneshnej-politiki-rossijskoj-federacii-2008-g/> (дата обращения: 21.01.2025).
13. Концепция внешней политики Российской Федерации. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 21.01.2025).
14. Кормилица Африки и Азии: куда Россия экспортировала продовольствие в 2024 году // Forbes. — URL: <https://www.forbes.ru/prodovolstvennaya-bezopasnost/527624-kormilica-afriki-i-azii-kuda-rossia-eksportirovala-prodovolstvie-v-2024-godu> (дата обращения 18.02.2025).
15. *Ли Чжун Хай. 李中海.* Теория и практика российской экономической дипломатии — Э Ло Сы Цзин Цзи Вай Цзяо Ли Лунь Юй Ши Цзянь. 俄罗斯经济外交理论与实践, 2011. — 54 с.
16. *Лю Цзин. 刘静.* Советское экспансионистское проникновение в Африку — Су Лянь Дуй Фэй Чжоу Дэ Ко Чжан Шэнь Тоу. 苏联对非洲的扩张渗透, № 6. — 1981 г. — 45 с.
17. *Маслов А.А., Свиридов В.Ю.* и др. Африка 2023. Возможности и риски. —М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. — 47 с.
18. *Маслов А.А., Свиридов В.Ю., Суслов Д.В., Мезенцев С.В., Зайцев В.Ю.* Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. — М.: Международные отношения, 2021. — 142 с.
19. Минэкономразвития: до 2030 товарооборот между Россией и Африкой может увеличиться вдвое // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_do_2030_tovarooborot_mezhdu_rossiey_i_afrikoy_mozhet_uvelichitsya_vdvoe.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 18.02.2025).
20. *Никуличев С.Ю.* Россия и страны Африки: Экономические отношения в начале XXI века. — М., 2009. — 28 с.
21. Перечень соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложе-

- ний. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/perechen_soglasheniy_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvami_inostrannyh_gosudarstv_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_kapitalovlozheniy/. (дата обращения: 28.01.2025).
22. Поездкой в Анголу Дмитрий Медведев завершил серию визитов в страны Африки // Президент России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/4626/print> (дата обращения: 28.01.2025).
23. Путин: Россия списала странам Африки долги на 23 миллиарда долларов // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20230728/afrika-1886792453.html> (дата обращения: 18.02.2025).
24. Россия — Африка: новая экономическая политика // Росконгресс. — URL: <https://roscongress.org/materials/rossiya-afrika-novaya-ekonomicheskaya-politika/>, 16.01.2024 (дата обращения: 28.01.2025).
25. РФ и ЮАР открыли сервисный центр по обслуживанию российских вертолетов // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20130327/929186256.html> (дата обращения: 18.02.2025).
26. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Уганды о военно-техническом сотрудничестве. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46156/ (дата обращения: 28.01.2025).
27. Список международных договоров об избежании двойного налогообложения между Российской Федерацией и другими государствами (List of the tax agreements for the avoidance of double taxation between the Russian Federation and other States) (на 10.01.2023). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376715/, 10.01.2023 (дата обращения: 28.01.2025).
28. Торгово-экономическое и гуманитарное взаимодействие России со странами Африки // Росконгресс. — URL: <https://roscongress.org/materials/rossiya-afrika-razvitie-torgovo-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-partnerstva/> (дата обращения: 18.02.2025).
29. Цао Юнь Хуа Пэн Вэнь Пин. 曹云华、彭文平. Взгляд АСЕАН на экономическую безопасность — Дун Мэн Дэ Цзин Ци Ци Ань Цюань Гуань. 东盟的经济安全观, 2010. — 21 с.
30. Цян Сяо Юнь. 强晓云. Краткая информация о текущей политике России в отношении Африки и механизмах сотрудничества — Дан Цянь Э Ло Сы Дуй Фэй Чжоу Чжэн Цэ Ци Хэ Цзо Ци Чжи Чу Тань. 当前俄罗斯对非洲政策及合作机制初探, 2011. — 54 с.
31. Чжан Сяньюнь. 张祥云. Чжань Хоу Сы Да Линь Ши Ци Су Лянь Дуй Вай Чжэн Цэ Чу Тань — Предварительное исследование советской внешней политики в послевоенный сталинский период. 战后斯大林时期苏联对外政策初探 // Ляочэнский педагогический колледж — Ляо Чэн Цзяо Юй Сюэ Юань. 聊城教育学院. № 1. — 1994. — 28 с.
32. Экономические приоритеты отношений России и Африки южнее Сахары / О.Е. Трофимова, А.В. Щедрин // Международные процессы. — 2015. — Т. 13. — № 4(43). — С. 122–134.
33. Africa and Russian to Strengthen Ties Further. — URL: <http://allafrica.com/stories/201502092520.html> (дата обращения: 21.01.2025).
34. Cooke Jennifer G., Goldwyn David L. Africa's New Energy Producers: Making the Most of Emerging Opportunities. — CSIS, Washington: 2015. — 46 p.
35. Giles Keir. Russian Interests in Sub-Saharan Africa. — URL: <http://www.academia.edu/4023489/RussianInterestsInSub-SaharanAfrica>. (дата обращения: 21.01.2025).
36. King Richard. The Faltering Reconstruction of Russia-Africa Relations // MAIS II. — URL: <https://www.linkedin.com/pulse/faltering-reconstruction-russia-africa-relations-richard-king> (дата обращения: 24.02.2025).
37. Klomegah Kester Kenn. Russia, Africa and Trade Statistics: Modern Diplomacy. — URL: <https://moderndiplomacy.eu/2018/11/24/russia-africa-and-trade-statistics/> (дата обращения: 28.01.2025).
38. Pham J. Peter. Back to Africa: Russia's New African Engagement. — 2010. — New York, 2010. — 83 p.
39. TradeMap // Официальный сайт Международного статистического центра. — URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>, 18.06.2024 (дата обращения: 28.01.2025).

Копытцев Иван Сергеевич,

младший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки
и Африканского Рога Института Африки РАН, Москва.

Ivan S. Kopyttsev,

junior researcher,

Centre for North African and African Horn Studies, Institute for African Studies of
the Russian Academy of Science, Moscow.

E-mail: www.kopitsev53.ru@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ В АФРИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS IN AFRICA: THE EVOTUTION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация: в статье рассматривается феномен международных транспортных коридоров (МТК) в Африке с учетом исторических закономерностей становления транспортной инфраструктуры, особенностей целеполагания и практических шагов в первые десятилетия постколониальной эры, а также барьеров и стимулов, обуславливающих контекст развития сферы уже в XXI веке. Так, существенные различия в степени развития МТК и ТК от страны к стране в Африке связаны как с географическим фактором, так и с ресурсной детерминантой в определении маршрутов пролегания железных дорог, присущей колониальному периоду. В дальнейшем, несмотря на широкий политический интерес к созданию трансафриканских МТК, большинство грандиозных проектов осталось на бумаге по причине ресурсных ограничений и проблем в области безопасности и координации усилий. Вместе с тем, хотя транспортная сеть на африканском континенте до сих пор отличается дезинтегрированностью и отсутствием более или менее универсального стандарта качества, в 2010-х гг. наметились позитивные изменения, включая реализацию ряда ограниченных по масштабу, но обладающих несомненной экономической привлекательностью проектов с участием иностранных инвесторов.

Ключевые слова: МТК, Африка, транспортная инфраструктура, перспективы развития.

Abstract: the article examines the issue of international transport corridors (ITCs) in Africa, considering all the historical patterns according to which transport infrastructure developed as well as the peculiarities of goal-setting and certain practical steps during the first decades of the post-colonial era. Finally, it examines barriers and incentives that shape the context within which the sphere evolves in the XXI century. The article claims that geographical and resource factors — the latter determined the location of railways during the colonial era — have led to remarkable differences in the level of ITCs' and TCs' development in various African states. In what follows, despite a significant political interest in the creation of Trans-African ITCs, the majority of ambitious projects weren't implemented due to resource-based restrictions, security and coordination issues. Nevertheless, though the transport infrastructure network on Africa is still poorly integrated and lacks universal quality standards, several positive changes took place in the 2010-s. Thus, African governments and foreign investors launched and successfully

finished several medium-scale infrastructure projects which are considered to be economically attractive and practically relevant.

Key words: ITC, Africa, transport infrastructure, development prospects.

Введение

В последние годы в силу целого комплекса причин как политического, так и экономического характера внимание ведущих мировых держав к странам Глобального Юга продолжает неуклонно расти [1]. В развивающихся государствах различные силы могут видеть потенциальных союзников на международной арене, новые рынки сбыта, площадки для производства, источники природных ресурсов и, наконец, перспективные активы для инвестирования. В результате государства африканского континента, еще не так давно находившиеся на периферии международной повестки и не рассматривавшиеся в качестве значимых участников глобальных трансформаций и модернизационных процессов, сегодня вызывают все больший интерес со стороны таких крупных игроков на мировой арене, как США, КНР, Россия, ЕС, Индия, Турция, — и этот список едва ли можно считать завершенным. Подобное положение дел обуславливает важность расширения и углубления познаний в области перспектив развития стран континента, несомненно обладающих колоссальными демографическими и природными ресурсами, но при этом зачастую сталкивающихся с многочисленными трудностями в процессе реализации своего потенциала. Еще в начале 2000-х исследователи указывали на необходимость «высвободить экономический потенциал африканских государств» [12, р. 212], что, помимо прочего, предполагает преодоление колоссальных проблем в сфере развития инфраструктуры. Таким образом, развитие международных транспортных коридоров (МТК) — своего рода связующих звеньев между важнейшими ресурсными, логистическими, экономическими и политическими центрами африканского континента — на сегодняшний день является отнюдь не умозрительной темой в условиях вовлеченности в подобные проекты не только региональных акторов, но и влиятельных внешних игроков.

Здесь следует несколько подробнее остановиться на концептуальном понимании феномена транспортных коридоров (ТК), и МТК как их разновидности. В наиболее общем виде ТК определяется как линия коммуникации, соединяющая два или более географи-

ческих объекта — как правило, административных или экономических центра — и одновременно имеющая вид протяженного инфраструктурного объекта и транспортного потока [4]. ТК в зависимости от обстоятельств может представлять собой как простую, так и многосоставную транспортную систему внутри одного государства или же между несколькими государствами. В рамках представленной статьи, преимущественно рассматривающей феномен МТК в Африке, вместе с тем, будут упоминаться и отдельные «внутристрановые» ТК, имеющие особое транспортное и экономическое значение в масштабах того или иного региона.

МТК в Африке: от древних времен до эпохи независимости

История возникновения первых МТК на африканском континенте неразрывно связана с развитием транссахарской торговли в V–VIII вв. н.э., когда караваны верблюдов, принадлежавшие берберским племенам, начали пересекать пустыню, доставляя золото — наиболее востребованный ресурс того времени — с территории Западной Африки в государственные образования на берегу Средиземного моря [17]. В Средние века изменения торговых маршрутов во многом определяли расцвет или же закат могущества западноафриканских империй, получавших огромную выгоду от торговли с арабскими правителями Магриба. Схожим образом влияние купцов — выходцев с Аравийского полуострова — способствовало развитию торговли на восточном побережье Африки, хотя в силу географической и социально-политической специфики этого субрегиона формирования протяженных МТК, уходящих вглубь континента, здесь не произошло¹.

Новая веха в истории становления транспортной инфраструктуры и сетей коммуникаций в Африке была сопряжена с началом активной колонизации континента европейскими державами в XIX веке. Продвижение колонизаторов во внутренние районы материка сопровождалось, в том числе, строительством первых железных дорог, как правило связывавших портовые города с центрами добычи полезных ископаемых и производства сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, несмотря на постоянный

¹ В отдельных случаях индийским торговцам, вероятно, удавалось достичь внутренних районов континента, включая территорию современных Уганды, Замбии и ДРК, однако подобные прецеденты следует рассматривать скорее как исключения: формирования устойчивых ТК на этих маршрутах не произошло.

вывоз ресурсов в метрополии на протяжении XIX и первой половины XX вв., а также последовавший резкий рост спроса на сырье в 1950-х, объемы строительства транспортной инфраструктуры оставались ограниченными в масштабах континента [13]. Так, предпосылки для дальнейшего развития МТК были заложены в Восточной Африке (Кения, Танзания, Уганда), на южной оконечности континента (ЮАР), в некоторых районах побережья Гвинейского залива (Нигерия) и на западе (Сенегал), в то время как огромные пространства Сахеля, Тропической и Центральной Африки оставались преимущественно неосвоенными.

Современный этап развития МТК на Африканском континенте: обзор инфраструктуры

С началом активной деколонизации в Африке обострились многие проблемы, ранее успешно купируемые или же не создававшие препятствий для колониальных администраций. В этом контексте исключением не стала и транспортная инфраструктура: существовавшие железные дороги в подавляющем большинстве служили исключительно средством для вывоза ресурсов или же связи наиболее значимых городов с побережьем. Подобное положение дел привело к двум важным взаимосвязанным последствиям: 1) большинство ТК и МТК в Африке представляли собой (и зачастую продолжают представлять и сегодня) транзитный путь между районом добычи полезных ископаемых и морским портом [13]¹; 2) сложившаяся конфигурация транспортной инфраструктуры, таким образом, скорее способствовала развитию конкуренции, нежели подготавливала почву для взаимодополняемости различных ТК и МТК [13]. В результате к 1960 году, известному как «год Африки», когда независимость обрели сразу 18 бывших колоний, на континенте отсутствовала сколько-нибудь сопряженная и консолидированная транспортная сеть: многие государства, такие как страны Сахеля и Тропической Африки, зачастую имели ничтожное количество километров асфальтированных дорог, а те, кто получил от уходивших европейцев железнодорожные ветки и автомобильные шоссе, не обладали инфраструктурой, которая позволила бы

¹ Классическим примером в этом смысле выступают МТК «coast-to-hinterland», связывающие восточафриканские порты Момбасу (Кения) и Дар-эс-Салам (Танзания) с внутренними районами материка — центрами горной добычи в ДРК и Замбии. Вторым типом МТК в Африке являются транспортные пути «urban-to-urban», проложенные между крупными городами, такими как Абиджан (Кот-д’Ивуар) и Лагос (Нигерия).

активно взаимодействовать с соседями в силу специфического назначения уже построенных ТК.

В целом, на заре деколонизации состояние транспортного сектора в Африке характеризовалась следующими чертами: 1) транспортные сети оставались дезинтегрированными; 2) железнодорожные (преимущественно грузовые) перевозки заметно преобладали над автомобильными; 3) проведение национальных границ привело к фрагментации целого ряда ТК, что было особенно типично для Западной Африки; 4) государственное управление транспортной инфраструктурой и перевозками оказалось неэффективным; 5) сектор страдал от повсеместной коррупции; 6) гражданские войны и межэтнические конфликты нанесли колоссальный удар по безопасности транспортных перевозок и материальным фондам [10].

По мере обретения независимости большинством государств континента в 1960-х и 1970-х гг., впервые был озвучен запрос на внутрирегиональную и межрегиональную интеграцию, который вкупе с соображениями внутривнутриполитического и внутриэкономического характера подстегнул создание масштабных инфраструктурных проектов, по крайней мере на бумаге. При этом с учетом относительно высокого уровня развития портовой инфраструктуры, достигнутого как благодаря усилиям колониальных администраций, так и в силу естественной притягательности данных активов для иностранных инвестиций даже после падения колониальных империй, ключевым фактором, определяющим успешность развития ТК и МТК на африканском континенте, стало состояние наземных транспортных сетей, включая железные и автомобильные дороги. В результате понимание текущего положения дел, равно как и перспектив МТК в Африке, немыслимо без предварительного анализа истории становления и актуального состояния данных секторов транспортной инфраструктуры.

Железные дороги

Несмотря на свое бурное развитие в колониальный период, железные дороги в «новой Африке» быстро утратили свою лидирующую роль. Дело в том, что доставшиеся в наследство от колонизаторов железные дороги никогда не отличались выдающимися техническими характеристиками и к тому же серьезно устарели

как технически, так и морально, а значит, не могли конкурировать в скорости перевозок с автомобильным транспортом¹. Во-вторых, как отмечалось ранее, железные дороги в Африке не представляли собой сколько-нибудь связной и интегрированной сети, а в ряде случаев еще и различались глубиной колеи [11]. В свою очередь, решить проблему путем строительства новых железнодорожных веток было затруднительно в силу высоких цен и хронической нехватки средств². В 1976 году Африканский железнодорожный союз представил масштабный проект Панафриканской железнодорожной сети, включавшей строительство 18 веток длиной более чем 26000 км. Однако конкуренция со стороны стремительно развивавшегося автомобильного транспорта и рассмотренные выше причины привели к тому, что к 2005 году проект уже предполагал создание всего лишь 3 новых веток. Хотя все 3 маршрута отличались амбициозностью (Ливия-Намибия, Сенегал-Джибути, Кения-ДРК), их реализация по состоянию на 2024 год так и не началась [10].

Таким образом, сегодня на африканском континенте, где новые железные дороги фактически не прокладывались с 1960 года, существует порядка 52 железнодорожных веток в 33 государствах с общей протяженностью путей в 70000 км (эксплуатируется лишь около 55000 км) [10]. При этом в 2010-х гг. доля перевозок, осуществляемых по железным дорогам, в среднем не превышала 10–20%, значительно уступая автомобильному транспорту (80–90% соответственно). Несмотря на то что в последние годы происходит осторожное развитие сектора³, сохраняется целый ряд барьеров, преодоление которых должно опираться на: 1) разработку компенсаторных механизмов для развития нерентабельной сферы пассажирских перевозок; 2) привлечение частных инвестиций и наращивание финансирования железнодорожной инфраструктуры; 3) введение эффективного государственного регулирования деятельности частных компаний; 4) анализ финансовой составляющей, включая повышение пошлин и сборов [10].

¹ В результате железнодорожный транспорт использовался преимущественно для перевозки небыстропортящихся грузов — преимущественно природных ресурсов: железной руды, древесины и т.д.

² Так, строительство 1 км железных дорог в Африке в зависимости от типа местности стоит от 1,5 до 5 млн долл., а ремонт аналогичного по длине участка обойдется в 0,2–0,35 млн долл.

³ Пожалуй, наиболее значимым железнодорожным проектом в Африке в 2010-х гг. стало строительство дороги Аддис-Абеба–Джибути. Этот МТК, инвестиции в развитие которого, в частности, осуществляла КНР, был создан для обеспечения необходимых объемов грузоперевозок по маршруту, выполняющему роль «торговой артерии» Эфиопии.

Автомобильные дороги

В отличие от железнодорожного, автомобильный транспорт не получил широкого распространения в колониальную эпоху в Африке. Однако обретение независимости большинством африканских государств резко изменило ситуацию. Уже в 1970 году под эгидой Африканского Банка Развития (АБР) была разработана программа строительства Трансафриканских автомагистралей, призванная: 1) обеспечить как можно более прямое и бесперебойное сообщение между столицами африканских государств; 2) способствовать политической, экономической и социальной интеграции и взаимопониманию; 3) обеспечить строительство ТК между районами производства и центрами потребления [14].

Как подчеркивалось ранее, в отличие от железных дорог, автомагистрали оказались в центре внимания межправительственных организаций и региональных экономических сообществ уже в первые десятилетия после обретения независимости африканскими государствами. В соответствии с программой строительства Трансафриканских магистралей было намечено создание 9 МТК, позволяющих связать как внутренние районы материка с побережьем, так и крупнейшие логистические и экономические центры в прибрежной зоне.

Таблица 1

Трансафриканские автомобильные магистрали: по состоянию на 2003 год

№	Название	Длина, км	Государства	Асфальтовое покрытие, %	Отсутствующие звенья
1	Каир-Дакар	8636	Египет, Ливия, Алжир, Марокко, Мавритания, Западная Сахара	93,4	569 км грунтовой дороги в Мавритании
2	Алжир-Лагос	4500	Алжир, Нигер, Нигерия	85,0	580 км грунтовых дорог в Нигере и Алжире
3	Триполи-Виндхук	9612	Ливия, Чад, Камерун, ЦАР, Конго, ДРК, Ангола, Намибия	61,8	3671 км в Ливии, Чаде, Камеруне, ЦАР, Конго, Анголе

Окончание таблицы 1

4	Каир- Габороне (Кейптаун)	8861 (10228)	Египет, Судан, Эфиопия, Кения, Танза- ния, Замбия, Зимбабве, Ботсвана, (ЮАР)	80,1	1677 км пре- имуществом в Судане, Ке- нии и Танзании
5	Дакар- Нджамена	4496	Сенегал, Мали, Нигер, Чад, Камерун	79,7	610 км непри- годных или отсутствующих дорог пре- имуществом в Мали
6	Нджамена- Джибути	4219	Чад, Судан, Эфиопия, Джибути	40,4	2319 км — дан- ный показатель делает данный проект наибо- лее далеким от состояния завершенности
7	Дакар- Лагос	4010	Сенегал, Гам- бия, Гвинея- Бисау, Гвинея, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Гана, Того, Бе- нин, Нигерия	81,3	747 км преи- муществом в Гвинее, Либе- рии и Сьерра- Леоне
8	Лагос- Момбаса	6259	Нигерия, Камерун, ЦАР, ДРК, Уганда, Кения	54,3	2946 км пре- имуществом в ДРК и ЦАР, где развитие инфраструк- туры остается на низком уровне
9	Бейра- Лобито	3523	Ангола, ДРК, Замбия, Зимбабве, Мозамбик	61,6	1351 км исклю- чительно в ДРК и Анголе

Источник: составлено автором на основе [15].

К сожалению, реализация одного из самых масштабных проектов в области развития транспортной инфраструктуры в Африке оказалась затруднена многочисленными препятствиями, включая: 1) проблемы на стадии планирования; 2) ограниченность экономической целесообразности; 3) дефицит материальных ресурсов и 4) отсутствие централизованного руководства и внутренней согласованности. Последний, на текущий момент, комплексный доклад о состоянии Трансафриканских магистралей с подробными количественными и качественными оценками был опубликован АБР в 2003 году [15], что крайне затрудняет сбор эмпирической информации и свидетельствует об отсутствии значительного прогресса. По сути, столь амбициозные проекты, свидетельствовавшие о наличии у африканских правительств и региональных организаций понимания ключевых целей развития и когнитивных способностей для разработки комплексных планов по созданию разветвленной транспортной сети в границах целого континента, не были и, вероятно, не будут воплощены в среднесрочной перспективе из-за объективных проблем экономического характера, равно как и ввиду угасания заинтересованности большинства правительств в panaфриканских проектах.

В целом, представляется возможным констатировать, что в последние годы основной фокус внимания африканских многонациональных институтов развития смещается в сторону разработки и реализации проектов, обладающих большей экономической рентабельностью, нежели грандиозные замыслы, зародившиеся на волне деколонизации. Так, в 2004–2018 гг. АБР инвестировал 8 млрд \$ в создание и модернизацию 17 МТК протяженностью около 12700 км [7]. По сути, данная программа носила комплексный характер и рассматривалась как один из важнейших инструментов в процессе обеспечения внутрирегиональной и межрегиональной интеграции, а также экономического развития отдельных районов континента. При этом в рамках инициативы АБР осуществлялось и строительство, а также модернизация ряда дорог, являющихся составными элементами Трансафриканских магистралей, однако на этот раз движущей силой выступала экономическая целесообразность, а не panaфриканские идеалы.

Таблица 2

**Реализация проекта АБР по развитию МТК в 2004–2018 гг.:
основные показатели**

	Стоимость, млрд \$	Длина, км	Охват населения, млн чел.	Единые погранич- ные пункты
Южная и Восточная Африка	4	4781	94	9
Центральная Африка	1,6	2216	35	5
Западная и Северная Африка	2,6	5682	110	12

Источник: составлено автором на основе [7].

В результате благодаря строительству новых дорог и мостов, а также созданию условий для упрощенного пересечения границ был достигнут ряд успехов. Во-первых, в ряде случаев зафиксировано увеличение объемов регионального товарооборота: к примеру, модернизация МТК Абиджан-Лагос позволила в 2010–2014 гг. увеличить товарооборот между Того и Бенином на данном транзитном маршруте на 20% [7]. Во-вторых, улучшение дорожного покрытия, включая прокладку новых асфальтированных участков, обеспечило кратное сокращение времени в пути: в некоторых случаях с 30 до 10 часов. В-третьих, уменьшились издержки при эксплуатации транспорта: так, модернизация МТК «Накала» между внутренними районами Замбии и побережьем Мозамбика позволила сократить данный показатель на 36% для территории Мозамбика и на 20% для участка в Малави [7]. В-четвертых, отчасти ликвидирована проблема многокилометровых очередей на границах за счет оптимизации таможенных процедур и, как следствие, снижения времени ожидания на пограничных пунктах в 3 и более раза [7].

**МТК в Африке: основные факторы
и перспективы развития**

Подводя итог последовательному рассмотрению истории становления первых МТК на африканском континенте, их эволюции и развития в колониальный период, а также преобразований эпохи независимости и текущего положения дел, следует подробнее

остановиться на факторах, сдерживающих и стимулирующих прогресс в рамках данного направления в наши дни и в ближайшем будущем.

Итак, ключевые предпосылки, обусловившие специфику развития МТК в XX веке в Африке, были заложены европейцами, активно строившими железные дороги для вывоза природных ресурсов в метрополию. В результате к моменту начала деколонизации в Африке практически не существовало транспортных сетей, которые бы могли быть использованы в целях внутрирегиональной и межрегиональной экономической интеграции и, более того, сообщения даже между отдельными районами одной страны: подобная цель была абсолютно нерелевантна в колониальный период как с экономической, так и с политической точек зрения. В свою очередь, правительства молодых государств с первых лет независимости сделали ставку на автомобильные дороги в силу дороговизны и технологических сложностей при модернизации и строительстве железных дорог: стремительное перераспределение доли перевозок наиболее отчетливо отражает данный тренд. Вместе с тем, невероятно амбициозные проекты как в области развития железных, так и автомобильных дорог, разработанные в 1970-х и 1980-х гг., оказались нерентабельными и трудноосуществимыми, поскольку преследовали скорее политические цели, не опираясь на скрупулёзный экономический расчет. В связи с этим реализация многих программ и инициатив растянулась на десятилетия (Трансафриканские магистрали) или же и вовсе была де-факто свернута (Панафриканская железнодорожная сеть).

В 2010-х гг. на смену доказавшему свою неэффективность политизированному подходу пришла новая модель, предполагающая превращение МТК в инструмент развития различных районов материка с упором на экономическую целесообразность. В частности, одним из ярких примеров служит строительство Накальского коридора (*The Nacala Development Corridor*), обеспечивающего связь между районами добычи угля в Замбии, севером Малави и портом Накала в Мозамбике [7]¹. Следует подчеркнуть, что политическая повестка также способствует развитию МТК: так, недавно

¹ Так, благодаря строительству данного коридора удалось вдвое сократить время в пути по маршруту; в 4 раза сократилось время прохождения малавийской границы; на 36% сократились издержки по эксплуатации транспорта. К тому же был обеспечен прямой доступ внутренним районам Малави и Замбии к мозамбикскому побережью.

подписанный Меморандум о взаимопонимании между Эфиопией и Сомалилендом, несомненно, служит предвестником активного развития транспортного коридора Аддис-Абеба–Бербера при участии как эфиопского правительства, так и небезызвестного портового оператора — компании «DP World» из ОАЭ [8].

Вместе с тем, несмотря на успешную реализацию отдельных трансграничных проектов, на сегодняшний день африканский континент остается наименее транспортно-интегрированным регионом мира, что в значительной степени иллюстрируется торговой статистикой [16]. Так, из совокупного товарооборота всех африканских государств доля торговли внутри континента составила 14,5% в 2021 году, сократившись до 13,7% уже в следующем, 2022 году [2]. Подобное положение дел, в числе прочего, объясняется проблемами инфраструктурного и транспортного характера: еще в 2010 году приводились оценки, согласно которым координированные усилия по развитию, обновлению и текущему обслуживанию дорожной сети позволили бы увеличить межафриканский торговый оборот в 2,7 раз к 2025 году [6]. Возвращаясь к современному состоянию ТК в Африке: Африканский банк развития свидетельствует о ежегодном недофинансировании транспортной инфраструктуры на сумму более чем в 100 млрд долл. — немалую часть от требуемых 170 млрд долл. [3]. При этом столь острая нехватка финансовых ресурсов типична для всех без исключения районов континента.

Заключение

Итак, к числу факторов, препятствующих развитию МТК в Африке, на сегодняшний день относятся: 1) отсутствие сложившихся транспортных сетей — иными словами, необходимость наверстывать упущения колониальной эпохи; 2) проблемы, связанные с целеполаганием, включая приоритет политических соображений над экономическими в недавнем прошлом, а также отсутствие широкого компромисса относительно потенциальной роли МТК в контексте экономического развития [5]; 3) ограничения материального характера [9]¹; 4) ограничения организационного ха-

¹ К примеру, для покрытия инфраструктурного дефицита, включая модернизацию имеющихся и строительство новых транспортных коридоров, африканским государствам в год требуется совокупная сумма в 93 млрд долл. Сюда же следует отнести и проблему поиска источников финансирования и поиск баланса между государственным контролем и привлечением частных активов.

рактера, включая отсутствие единого центра принятия решений, реализации и контроля, а также конкуренцию региональных экономических сообществ и интересы отдельных государств [10]; 5) угрозы в сфере безопасности, начиная с деятельности криминальных сообществ и заканчивая контролем экстремистов и различных повстанческих сил над целыми провинциями (ДРК, Мали, Буркина-Фасо, ЦАР, Нигерия и др.).

В свою очередь, существует значительное число оснований и стимулов для дальнейшего развития МТК в Африке. Прежде всего, географическая специфика обуславливает необходимость транспортировки полезных ископаемых и продуктов сельского хозяйства из внутренних районов на побережье, что в особенности характерно для центральных районов материка, включая такие государства, как Буркина-Фасо, ДРК и Замбия. Во-вторых, спрос на развитие ТК и МТК формируется закономерной потребностью в обеспечении коммуникаций между районами внутри различных стран, а также между столицами соседних государств и наиболее значимыми региональными экономическими центрами. В-третьих, в Африке распространен феномен «сухопутных государств» («landlocked states») — стран, не имеющих прямого выхода к морскому или океаническому побережью, а значит, вынужденных полагаться на транзит через территорию соседей (Эфиопия, Мали, ЦАР, Замбия и др.). В последнее время наиболее ярким кейсом такого рода выступает ситуация в Африканском Роге. Дело в том, что лишившаяся выхода к морю в 1993 году Эфиопия стремится сократить политическую и экономическую зависимость от порта Джибути, тем самым провоцируя рост напряженности в отношениях с соседями. Далее, следует иметь в виду и более комплексные факторы, такие как быстрый демографический и экономический рост континента и общемировую тенденцию к повышению внимания ведущих акторов к сотрудничеству со странами Глобального Юга. Наконец, интерес иностранных инвесторов и африканских правительств к реализации прибыльных инфраструктурных проектов вкупе с успешным опытом имплементации новых экономически детерминированных инициатив под эгидой АБР способствуют дальнейшему развитию этого направления.

Литература

1. Богданов К.В., Кадырмамбетов Т.М., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. «Поворот на Юг»: вызовы и возможности для России и постсоветских республик // Россия и новые государства Евразии. — 2023. — № II (LIX). — С. 71–90.
2. African countries trading more outside the continent than amongst themselves, ECA report. — URL: <https://www.uneca.org/stories/african-countries-trading-more-outside-the-continent-than-amongst-themselves%2C-eca-report> (accessed: 04.02.2025).
3. Africa's infrastructure: Great potential but little impact on inclusive growth. In AfDB (Ed.), African economic outlook. — The African Development Bank Group, 2018.
4. Balbaa M.E. International transport corridors. — Tashkent: Tashkent State University of Economics, 2022. — 202 p.
5. Balbaa M.E., Dadabaev U., Ismailova N., Tursunov B. The Trans-Africa Highway Network: an Examination of the Impact of International Transport Corridors on Fostering Trade and Stimulating Economic Growth in Africa // Palarch's Journal Of Archaeology Of Egypt/ Egyptology. — 2023. — № 20 (2). — P. 280–294.
6. Buys P., Deichmanna U., Wheeler D. Road network upgrading and overland trade expansion in sub-Saharan Africa // Journal of African Economies. — 2010. — № 19 (3). — P. 399–432.
7. Cross-Border Road Corridors: the Quest to Integrate Africa. — African Development Bank, 2019. — 29 p.
8. DP World to Develop Ethiopia's Berbera Corridor. — URL: <https://news.africa-business.com/post/dp-world-ethiopia-berbera-corridor> (accessed: 04.02.2025).
9. Foster V., Brice o-Garmendia C. (eds). Africa's Infrastructure: A Time for Transformation. — Washington, D.C., 2010. — 355 p.
10. Gwilliam K. Africa's Transport Infrastructure: Mainstreaming, Maintenance and Management. — The World Bank, 2011. — 536 p.
11. Map of African railways by gauge U/C means «under construction». — URL: https://www.researchgate.net/figure/Map-of-African-railways-by-gauge-U-C-means-under-construction-Modified-from-Marcelo-et_fig2_346052179 (accessed: 04.02.2025).
12. Ndulu J.B. Infrastructure, Regional Integration and Growth in Sub-Saharan Africa: Dealing with the Disadvantages of Geography and Sovereign Fragmentation // Journal of African Economies. — 2006. — № 2 (15). — P. 212–244.
13. Nugent P., Lamarque H. Transport Corridors in Africa. — Boydell and Brewer/James Currey, 2022. — 325 p.
14. Programme for Infrastructure Development in Africa. — URL: https://www.icafrica.org/fileadmin/documents/PIDA/PIDA%20Executive%20Summary%20-%20English_re.pdf (accessed: 04.02.2025).
15. Review of the Implementation Status of the Trans African Highways and the Missing Links. — Vol. 2, Description of Corridors: Final Report. — Stockholm, 2003. — 220 p.
16. Tandrayen-Ragoobur V., Ongono P., Gong J. Infrastructure and intra-regional trade in Africa // The World Economy. — 2022. — P. 1–19.
17. The Trans-Saharan Gold Trade (7th-14th Century). — URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/gold/hd_gold.htm (accessed: 04.02.2025).

Овчарук Александр Петрович,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Группы комплексных исследований Балтийско-го региона Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва.

Alexander P. Ovcharuk,

Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher at the Baltic Region Integrated Research Group of the Center for the Study of Strategic Planning Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: oapetrovich@imemo.ru.

ПОЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ СОЮЗНИЧЕСТВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗЛОМЕ ЕВРОПЫ

THE POLISH STRATEGY OF ALLIANCE IN THE GEOPOLITICAL RIFT OF EUROPE

Аннотация: в представленной статье исследованы стратегия восточноевропейского союзничества Республики Польша и ее последствия для безопасности России. Проведен анализ состояния и перспектив деятельности образованных в последнее десятилетие союзов по инициативе Польши, рассмотрены их стратегические потенциалы, способные оказать существенное влияние на военно-политическую обстановку в Европе. Сделаны выводы о том, что польская стратегия регионального союзничества реализуется в соответствии с доктринальными установками и при поддержке США. Польша преследует цель занять лидирующие позиции в Восточной Европе и втягивает в свою орбиту страны постсоциалистического, постсоветского европейского пространства, навязывает им антироссийский вектор сотрудничества. Реализуемая польская стратегия союзничества создает новые риски кризисов военных конфликтов в Европе и представляет реальную угрозу национальной безопасности России.

Ключевые слова: политика США в Европе, Польша, стратегия союзничества, «Бухарестская девятка», «Инициатива трех морей», «Люблинский треугольник», безопасность России.

Abstract: the presented article examines the strategy of the Eastern European alliance of the Republic of Poland and its consequences for the security of Russia. The analysis of the state and prospects of the activities of the alliances formed in the last decade on the initiative of Poland is carried out, their strategic potentials, capable of exerting a significant influence on the military-political situation in Europe, are considered. Conclusions are made that the Polish strategy of regional alliance is implemented in accordance with doctrinal guidelines and with the support of the United States. Poland pursues the goal of taking a leading position in Eastern Europe and draws into its orbit the countries of the post-socialist, post-Soviet European space, imposing on them an anti-Russian vector of cooperation. The implemented Polish strategy of alliance creates new risks of crises of military conflicts in Europe and poses a real threat to the national security of Russia.

Key words: US policy in Europe, Poland, alliance strategy, “the Bucharest Nine”, “the Three Seas Initiative”, “the Lublin Triangle”, Russia’s security.

Американские императивы в польской стратегии союзничества

В результате агрессивной политики Запада происходят разрушительные международные политические разломы в Европе, которые постоянно увеличиваются и создают экзистенциальную угрозу всему человечеству. Западные страны во главе с США для сохранения своего доминирования в формирующемся многополярном (полицентрическом) мире консолидируются и используют стратегию союзничества¹. После холодной войны стратегические приоритеты и модели военных союзов изменились, а их структуры трансформировались, возросла роль меняющей мировой порядок концепции минилатерализма, которая объединяет небольшие группы стран для совместного реагирования на новые региональные и глобальные вызовы. Особой чертой региональных союзов стало активное американское участие в них или их поддержка, так как сегодня «альянсы являются основным столпом в большой стратегии США» [20].

В мировой политике союзы и коалиции были востребованными для подчинения слабых государств интересам более сильных и «проецирования силы на удаленные регионы, легитимации собственных действий, а также предотвращения угроз возникновения новых конкурентов» [11, с. 359–360], но для большинства государств-членов они часто создавали экономические, финансовые и военно-политические риски, например возможность их вовлечения в международные конфликты в ущерб собственным национальным интересам.

Как показывает историческая практика, наибольшим выгодоприобретателем от деятельности этих союзов являются США, которые продолжают политику трансатлантической солидарности и альянсов для сохранения своей гегемонии в Восточной Европе², дестабилизируя тем самым обстановку в регионе. Подтверж-

¹ Понятие «союзничество» автор рассматривает как межгосударственное сотрудничество с целью решения региональных и глобальных проблем, которое основано на договорных обязательствах и согласованной политике в различных заинтересованных ими областях; имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

² Понятие «Восточная Европа» используется в статье по классификации ООН в статистических публикациях.

дением этого тезиса является, например, тот факт, что Северо-атлантический альянс с начала своего образования не изменил собственной стратегической цели, заключающейся в том, чтобы не пускать русских в Европу, обеспечить там присутствие американцев, а немцев держать под присмотром¹. По заявлению американских официальных лиц, Соединенные Штаты «углубили основные американские союзы в Европе» [22] и направили своих партнеров против России на украинский театр военных действий. Такая политика союзничества американского руководства является «главным фактором, осложняющим нормализацию отношений» [5] между Россией и европейскими странами, которые не самостоятельны в принятии внешнеполитических решений.

В круг американского «инклюзивного» партнерства, как определено в последней Стратегии национальной безопасности США, входят те государства, которые больше всех отстаивают американские интересы. К ним относится и Польша, используемая Соединенными Штатами для реализации своих стратегических планов в Европе. Поляки уже не раз в истории демонстрировали американцам свою преданность, а в последние десятилетия способствовали реализации энергетических и военных мероприятий США, милитаризации Европейского региона, формированию новых региональных союзов и альянсов.

Польская стратегия союзничества заключается в американских императивах наращивания комплексной военно-политической экспансии, нейтрализации потенциальных соперников, выстраивании в Восточной Европе прагматичной системы союзов и коалиций, которая позволила бы Польше занять лидирующие позиции в этом регионе. Вследствие такой американо-польской политики у границ Российской Федерации сегодня сосредоточились международные союзы, деятельность которых создает серьезные риски для национальной безопасности страны, что наглядно продемонстрировал украинский кризис. Данные союзы никоим образом не способствуют формированию устойчивой архитектуры европейской безопасности, а, напротив, создают ее новые военно-политические разломы. Особенно они провоцируют риски вооруженных конфликтов с угрозами применения ядерного оружия в Европе, в которых американские союзники будут главными

¹ "Keep the Russians out, the Americans in, and Germans down" — заявление Гастингса Лайонела Исмэя, первого генсека НАТО (1952–1957 гг.).

игроками и понесут солидарную ответственность в случае его использования. Поэтому понимание данной проблемы «является предпосылкой для принятия необходимых политических мер» [14].

Реагируя на этот вызов «коллективного Запада», 19 ноября 2024 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» [12]. В Основах агрессия против России с участием или при поддержке ядерного государства рассматривается как «совместное нападение» (п. 11) [12], а агрессия любого члена военной коалиции (блока, союза) — «как агрессия этой коалиции (блока, союза) в целом» (п. 10) [12]. В связи с этим расширена категория государств и военных союзов, в отношении которых будет осуществляться сдерживание, определен перечень военных угроз. Одной из них является «создание новых или расширение существующих военных коалиций (блоков, союзов), приводящих к приближению их военной инфраструктуры к границам Российской Федерации» (п.п. «е», п. 15) [12].

С учетом формирования нового миропорядка научная проблема исследования западной стратегии союзничества как военно-политического и экономического международного инструмента сохраняет свое значение и актуальность. В связи с этим в статье ставится цель провести комплексное изучение теоретических основ и практической деятельности отдельных новых антироссийских интеграционных союзов в Восточной Европе, определить наиболее вероятные риски для безопасности России. Предметом данного исследования являются характер, содержание, направленность и перспективы деятельности таких военно-политических и экономических альянсов, создаваемых по инициативе Польши.

Малые союзы в польской политике

После распада Советского Союза Республика Польша активизировала свою восточную политику, вернувшись к историческим национальным ориентирам династии Ягеллонов. На протяжении многих лет руководство Польши в качестве обоснования своей внешней политики использовало идеи польской эмиграции второй половины прошлого столетия, изложенные в «доктрине Гедройца-Мерошевского», получившей название «гедройцизм». Согласно ее тезисам, Польша и Россия должны отказаться от своих «нео-

имперских амбиций» и территориальных притязаний на Украину, Литву и Белоруссию, предоставив им суверенитет. С началом украинского кризиса эта леволиберальная концепция стала не совсем отвечать интересам Варшавы, поскольку в нее не вписываются превращение Украины в так называемую горячую точку в Европе и враждебное отношение Польши к России. На практике эта доктрина стала трактоваться польскими политиками не как стремление к равноправному и независимому польско-украинско-литовско-белорусскому сотрудничеству, а как необходимость создания из Белоруссии, Украины и Литвы буферной зоны между Польшей и Россией. В связи с этим Варшава взяла курс на искусственный разрыв российско-украинско-белорусских связей, чтобы контролировать развитие международных отношений этих стран, истощить и ослабить их путем втягивания в вооруженные конфликты друг с другом, в которых поляки были бы по меньшей мере наблюдателями, арбитрами и советниками.

Подтверждением этих выводов является тот факт, что после государственного переворота на Украине в 2014 г. Варшава встала на путь неприкрытой борьбы с Москвой, используя при этом двойные стандарты, русофобию, участие в антироссийских санкциях, милитаризацию (значительное увеличение военных расходов, приобретение современного оружия, усиление восточного фланга НАТО, размещение на своей территории американских армейских подразделений и вооружений, проведение натовских военных учений и др.), ориентированную на подготовку к противостоянию с Россией в составе «коллективного Запада».

Причины враждебной внешней политики Польши в отношении России кроются как в историческом прошлом, когда обе страны вели многочисленные ожесточенные войны за территории Восточной Европы, так и в настоящем, вызванным американским военно-политическим, экономическим, финансовым влиянием на польские власти, которые уже не раз из-за этого погубили польскую государственность в угоду собственным амбициям.

Польша в своей истории пережила много союзов и уний, которые всегда находились в центре внимания ее внешней политики, позволяющей маневрировать на международной арене, хотя большинство из них были малоэффективными и сыграли дестабилизирующую роль. Современные польские стратегические интересы

закljučаются в том, чтобы за счет других стран и в коалиции с ними обеспечить собственную безопасность перед лицом возможной «угрозы» со стороны России и Германии, создать необходимые условия для возвращения на бывшие «восточные кресла» — западные территории Украины, Белоруссии и Литвы, находившиеся в 1918–1939 годах в составе Польши, продвигая в отношении них идеи ирредентизма.

Для реализации этих задач польское руководство, помимо усиления вооруженных сил, в последнее десятилетие проводило политику по созданию региональных интеграционных проектов с участием стран «серой европейской зоны», в частности «Бухарестская девятка» (2015 г.), «Инициатива трех морей» (2016 г.), «Люблинский треугольник» (2020 г.).

Отличительной чертой таких небольших союзов является то, что все они по своему типу асимметричны, в основном имеют антироссийскую направленность, преимущественно отвечают польским интересам, провоцируют напряженность между странами и дестабилизируют военно-политическую обстановку в Европе. Как показывает практика, в современных условиях эти союзы действуют на основе декларативных документов и не всегда способны принимать совместные стратегические решения в больших коалициях — ЕС и НАТО.

В Оборонительной концепции Республики Польша от 2017 г. Россия была определена как «источник нестабильности» в Восточной Европе, «способный спровоцировать» региональный вооруженный конфликт с членами НАТО. В связи с этим Польша сосредоточила свои усилия на «выполнении ключевой роли» в альянсе по «созданию военного потенциала эффективного сдерживания» на его восточном фланге и впервые задекларировала участие польских вооруженных сил в «операциях за рубежом» [19]. В последней Стратегии национальной безопасности Республики Польша, принятой 12 мая 2020 г., Варшава уже официально обвинила Россию в «неоимперской политике» с целью создания нового миропорядка и возвращения себе статуса сверхдержавы. Этим польское руководство мотивировало необходимость дальнейшей модернизации своих вооруженных сил, увеличение военных расходов, участие в новых восточноевропейских союзах, ориентированных в основном на военное сотрудничество. Данная Стратегия предус-

матривает развитие и углубление такого сотрудничества в рамках объединений «Вышеградской группы», «Бухарестской девятки», «Инициативы трех морей», в других многосторонних форматах, в частности со странами Балтийского региона, но основой безопасности Польши остается членство в НАТО и развитие стратегического партнерства с Соединенными Штатами Америки [26].

Российские исследователи проанализировали содержание польских стратегий национальной безопасности за последнее десятилетие и пришли к выводу, что произошел «явный сдвиг» в стратегической культуре правящих кругов Польши: с относительно умеренной и прагматичной политики они «на уровне документов перешли на позиции, с которых рассматривают свое государство как форпост, на который Россия осуществляет «неоимпериалистический» натиск» [6].

С перестановкой польских правящих сил в 2023 году заметных изменений в политике стратегического союзничества Польши не произошло. В настоящее время польские власти продолжают проводить политику, нацеленную на превращение своей страны в ведущий центр политического влияния в Восточной Европе и противодействие как Западной Европе, в частности Германии, так и России. Для этого за последние годы Польша инициировала создание нескольких международных объединений в Восточной Европе, которые при определенных обстоятельствах могут представлять геополитическую угрозу безопасности России и требуют научного анализа.

«Бухарестская девятка» — зона «сдерживания» России

По инициативе польского президента Анджея Дуды 4 ноября 2015 г. на мини-саммите НАТО в Бухаресте, при поддержке США, Великобритании и Израиля, был создан блок из числа постсоветских и постсоциалистических государств Восточной Европы (бывших участников Организации Варшавского договора) «Бухарестская девятка» в составе Польши, Венгрии, Литвы, Латвии, Эстонии, Болгарии, Румынии, Чехии и Словакии. Его образование вызвано в первую очередь «неэффективным», с точки зрения Североатлантического альянса, развитием ситуации на его восточном фланге и возникающими угрозами европейской безопасности для соседних стран. Согласно официальной версии, «Девятка» не под-

меняет НАТО, как гаранта безопасности в Европе, а укрепляет «стратегическое единство и солидарность», является площадкой для диалога стран Восточной Европы, консультаций по военным вопросам, дополняет экономическое и инфраструктурное сотрудничество, реализуемое в рамках «Инициативы трех морей».

Руководство Польши считает «Девятку» «ответом на агрессивную политику России» в отношении Украины, создающую «угрозу региональной и атлантической безопасности» [15], а также современным объединением, способным лоббировать польские национальные интересы в НАТО и ЕС, заменить «Вышеградскую группу» (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) на новый альянс в расширенном составе [23]. Необходимость укрепления восточного фланга НАТО объясняется тем, что в Европе наблюдается «фундаментальный слом основ, на которые опиралась европейская архитектура безопасности», осуществляемый якобы Россией. Поэтому Польша исходит из того, что альянс, будучи единственным инструментом обеспечения евроатлантической безопасности, должен адаптироваться к новым условиям [24], углубить военное и политическое сотрудничество со странами-союзницами Восточной Европы, которые будут усиливать свое влияние на принимаемые в рамках НАТО решения.

В настоящее время «Бухарестскую девятку» необходимо рассматривать в качестве одного из крупных антироссийских проектов США в Европе, преследующего цель под предлогом проведения европейскими странами оборонительной политики создать на пространстве от Балтийского до Черного моря мощный военный плацдарм НАТО для ведения полномасштабной войны против России. Этим объясняются принципы сотрудничества, изложенные в первой совместной декларации «Девятки», направленные на обеспечение «надежного и устойчивого военного присутствия союзников» [17] в регионе.

На повестке состоявшихся ежегодных заседаний и саммитов «Бухарестской девятки» постоянно находились вопросы безопасности восточного фланга НАТО и возможного сотрудничества этого мини-альянса с Европейским союзом в его военных проектах. На них были даны высокие оценки деятельности Польши в Североатлантическом альянсе по «обеспечению региональной безопасности», стратегическим интересам которой из всех та-

кого рода региональных структур данное объединение «больше соответствует» [13, с. 7–14]. Примечательно, что все решения саммитов «Девятки» в основном сводились к антироссийским декларативным заявлениям и вопросам укрепления ее отношений с США. Американские власти официально заявляли, что она является «передовой линией коллективной обороны» членов НАТО против России [16], и выражали заинтересованность в тесном сотрудничестве с ней, особенно по таким проблемам глобальной безопасности, как здравоохранение, изменение климата, энергетика и восстановление мировой экономики [25]. Основной американский интерес кроется в том, чтобы с помощью «младоевропейцев», во-первых, создать «буферную зону» между Западной Европой и Союзным государством России и Белоруссии, а во-вторых, влиять на политику Европейского союза.

В период своего становления «Девятка» добилась некоторых важных решений: достигнута договоренность о размещении дополнительных войск США в Польше и прибалтийских государствах (2016 г.), принята совместная декларация об усилении натовских сил в Восточной Европе с целью сдерживания России (2018 г.). В целом «Девятке» удалось сосредоточить деятельность блока НАТО на укреплении его восточного фланга, она способствовала усилению обороноспособности стран-участниц в Балтийском регионе.

Однако в последние годы особых успехов союзу достичь не удалось. Например, по украинскому кризису, кроме деклараций, призывающих Россию решить конфликт в соответствии с нормами международного права, никаких конкретных военно-политических и экономических мер «Бухарестская девятка» не приняла. На обращение украинского президента к ней в феврале 2022 г. о создании «антивоенной коалиции» консолидированно не отреагировала, а на Рижском саммите в июле 2024 г. впервые не приняла совместной декларации в связи с тем, что не было единой позиции по урегулированию конфликта на Украине. Страны-члены не стали брать на себя конкретные обязательства по оказанию помощи украинскому режиму и заявили, что они по своему усмотрению будут оказывать финансовую, гуманитарную и военную помощь.

Все это свидетельствует пока о неспособности данного восточноевропейского альянса к самостоятельным оперативным дей-

ствиям в условиях военного времени, наличии у него еще слабого союзнического единства с учетом «особой позиции» Венгрии и Словакии в отношении России. В перспективе судьба «Девятки» и дальнейшая активная деятельность Польши будут в основном зависеть от политики администрации президента Д. Трампа и официального Будапешта, что важно учитывать во внешнеполитических подходах России на данном направлении. Остается очевидным то, что само существование «Девятки» и ее стремление достичь своих исходных целей создают не только вызов, но и угрозу российским интересам национальной безопасности.

«Междуморье» — несбывшаяся польская мечта

Польские власти при поддержке США с 2015 г. активизировали реализацию еще одного геополитического проекта — «Инициативу трех морей» (ИТМ)¹, преследующего своей целью создание в Европе нового блока государств, расположенных между Балтийским, Черным и Адриатическим морями, в которую входят страны Балтии и «Вышеградской группы», Австрия, Болгария, Греция, Румыния, Словения и Хорватия. Общий потенциал 13 стран-членов ИТМ и 2 партнеров-участников (Украина, Молдова) составляет треть территории, четверть населения и пятую часть ВВП ЕС [18]. Для реализации инвестиционных проектов в регионе создан Фонд «Междуморье», объем которого должен был составить 5 млрд евро.

В данном проекте Польша взяла на себя роль лидера нового интеграционного объединения и проводника американских интересов в Европе. В условиях евроатлантических стратегических разногласий ИТМ «становится основным орудием Вашингтона, направленным против Евросоюза и России» [8], и ее сдерживания путем расширения присутствия США и НАТО у российских водных рубежей, сосредоточения там западной военной мощи для провокаций, создания позиций для развязывания и ведения возможной войны, то есть реализации, как минимум, натовской «стратегии сдерживания на грани войны». Подтверждением этих выводов является тот факт, что в подготовке концептуальных положений ИТМ участвовали американцы, в частности бывший главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал Джеймс Джонс, рассматривавший ИТМ не только как экономический проект европейского

¹ В научных публикациях употребляются и другие названия: «Балто-Адриато-Черноморская инициатива» (БАЧИ), «Междуморье», «Триморье».

развития, но и как военно-политический [27]. Как отмечали сами американские политики, одной из главных задач данного проекта в условиях украинского кризиса является строительство транспортной инфраструктуры, необходимой для развертывания сил НАТО. В целях реализации этих инфраструктурных проектов по «сдерживанию» России США обещали выделить ИТМ дополнительные финансовые средства. Такое внимание американцев к Инициативе свидетельствует о том, что они делают на нее очень высокие ставки в Европе.

Идея ИТМ не нова. Она имеет столетнюю историю: поляки вынашивали стратегическую политическую мечту «Междуморье» — установить свое геополитическое влияние «от моря до моря», но эта польская идея не была реализована ни в 1918 году, ни в 1938 году. Труднореализуема она и в современных условиях. Результаты всех ежегодных саммитов данного объединения показывают, что сам проект продвигается медленно, возникает все больше разногласий между странами-участницами по вопросам перспектив его реализации и возможной пользы для европейской безопасности. В частности, изначально она не нашла полной поддержки со стороны отдельных официальных лиц Болгарии, Венгрии и Хорватии.

С осторожностью отнеслись к ИТМ и западноевропейские страны, которые опасаются самостоятельной интеграционной политики в Европе официальной Варшавы, направленной, по их мнению, на усиление дезинтеграционных процессов в ЕС. В связи с этим Евросоюз внимательно наблюдает за действиями данного объединения «младоевропейцев», особенно Польши, пытается держать их под контролем, чтобы не допустить раскола в собственных рядах. Этим объясняется участие представителей высокого уровня Еврокомиссии и Германии в саммитах стран-участниц ИТМ. Все эти факторы говорят об отсутствии в ИТМ единства по важным стратегическим вопросам и наличии разных национальных приоритетов.

На саммите 6 сентября 2023 г. 13-м членом организации стала Греция, а это означает, что ИТМ берет направление на юг и стремится дополнительно распространить свое влияние еще на три моря: Средиземное, Ионическое и Эгейское. В случае принятия в статусе партнера-участника объединения Албании и Черногории, ИТМ получит выход еще к одному морю — Адриатическому.

За период существования Инициативы усилилась военно-политическая составляющая в отношениях между ее участниками в связи со сложной и неустойчивой обстановкой в Европе. Примечательно и то, что ее ухудшают сами члены ИТМ своими провокационными действиями, связанными с активной милитаризацией региона, укреплением восточного фланга НАТО, размещением на национальных территориях военных баз и воинских контингентов, в том числе американских, а страны Балтии и Польша отработывают в совместных военных учениях операции по захвату Калининградской области.

Таким образом, проект ИТМ — это продолжение стратегии союзничества Польши, не получившей своего развития в объединении «Содружества демократического выбора», созданного в 2005 году. ИТМ рассчитан на длительную перспективу, вплоть до создания федеративного образования стран на территории от Балтийского до Черного моря под польским началом, что коррелирует с идеями маршала Пилсудского о восстановлении польского влияния в границах Речи Посполитой XVIII века. Кроме того, ИТМ можно рассматривать еще как проект «Восточного Евросоюза» и будущую альтернативу франко-германскому доминированию. Идея создания «Восточного ЕС» на основе концепции строительства Большой Европы «двух скоростей» все четче просматривается в политике Польши. Заявление Леха Валенсы 4 июня 2022 г. о том, что необходимо распустить ЕС и воссоздать его в новом составе на основе «ядра» — Германии и Франции, но уже без Польши [21], было не случайным мнением польского экс-лидера.

Тем самым Республика Польша пытается с помощью ИТМ сформировать милитаризированный пояс между Западом и Востоком за счет соседних государств, расширить свое влияние на европейские страны в восточном и южном направлении. Используя свое геополитическое положение и современную международную ситуацию, пугая Запад «российской угрозой», Польша стремится повысить свою значимость в европейской политике и перехватить политическую инициативу у крупных государств Европы.

По оценке российских исследователей, ИТМ в настоящее время «отводится более широкая роль: усилить контроль и влияние США в Европе за счет новых стратегических союзников из числа стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Прибалтики; нейтрализовать

крупные западноевропейские государства, их сотрудничество с Россией» [4]. Польское руководство рассматривает Инициативу «как значимый ресурс формирования зоны преимущественных внешнеполитических интересов Польши, зоны экономического освоения», повышающий возможности для получения дополнительных финансовых средств из бюджета ЕС [3, с. 89]. Концепция «Междуморье» в перспективе «не потеряет для Польши актуальности и будет радикализироваться по отношению к России», но ее реализация «столкнется с принципиальными расхождениями во внешнеполитических стратегиях лидеров этого пространства, прежде всего Польши и Венгрии» [2, с. 136].

**«Люблинский треугольник» —
альтернатива «русскому миру»**

Очередной польской инициативой в 2020 г. стал «Люблинский треугольник» в составе Польши, Украины и Литвы. По утверждению украинских политиков, «треугольник» должен быть «альтернативой русскому миру». К этой группе Польша со временем планировала присоединить Белоруссию, в связи с чем в последние годы она проводила в отношении нее подрывную идеологическую работу с целью смены правящего режима. Само название исторически символично, поскольку связано с образованием средневековой «Люблинской унии» летом 1569 г. между Королевством Польши и Великим княжеством Литовским, определившей федеративное образование Речи Посполитой, которая присоединила к себе территории сегодняшних участников «треугольника» — литовские и украинские земли, в том числе Киевщину, Подолье, Волынь.

В принятой Общей декларации были определены его основные цели: создание «трехсторонней платформы для политического, экономического и социального сотрудничества»; совместное использование исторического наследия и общих ценностей; достижение «стратегического» уровня сотрудничества между странами в рамках «Восточного партнерства», Европейского союза, НАТО, «Инициативы трех морей» и Литовско-польско-украинской бригады (LitPolUkrBrig). Литва и Польша обязались прилагать все усилия для полноправного членства Украины в ЕС и НАТО, выразили солидарность с Киевом в его противостоянии с Россией, в том числе по вопросу Крыма. Они подписали «Дорожную карту» по раз-

вitiю «треугольника», включающую решение широкого спектра политических, экономических (координация по вопросам энергобезопасности) и военных проблем, в частности противодействия «российской дезинформации» и различным гибридным угрозам.

В рамках «Люблинского треугольника» действует сформированная в сентябре 2014 г. по инициативе Польши международная миротворческая военная бригада LitPolUkrBrig в составе трех полков общей численностью 4,5 тыс. человек (полторы тысячи от каждой страны), которая размещена в районе Люблина в 100 км от границы с Украиной. Уже в 2017 г. она достигла уровня «полной оперативной подготовки». Официальная цель LitPolUkrBrig — участие в миротворческих и гуманитарных операциях, в т.ч. проводимых ООН, НАТО и ЕС. Официально прикрываясь статусом миротворческой организации, эта хорошо подготовленная военизированная бригада, формально не входящая в состав польских вооруженных сил, имеет стратегические цели: возможное выполнение боевых задач на границе Союзного государства России и Белоруссии, а также военно-полицейских функций на западных территориях Украины в зависимости от развития украинского кризиса. Фактически бригада является польским вооруженным подразделением натовского военного стандарта, в которой несут службу собственно поляки, украинцы, имеющие «карту поляка», и литовцы польского происхождения. По оценкам военных экспертов, при необходимости бригада в течение нескольких месяцев может быть развернута до численности корпуса.

Таким образом, на бывших территориях Речи Посполитой сформирована еще одна консультативная платформа, нацеленная на решение вопросов коллективной безопасности, экономики, торговли, инвестиций и создания военной инфраструктуры. «Люблинский треугольник», как справедливо отмечают российские исследователи, «является одной из ступеней на пути продвижения Варшавы к своей главной исторической и геополитической цели — идее “Междуморья”» [9, с. 58]. Сегодня он выгоден совершенно другому формально обозначившемуся «стратегическому треугольнику» в составе США, Великобритании и Польши, который представляет военную угрозу России и европейской безопасности в целом. Пока «Люблинский треугольник» действует декларативно, реальной активности в украинском кризисе не проявил. Более

того, в апреле 2023 г. Варшава, опасаясь открытого втягивания в прямой конфликт с Россией, отказала Киеву в использовании LitPolUkrBrig в боевых действиях на Донбассе. На таком зыбком фундаменте вряд ли «треугольник» долго устоит, что подтверждают ухудшающиеся в последнее время отношения между участниками данного объединения.

Заключение

В результате планомерного осуществления стратегии восточноевропейского союзничества в условиях формирования многополярного мира Республика Польша стала в центре геополитического разлома между Россией и Западом, создающего все большую трещину в безопасности всей Европы. Становится очевидным тот факт, что Польша играет и будет играть роль своеобразного «Троянского коня» США в Европейском союзе, постепенно разрушающего его устои и принципы субсидиарности, что подтверждает давние опасения Старой Европы в ее надежности. Это становится серьезной угрозой для сохранения ЕС в его нынешнем виде, поскольку, как показывает анализ внешней политики Польши и Великобритании, идет формирование будущей Европы по геополитическому принципу: «Западного ЕС» и «Восточного ЕС». Польша стремится к полному лидерству в Восточной Европе, а в перспективе к возможному созданию объединения государств в этом регионе в качестве альтернативы нынешнему Европейскому союзу. Для этого поляки, провозглашая неизбежность своего членства в НАТО, создают параллельные, в том числе военные, региональные альянсы.

Результаты исследования основных действующих восточноевропейских союзов с участием Польши позволяют сделать вывод о том, что в целом они направлены на укрепление восточноевропейского плацдарма НАТО для эффективного военно-политического и экономического противостояния России. Формирование подобных коалиций в виде малых интегрированных союзов из числа слабо вооруженных стран, в том числе входящих в Североатлантический альянс, создает дополнительные риски европейской безопасности и провоцирует вооруженные конфликты в Европе. Все инициативы Польши и попытки создания блоковых структур на постсоветском пространстве без России и против нее под видом

международной региональной интеграции являются бессмысленными антироссийскими акциями. Перспектива деятельности данных региональных союзов представляется малоэффективной, поскольку отношения с ними Польша «стремится выстраивать как полоноцентричные, что мешает их прочности» [10].

Наибольшую опасность будут создавать дальнейшие планы Польши по размещению на своей территории американского ядерного оружия, противоречащие положениям Основополагающего акта Россия-НАТО от 1997 г., в отношении которого польский президент А. Дуда 22 марта 2022 г. в Бухаресте заявил, что данное соглашение «перестало существовать» и оно «никого не связывает» [1]. Польша уже разместила на своей территории элементы американской противоракетной обороны двойного назначения, которые могут быть заменены на ракеты, оснащенные ядерными боеголовками, способные поражать Калининградскую область и Белоруссию. Тем самым она провоцирует ядерный конфликт и становится мишенью атомного оружия в Европе.

В процессе дальнейшего геополитического разлома укрепление старых и формирование новых альянсов, способных подорвать оставшиеся опоры европейской безопасности, продолжится. Усилится милитаризация Восточной Европы, в которой Польша будет все больше влиять на ее конфигурацию [7]. В европейских делах США продолжают полагаться на Польшу как на испытанного союзника, которой способен определять будущую политику малых восточноевропейских союзов и блоков в регионе. Научный анализ польско-американской стратегии союзничества дает основания сделать вывод о том, что это политика агрессии, а значит она содержит в себе высокие риски военных конфликтов. Данное обстоятельство будет и дальше вынуждать Россию принимать превентивные меры по обеспечению национальной безопасности.

Литература

1. Витвицкий А. Дуда заявил, что акт Россия — НАТО о безопасности перестал существовать // РИА Новости. — 22 марта 2022 г. — URL: <https://ria.ru/20220322/pato-1779513527.html> (дата обращения: 22.12.2024).
2. Ворожеина Я.А., Курганский А.А. Генезис и эволюция польской геополитической концепции Междуморья // Современная Европа. — 2023. — № 1. — С. 136.
3. Жуковский И.И. Политико-экономическая проблематика «Инициативы трех морей» в исследовательской повестке польских экспертно-аналитических центров // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 3. — С. 89. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-7.

4. *Клепацкий Л.Н.* Польские геополитические амбиции и их последствия. *Международная жизнь*. 15.11.2022. –URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37823?ysclid=m6gxhe7xl3708250> (дата обращения: 18.01.2025).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, п. 60. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.01.2025).
6. *Лошкарёв И.Д., Кучук А.В.* Стратегическая культура Польши: вариации и их отражение в официальном дискурсе // *Современная Европа*. — 2022. — № 4. — С. 37–49.
7. *Пархалина Т.* Геополитический разлом и будущее системы европейской безопасности // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. ИНИОН РАН. — Выпуск 67(83). — Декабрь 2022. — С. 7.
8. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 // Сб. ст. под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д.С. Буневич. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 176 с.
9. *Русакова М.* Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном строительстве // *Современная Европа*. — 2021. — № 1. — С. 52–61.
10. Союзное государство и «польский фактор». Доклад. Экспертный клуб Союзного государства. — Москва-Минск. — 2022–2023 гг. — С. 31. —URL: www.soyuz.club (дата обращения: 05.01.2025).
11. Стратегия союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции: монография /А.А. Байков, И.В. Болгова, И.А. Истомина [и др.]; под ред. И.А. Истомина, Н.Ю. Силаева, А.А. Сущенцова. — М.: МГИМО-Университет, 2021. — 371 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 15.01.2025).
13. *Шишелина Л.Н.* Роль «Бухарестской девятки» на восточном фланге НАТО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2023. — № 2. — С. 7–14. DOI: 10.15211/vestnikieran22023714.
14. *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation Managing Deterrence in the 21st Century* / Edited by Stephan Fruhling and Andrew O’Neil. Published by ANU Press / The Australian National University, 2021. — 234 p. DOI: 10.22459/ANWE.2021 (P. 10).
15. *Duda Andrzej.* Europa Środkowa — wspólnota aspiracji. — URL: <https://wszystkoconajwazniejsze.pl/andrzej-duda-europa-srodkowa-jako-wspolnota-aspiracji/> (accessed: 12.12.2024).
16. Joe Biden tells NATO, Bucharest Nine democracy is at stake in Ukraine war. — URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2023/02/22/Poland-Biden-NATO-Stoltenberg-Bucharest-Nine/3601677066749/ (accessed: 20.12.2024).
17. Joint Declaration on «Allied Solidarity and Shared Responsibility». — Bucharest, November 2015. — URL: <https://www.lrp.lt/data/public/uploads/2015/11/joint-declaration.pdf> (accessed: 12.11.2024).
18. *Kobierski Łukasz, Błaszczak Jędrzej.* Trójmorze z perspektywy państw członkowskich // Instytut nowej Europy. — Warszawa 2021. — URL: <https://ine.org.pl/wp-content/uploads/2021/12/Trójmorze-z-perspektywy-państw-członkowskich-pdf> (accessed: 17.01.2025).
19. *Koncepcja Obronna Rzeczypospolitej Polskiej 2017* // Ministerstwo Obrony Narodowej. — S. 13. — URL: http://factmil.com/load/dokumenty_mo/doktryny/koncepcja_obronna_rzeczypospolitej_polskiej_2017/3-1-0-3564 (accessed: 12.12.2024).
20. *Luis Simón, Alexander Lanoszka & Hugo Meijer.* Nodal defence: the changing structure of U.S. alliance systems in Europe and East Asia // *Journal of Strategic Studies*. — № 44(2):1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390.2019.1636372>.
21. *Makowski Marcin.* Wałęsa: Bomby były podłożone. W '89 komuna planowała zamachy na “Solidarność” // *Tygodnik w INTERA.PL*. 04.06.22 –URL: http://tygodnik.interia.pl/marcin-makowski-rozmowy/news-walesa-bomby-byly-podlozone-w-89-komuna-planowala-zamachy-na_nld,6069286 (accessed: 05.12.2024).
22. *National Security Strategy*. October 12, 2022. — Washington (D.C., USA), 2022. — 48 p. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 10.11.2024).
23. *Pawłowski Konrad.* Bukareszteńska Dziewiątka: współpraca państw wschodniej flanki NATO // Instytut Europy Środkowej/ — Lublin. 2020. — С. 17–19. — URL: <https://ies.lublin.pl/ies-policy-papers/bukareszteńska-dziewiątka-współpraca-panstw-wschodniej-flanki-nato>

- flanki-nato-bucharest-nine-cooperation-of-the-countries-of-natos-eastern-flank/ (accessed: 10.11.2024).
24. Prezydenci chcą wzmocnić wschodnią flankę NATO // Wydarzenia. Biuro Bezpieczeństwa Narodowego. 22.07.2014. — URL: <https://www.bbn.gov.pl/pl/wydarzenia/5708,Prezydenci-chca-wzmocnic-wschodnia-flanke-NATO.html> (accessed: 13.12.2024).
 25. Romanian president says more NATO presence needed in Eastern Europe // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/world/europe/biden-join-eastern-european-nato-states-summit-focus-seen-ukraine-2021-05-10/> (accessed: 12.12.2024).
 26. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej. 2020. Ministerstwo Obrony Narodowej. — S. 25. —URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP_2020.pdf (accessed: 10.11.2024).
 27. The Three Seas Initiative: Central and Eastern Europe takes charge of its own destiny. August 28, 2016. — URL: <https://visegradpost.com/en/2016/08/28/the-three-seas-initiative-central-and-eastern-europe-takes-charge-of-its-own-destiny/> (accessed: 11.11.2024).

Рябинина Ольга Константиновна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga K. Ryabinina

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: ryabininaok@gmail.com

ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЙ ЭТАП

FINLAND'S POLICY IN CENTRAL ASIA: A NEW STAGE

Аннотация: в статье исследуется эволюция политики Финляндии в отношении стран Центральной Азии. В связи с изменением геополитической ситуации в феврале 2022 года, Финляндия усилила взаимодействие с центральноазиатскими государствами. Интерес к региону со стороны Хельсинки определяется политическими и экономическими интересами. В статье сделан вывод, что Финляндия намерена расширить сотрудничество со странами Центральной Азии, роль которых для многих внерегиональных государств значительно возросла.

Ключевые слова: Центральная Азия, Финляндия, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан.

Abstract: the article analyses the evolution of Finland's policy towards the Central Asian countries. Due to the change in the geopolitical situation in February 2022, Finland has intensified its interaction with Central Asia. Helsinki's interest in the region is driven by political and economic interests. The research concludes that Finland intends to enhance its cooperation with the Central Asian states, whose role for many non-regional actors has become more significant than before.

Key words: Central Asia, Finland, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan.

Введение

После распада СССР политика Финляндия была направлена на установление политических и экономических контактов с новыми независимыми государствами. Одним из приоритетных направлений внешней политики Финляндии, помимо России, стали страны Центральной Азии. В отношении этих государств Финляндия стала проводить курс, который был рассчитан на диверсификацию внешнеполитических связей. Финляндия выстраивает двусторонние отношения со странами региона, поддерживая многостороннее взаимодействие в рамках политики ЕС.

В Центральной Азии Финляндию привлекали природные ресурсы, которые рассматривались в качестве важной составляющей для развития финской экономики. Тем более что Финляндия обладает современными технологиями, которые могут обеспечить производство высокотехнологичной продукции. Так, Финляндия «приветствует поддержание диалога на высшем уровне с Казахстаном и ценит его сотрудничество с Евросоюзом в области критических ресурсов» [5].

В последние годы внешняя политика Финляндии отличается преемственностью и в то же время учитывает новые тенденции в мировой политике и экономике. Помимо стран Центральной Азии, официальный Хельсинки пересмотрел подходы в отношении НАТО и, в конечном итоге, стал членом этой организации. При этом были сохранены отношения со странами Центральной Азии. Помимо европейского вектора, расширения отношений с НАТО и курсом на поддержание сотрудничества со странами постсоветского пространства, Финляндия стала проводить активную политику в отношении Африки [10], разработав соответствующую стратегию в отношении африканских государств. Тем не менее, Центральная Азия по-прежнему остается в фокусе внимания Финляндии, которая развивает со странами региона двусторонние и многосторонние контакты.

Основные внешнеполитические документы

Политика Финляндии в Центральной Азии опирается на ряд документов, в которых расставлены приоритеты внешнеполитического курса страны в отношении региона. После распада СССР Финляндия в большей мере обращала внимание на развитие отношений с Казахстаном. В 1992 году состоялся первый официальный визит президента Финляндии Мауно Койвисто в Казахстан. Он заложил основу для регулярного политического диалога и активного экономического сотрудничества [7]. Затем состоялись визиты президента Казахстана в Финляндию (2009 год), а также визиты финского президента (2010, 2013, 2015 и 2017 годы) в Казахстан.

Цели Финляндии в Центральной Азии нашли отражение в ряде документов. Одним из таких документов стала «Инициатива по расширенной Европе. Рамочная программа Финляндии по политике развития. План исполнения 2009–2013» [17].

Затем, в феврале 2012 года, была принята Программа политики развития. В соответствии с данной программой Финляндия была намерена сосредоточить свое внимание на развитии сотрудничества с наименее развитыми странами Африки и Азии. Исходя из данного подхода, финская внешняя политика сосредоточила свое внимание на Киргизии и Таджикистане.

В период 2014–2017 годов Финляндия приняла Программу сотрудничества в Восточной Европе и Центральной Азии на 2014–2017 годы. Региональное сотрудничество в странах Центральной Азии было направлено на продвижение партнерства в области создания «зеленой экономики» в Киргизии и Таджикистане. Эти страны, располагая значительным гидроэнергетическим потенциалом, в большей степени подходили для создания экономики, в которой можно было использовать возобновляемые ресурсы. Второе направление, которому Хельсинки уделял повышенное внимание, было продвижение демократии во всех странах региона. Данная задача соответствовала в целом политике ЕС, который после распада СССР активно включился в продвижение демократических институтов и поддержку демократических преобразований. «Бюджет на 2014–2017 гг. программы сотрудничества в целях развития в Восточной Европе и Центральной Азии составлял около 40 млн евро» [15].

В целом, в этот период сотрудничество основывалось на результатах, которые были получены в предыдущие годы. Тогда реализовывались Программа политики развития 2012 года и Руководящие принципы политики Финляндии в отношении восточных партнеров ЕС и Центральной Азии.

Сотрудничество Финляндии в целях развития дополняло Европейскую политику соседства и программу «Восточное партнерство», а также Стратегию ЕС для Центральной Азии. Финляндия влияла на формирование политики развития ЕС на уровне стран и через рабочие группы ЕС. Ключевыми инструментами финансирования ЕС в Восточной Европе и Центральной Азии выступали Европейский инструмент соседства (ENI) и Инструмент сотрудничества в целях развития (DCI). Доля Финляндии в рамках ЕС в целях развития составляла около 1,7% [15].

Затем была предложена «Политика Финляндии в области развития. Один мир, общее будущее — на пути к устойчивому раз-

витию» [16]. Документ определил долгосрочные цели развития Финляндии исходя из складывающейся ситуации в мире, климатических изменений и других факторов. Представленный документ подчеркивал, что «Финляндия также поддержит Кыргызстан и Таджикистан, беднейшие страны Центральной Азии. Поддержка Финляндии будет использоваться для укрепления прав человека, верховенства закона, деловой среды, управления водными ресурсами и готовности к изменению климата».

Политика Финляндии в Центральной Азии нашла отражение в Страновой стратегии Финляндии для государств Центральной Азии (Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) на 2021–2024 годы [14]. Документ пришел на смену прежнему документу, который определил стратегию в отношении таких центральноазиатских государств, как Киргизия, Таджикистан и Узбекистан [14]. Документ был принят в контексте политики ЕС, которую он проводил после распада СССР и появления понятия регион «Центральная Азия». В контексте Стратегии ЕС для Центральной Азии, принятой в 2019 году, Хельсинки предложил свое видение развития отношений со странами Центральной Азии. В документе подчеркивалось, что «Центральная Азия демонстрирует растущий потенциал для региональной сплоченности, взаимосвязанности и сотрудничества с международным сообществом. В то же время серьезные проблемы, такие как изменение климата, нехватка воды и проблемы, связанные с демографией, правами человека и безопасностью, а также социально-экономические последствия пандемии COVID-19, повышают уязвимость региона, подчеркивая необходимость активизации сотрудничества». Кроме этого, подчеркивалось, что «как государство-член ЕС, Финляндия участвует в разработке политики ЕС в отношении Центральной Азии и действует в партнерстве с ООН, ОБСЕ, международными финансовыми институтами».

Согласно документу Финляндия намеревалась сосредоточить усилия по трем «магистральным направлениям — верховенство закона, устойчивое экономическое развитие и усовершенствование управления природными ресурсами» [14]. «Общий объем содействия Узбекистану, Кыргызстану и Таджикистану должен был составить около 28 миллионов долларов (25 миллионов евро)» [14].

Помимо Казахстана, финская сторона проявляла интерес к Узбекистану. В 2021 году Финляндия включила Узбекистан в число приоритетных получателей содействия со стороны Хельсинки [11]. Ранее список ограничивался Киргизией и Таджикистаном. Включение Узбекистана в число приоритетов финской политики в Центральной Азии отразило желание Финляндии укрепить свои позиции в наиболее экономически развитых странах региона.

Интересы Финляндии в Центральной Азии

Политика Финляндии в регионе стремилась учитывать различные аспекты развития Центральной Азии, хотя в основном ориентировалась на развитие двусторонних отношений. Усилия Финляндии были направлены на содействие устойчивому развитию стран региона. В то же время Хельсинки действовал в рамках подходов, которые вырабатывал ЕС.

Наибольший интерес для Финляндии в Центральной Азии представляла экономическая сфера. Используя достижения в области технологий и инноваций, Финляндия стремилась использовать их в реализации своей политики. Финляндия оказывала поддержку центральноазиатским государствам в области устойчивого развития и повышения энергоэффективности. Финские компании активно инвестировали в инфраструктурные проекты, прежде всего в Казахстане и Узбекистане, которые традиционно находились в фокусе внимания официального Хельсинки.

Помимо экономики, Финляндия проводила курс на расширение взаимодействия в области безопасности и экологии, принимая участие в рамках стратегии ЕС в Центральной Азии. Кроме того, в фокусе внимания Хельсинки были вопросы культурного и образовательного сотрудничества, включая программы обмена студентами и преподавателями, а также поддержку долгосрочных проектов в области высшего образования. Также Финляндия уделяла большое внимание вопросам, которые были связаны с управлением водными ресурсами, климатическими изменениями и решением экологических проблем.

Ставка на Казахстан

Финляндия уделяет особое внимание Казахстану. На долю этой центральноазиатской страны приходится до 90% торговли Финляндии со странами Центральной Азии [9]. Как отмечал быв-

ший президент Финляндии Саули Ниинистё в ходе совместного заявления по итогам переговоров с Нурсултаном Назарбаевым, «одним из ключевых партнеров Финляндии в Центральной Азии является Казахстан» [8].

В Казахстане работает свыше 80 финских компаний, среди которых выделялись ведущие предприятия в области машиностроения «Оутотек», «Метсо», АББ, КОНЕ. В Казахстане присутствие компаний из Финляндии расценивали в качестве важных шагов, связанных с передачей технологий. Так, компания «Оутотек» реализовала на казахстанском рынке ряд проектов в горнодобывающей сфере, внесла свой вклад в развитие перерабатывающего производства. Компания «Вайсала» поставила оборудование для 20 казахстанских аэропортов и 50 метеорологических станций для экологических наблюдений.

Деятельность финской компании «Сампо» и АО «КазАгроФинанс» привела к началу производства комбайнов в нескольких регионах страны с прицелом на соседние рынки. Компания «Тиккурила» и «Руукки констракшн» расширили свою деятельность в странах Центральной Азии, Китае и Иране.

Казахстан рассматривает участие финских компаний в контексте решения социально-экономических задач, которые стоят перед страной. В частности, Казахстан рассчитывал использовать опыт Хельсинки при переходе к «зеленой экономике». Финляндия активно разрабатывает и внедряет технологии, которые позволяют производить энергию из возобновляемых источников энергии. В частности, в Финляндии активно используют технологии, которые позволяют получать электроэнергию через переработку твердо-бытовых отходов. Переработка стеклянной тары достигает 100%. Развивается солнечная и ветровая электроэнергия. На решение этих задач направлен Казахстанско-финский центр трансферта зеленых технологий «QazFinnTec», созданный в 2017 году. Его работа предусматривала «содействие реализации проектов в Казахстане с применением передовых финских технологий в таких сферах, как использование возобновляемых источников энергии, переработка бытовых отходов в биогаз, очистка сточных вод» [6].

Финляндия является вторым инвестором среди стран Северной Европы в Казахстане, уступая Норвегии. Объем ин-

вестиций из Финляндии в экономику Казахстана в 2022 году составил 18,3 млн долл. По итогам 2023 года двусторонний товарооборот составил 210 млн долл. (экспорт — 3,06 млн, импорт — 205,1 млн). Валовый приток инвестиций из Финляндии в Казахстан с 2005 года составил 409,5 млн долларов [1].

Большое внимание в Финляндии уделяют развитию отношений с Казахстаном в сфере металлургии и горнодобычи. Например, финская компания «KaukoInternational» планировала принять участие в развитии металлургии, лесохимической и горнодобывающей отраслей в Казахстане. Компания «HLAD Engineering OY» также изъявляла готовность «помочь Казахстану в решении экологических проблем, включая комплексную переработку промышленных, коммунальных и сельхозотходов, а компания «Tukes» — повысить объемы и расширить ассортимент казахстанской химической продукции» [1].

Финляндия является крупным торговым партнером Казахстана и вторым по значимости инвестиционным партнером. В 2017 году товарооборот между странами достиг 308 млн долларов (экспорт — 176 млн, импорт — 132 млн долларов) [1]. В 2023 году он составил 210 млн долларов [4].

Для финской стороны большой интерес представляют транспортно-логистические возможности Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос», СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота», а также каспийского порта Актау, который развивает казахстанская сторона. Так, еще в 2017 году был запущен Восточный транспортный коридор, по которому контейнерные перевозки осуществляются по маршруту Коувола (Финляндия) — Бусловская (Россия) — Алтынколь (Казахстан) — Сиань (Китай). Для Финляндии этот инфраструктурный проект имел большое значение с точки зрения доступа к китайскому рынку.

Финляндия рассчитывает стать участником логистических проектов, которые будут способствовать поставкам товаров между ЕС и Китаем. Так, «логистический оператор Nurminen Logistics Services OY может помочь развивать контейнерные перевозки по маршруту Китай — Финляндия — Европа — Китай транзитом через территорию Казахстана и далее по Транскаспийскому коридору» [1]. Соответствующее соглашение было подписано в 2024 году, хотя еще в марте 2022 года через железнодорож-

ный пограничный переход Алтынколь — Хоргос проследовал пилотный контейнерный поезд, отправленный из Китая в Финляндию. Тогда он проходил через российскую территорию. Данный вариант доставки грузов показал свою привлекательность. В результате первый контейнерный поезд с промышленной продукцией отправился из центральной Финляндии 20 мая 2024 года и прибыл в пункт назначения в западном Китае 31 мая. Время в пути следования составило 11 суток. Маршрут протяженностью 6849 км пролегал по территории четырех стран — Финляндии, России, Казахстана и Китая. Однако 80% объема грузоперевозок между Казахстаном и Финляндией к началу 2024 года приходилось на транзит через Россию, территория которой является наиболее привлекательной с экономической точки зрения.

Между Казахстаном и Финляндией активно действует межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. В апреле 2024 года прошло 13-е заседание комиссии. В ходе ее проведения были обсуждены «ключевые вопросы сотрудничества в различных сферах, таких как транспорт, образование, промышленность, энергетика, лесное хозяйство и водные ресурсы. Стороны подчеркнули важность развития сотрудничества и подписали договоры о реализации совместных проектов» [3].

Финляндия учитывает заинтересованность Казахстана развивать сотрудничество. Так, для Казахстана большой интерес представляет опыт, который накопила Финляндия в сфере образования. Школьная система образования Финляндии имеет большую практическую направленность: акцент здесь делается на том, чтобы научить детей применять полученные знания и умения в жизни. Этому способствует оснащенность учебных заведений высокотехнологичной материальной базой.

Финляндия использует потенциал диаспоры, которая проживает на территории Казахстана. Несмотря на незначительное количество финнов, проживающих в Казахстане, — порядка 400 человек, финно-угорский этнокультурный центр «Суоми» вносит свой вклад в расширение сотрудничества между странами.

В последние годы Финляндия рассчитывает расширить контакты между странами. В частности, речь шла об открытии в Астане визового хаба для граждан Центральной Азии [9]. В феврале 2023 года прошли переговоры между президентом

Казахстана Касым-Жомартом Токаевым и министром внешней торговли и содействия международному развитию Финляндии, сопредседателем казахстанско-финской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Вилле Скиннари. В состав делегации, прибывшей в Казахстан, вошли представители 15 крупных финских компаний, таких как Nurminen Logistics Plc, Nokia, EastCham Finland, Business Finland, Lamor, Wärtsilä Finland, PayIQ, EPSE.

Сотрудничество с другими со странами Центральной Азии

Помимо Казахстана, Финляндия развивала политические и экономические контакты с другими центральноазиатскими государствами. Значительные запасы энергоносителей и других видов сырья в Центральной Азии, а также стратегическое положение региона усилили интерес Финляндии к региону. Также целью политики Финляндии в Центральной Азии выступало содействие деятельности, которая была направлена на поддержку регионального сотрудничества в области энергетики и окружающей среды, безопасности и развития. Финляндия поддерживала проекты, направленные на развитие торговли. В Центрально-азиатском регионе Финляндия намеревалась решать региональные экологические проблемы, в частности проблемы, связанные с комплексным управлением водными ресурсами.

Сотрудничество Финляндии с Киргизией началось сразу после установления дипломатических отношений. Оно включало запуск крупного проекта по борьбе с туберкулезом и предоставление экспертизы для помощи в создании Центрального банка Кыргызстана. Сотрудничество было продолжено в рамках «Инициативы по расширенной Европе. Рамочная программа Финляндии по политике развития. План исполнения 2009–2013».

Программа политики развития Финляндии 2012 года определила Кыргызстан и Таджикистан в качестве ключевых целей в рамках WEI. Финляндия подтвердила свой внешнеполитический курс в документе «Политика развития 2016 года».

В 2018–2021 годах поддержка Финляндии Киргизии и Таджикистану была сосредоточена на развитии верховенства закона, создании устойчивого экономического роста и улучшении управления природными ресурсами.

В 2019 году финский экспорт в Кыргызстан составил 3,8 млн евро. При этом импорт из Кыргызстана составил 125,3 тыс. евро. Финляндия экспортировала в Киргизию в основном машины и оборудование, связанные с горнодобывающей промышленностью, переработанными продуктами питания и некоторыми потребительскими товарами.

Водная проблематика

Финляндия уделяла большое внимание проблеме справедливого управления водными ресурсами, что должно было снизить вероятность водных конфликтов внутри стран Центральной Азии и между ними. С этой целью финской стороной была разработана Программа управления водными ресурсами в Киргизии и Таджикистане. Она осуществлялась с 2009 года при участии Финского института окружающей среды.

Затем МИД Финляндии разработал программу по оказанию поддержки водному сектору Киргизии и Таджикистана (2014–2018 гг.). Ставилась задача повышения водной безопасности в указанных государствах, внедрения комплексного управления водными ресурсами. Также был разработан «Финский водный путь». Проект предусматривает наращивание потенциала на 2021–2024 годы (координируется Финским институтом окружающей среды и Финским институтом международных отношений, финансируется Министерством иностранных дел, Министерством сельского и лесного хозяйства и Министерством окружающей среды).

В ноябре 2022 года был проведен региональный семинар по трансграничному водораспределению и развитию сотрудничества в области совместного использования водных ресурсов в Центральной Азии. На мероприятии обсуждались вопросы содействия изучению, применению и обсуждению международного опыта трансграничного водораспределения.

Современный этап

До 2022 года Финляндия в основном делала акцент на расширении политических отношений с центральноазиатскими государствами. Экономическое взаимодействие не отличалось динамикой. В период 2002–2022 годов Финляндия поставила

в Казахстан лишь 7 тягачей, в то время как в 2023 году поставки возросли до 67 машин [12]. Подобное изменение в экономической политике Финляндии стало результатом кардинальных изменений в отношениях Хельсинки и Москвы.

После февраля 2022 года политика Финляндии изменилась: она вступила в НАТО и ввела ограничения на границе с Россией. Новый президент Финляндии А. Стубб поддерживает курс на ужесточение политики в отношении России и одновременно выступает за расширение взаимодействия со странами Центральной Азии [1]. Финляндия поддерживает инфраструктурные проекты, которые обходят территорию России. В частности, Хельсинки выступают за развитие Транскаспийского коридора, который идет через Казахстан.

После февраля 2022 года Финляндия не только изменила свой внешнеполитический курс, дистанцируясь от России, но и кардинально скорректировала подходы в экономической сфере. «После начала российской специальной военной операции на Украине производители грузовиков MAN и Scania, входящие в Traton Group, являющуюся грузовым подразделением концерна Volskwagen, ушли из России, передав активы в стране российским дистрибьюторам» [12]. Кроме того, страна сделала ставку на вступление в НАТО. Отказ от двусторонних отношений с Россией и сворачивание сотрудничества в сфере экономики заставили Финляндию переориентировать внешнеэкономические связи и попытаться расширить взаимодействие со странами, которые ранее не представляли для нее интереса.

Помимо Казахстана, Финляндия активизировала сотрудничество с Киргизией. Если с 2002 по 2022 год в эту центральноазиатскую страну было поставлено всего 3 грузовика, то в 2023 году — уже 33 [12]. В целом, в страны Центральной Азии Финляндия в основном экспортирует поддержанные полуприцепные тягачи. В 2023 году ее экспорт в страны Центральной Азии составил 1,2 млрд евро [2].

Разворот в сторону стран Центральной Азии отражает тенденцию резкого снижения торгово-экономического сотрудничества с Россией и сворачивания политических контактов с российской стороной. Одним из решений, которое продемонстрировало характер отношений Финляндии к России, стало упразднение

департамента в МИД, который отвечал за сотрудничество с Москвой [13]. Статс-секретарь Юкка Саловаара, ответственный за реформу Министерства иностранных дел, заявил, что новая «организация МИД станет отражать текущую геополитическую реальность и внешнеполитические события» [13].

В свою очередь, страны Центральной Азии стремятся использовать ситуацию в своих интересах. Основное внимание они уделяют расширению торгово-экономической, транспортно-логистической и образовательной сфер, рассчитывая на привлечение инвестиций из Финляндии.

Заключение

Таким образом, расширение сотрудничества Финляндии со странами Центральной Азии отражает изменение внешнеполитических приоритетов официального Хельсинки. Российское направление, которое на протяжении десятилетий обеспечивало успешное экономическое развитие Финляндии, «неожиданно» оказалось ненужным. Соответственно, в условиях обострившихся социально-экономических проблем Финляндия пытается найти замену отношениям с Россией, рассматривая в качестве потенциальных партнеров страны Центральной Азии. Однако в силу слабости экономик стран региона и незначительной емкости внутреннего рынка вряд ли центральноазиатские государства смогут заменить собой отношения с Россией, которая в течение длительного времени выступала надежным, предсказуемым и экономически выгодным для официального Хельсинки партнером.

Литература

1. *Балиев А.* Казахстан — Финляндия: демонстративное укрепление партнёрства. 2 марта 2024. — URL: <https://dzen.ru/a/ZeMAnRGQgSPtI-IQ?ysclid=m7df5r3hd9327096233> (дата обращения: 07.12.2024).
2. *Безрукова А.* Экспорт Финляндии в РФ и Центральную Азию за два года сократился на 68,9%. 16.02.2024. — URL: https://aif.ru/money/economy/eksport_finlyandii_v_rf_i_centralnuyu_aziyu_zh_dva_goda_sokratilsya_na_68_9?ysclid=m7db1v8veg238045344 (дата обращения: 12.01.2025).
3. Достижения и договорённости: итоги заседания Казахстанско-финской межправительственной комиссии. 13 апреля 2024. — URL: <https://optimism.kz/2024/04/13/dostizheniya-i-dogovoryonnosti-itogi-zasedaniya-kazahstansko-finskoj-mezhpravitelstvennoj-komissii/> (дата обращения: 07.12.2024).
4. Казахстан и Финляндия намерены укреплять сотрудничество в сфере науки и образования. 21 апреля 2024. — URL: <https://optimism.kz/2024/04/12/kazakhstan-i-finlyandiya-namereny-ukrepyat-sotrudnichestvo-v-sfere-nauki-i-obrazovaniya/>

- finlyandiya-namereny-ukrepyat-sotrudnichestvo-v-sfere-nauki-i-obrazovaniya/ (дата обращения: 07.12.2024).
5. Казахстан и Финляндия укрепляют торгово-экономическое сотрудничество. 29 августа 2024. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-helsinki/press/news/details/836747?lang=ru&ysclid=m7ew7w87xp624119148> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Казахстанско-финский центр передачи зеленых технологий презентовали в Хельсинки. 24 ноября 2017. — URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstansko-finskiy-centr-peredachi-zelenykh-tehnologiy-prezentovali-v-hel-sinki_a3088884?ysclid=m7excbua zz942298813 (дата обращения: 07.12.2024).
7. Нуртлеуов М. Казахстанско-финские отношения: траектория успеха. 16 октября 2018. — URL: <https://kazpravda.kz/n/kazahstansko-finskie-otnosheniya-traektoriya-uspeha/> (дата обращения: 07.12.2024).
8. Президент Финляндии: Казахстан — наш важнейший партнёр в Центральной Азии. 17 октября 2018. — URL: https://forbes.kz/news/newsid_184244 (дата обращения: 07.12.2024).
9. При посольстве Финляндии в Астане откроется визовый хаб для граждан Центральной Азии. 24 февраля 2023. — URL: <https://informburo.kz/novosti/pri-posolstve-finlyandii-v-astane-otkroetsya-vizovyi-hab-dlya-grazdan-centralnoi-azii> (дата обращения: 07.12.2024).
10. Стратегия Финляндии в отношении Африки (Suomen Afrikka — strategia) от 18 марта 2021 года. — URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/162950> (дата обращения: 07.12.2024).
11. Финляндия включила Узбекистан в список приоритетных получателей финского содействия. 29 ноября 2021. — URL: <https://kun.uz/ru/news/2021/11/29/finlyandiya-vklyuchila-uzbekistan-v-sписок-prioritetnykh-poluchateley-finskogo-sodeystviya> (дата обращения: 07.12.2024).
12. Финляндия резко увеличила экспорт грузовых автомобилей в Центральную Азию. 8 августа 2023. — URL: <https://easaily.com/ru/news/2023/08/08/finlyandiya-rezko-uvlechila-eksport-gruzovyh-avtomobiley-v-centralnuyu-aziyu> (дата обращения: 12.01.2025).
13. Финский МИД упразднит российский департамент. 1 февраля 2024. — URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2810743/> (дата обращения: 12.01.2025).
14. Finland's country strategy for the central Asian countries of Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan 2021–2024. Ministry for Foreign Affairs of Finland. Department for Russia, Eastern Europe and Central Asia. 3.05.2021. — URL: https://um.fi/documents/35732/0/Keski-Aasia_Country_Strategy+%285%29.pdf/caf2176f-e7da-2af8-9a5a-3ae915596b75?t=1628083640939 (дата обращения: 18.01.2025).
15. Finland's Development Cooperation in Eastern Europe and Central Asia, 2014–2017. Ministry for Foreign Affairs. — URL: https://um.fi/documents/35732/48132/wider_europe_initiative_%E2%80%93finland%E2%80%93development_cooperation_in_eastern_europe_and_central_asia_2014%E2%80%932017.pdf/2701a8b4-af62-3699-cb57-eb911f2c53bc?t=1560451153931 (дата обращения: 14.01.2025).
16. Finland's Development Policy. One world, common future — towards sustainable development. Ministry for Foreign Affairs. 4 February 2016. –52 p. — URL: https://um.fi/documents/35732/48132/government_report_on_development_policy_2016 (дата обращения: 13.01.2025).
17. Wider Europe Initiative. Framework Programme for Finland's Development Policy. Implementation Plan for 2009–2013. MINISTRY FOR FOREIGN AFFAIRS. June 2009. — 15 p.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Грибанова (Лашина) Анна Александровна,

ассистент кафедры востоковедения и африканистики РУДН, Москва.

Anna A. Gribanova (Lashina),

Assistant of the Department of Oriental and African Studies, RUDN University, Moscow.

E-mail: gribanova_aa@pfur.ru

ИРАН В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ПОДХОДЫ АРАБСКИХ И ИРАНСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

IRAN IN THE PERSIAN GULF REGIONAL SECURITY SYSTEM: APPROACHES OF ARAB AND IRANIAN THINK TANKS

Аннотация: Персидский залив является одной из наиболее конфликтогенных зон мира, где пересекаются интересы глобальных и региональных игроков. Исламская Республика Иран (ИРИ) — центральный актор, определяющий баланс сил в регионе через активное использование «мягкой силы», военного потенциала и идеологического влияния. Исследование восприятия ИРИ в арабских и иранских аналитических кругах позволяет понять, как формируется дискурс безопасности в регионе, какие угрозы определяются региональными исследователями в качестве ключевых и как эти оценки влияют на политику стран региона. Цель исследования — выявление специфики подходов арабских и иранских «фабрик мысли» к фактору Ирана в системе безопасности Залива. Изучение докладов «мозговых центров» позволило выделить аспекты, вызывающие опасения исследователей арабских аналитических центров относительно политики Тегерана в регионе, и сравнить подходы арабских и иранских аналитических центров к проблеме формирования региональной системы безопасности в Заливе. Автор приходит к выводу, что, несмотря на официальное восстановление дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном в 2023 г., недоверие к политике Ирана со стороны арабских государств по-прежнему сохраняется, поэтому аравийские монархии считают ИРИ главным препятствием на пути создания действенной архитектуры безопасности в Персидском заливе, в то время как Иран в качестве главной проблемы в этой сфере рассматривает вмешательство внерегиональных акторов в безопасность региона. Методологической основой исследования стали системный, проблемно-хронологический подходы и метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, ирано-арабские отношения, аналитические центры, региональная безопасность, угрозы безопасности, система безопасности.

Abstract: the Persian Gulf is one of the most conflict-prone areas of the world, where the interests of global and regional players meet. The Islamic Republic of Iran (IRI) is the central actor that determines the balance of power in the region through the active use of soft power, military capabilities and ideological influence. The study of Iran's perception in Arab and Iranian think tanks allows us to understand how the security discourse in the region is shaped, what threats are identified by regional researchers as key threats, and how these assessments influence the policies of the countries in the region. The purpose of the study is to identify the specifics of Arab and Iranian think tanks' approaches to the Iran factor in the Gulf security system. The study of the think tanks' reports has made it possible to highlight the aspects that cause concerns of the researchers of Arab think tanks regarding Tehran's policy in the region, and to compare the approaches of Arab and Iranian think tanks to the problem of shaping the regional security system in the Gulf. The author concludes that despite the official restoration of diplomatic relations between Saudi Arabia and Iran in 2023, Arab states still distrust Iran's policy, so the Arabian monarchies consider the IRI as the main obstacle to the creation of an effective security architecture in the Persian Gulf, while Iran considers the interference of extra-regional actors in the security of the region as the main problem in this area. The methodological basis of the study is the systemic, problem-chronological approach and the method of comparative analysis.

Key words: Kingdom of Saudi Arabia, United Arab Emirates, Iran-Arab relations, think tanks, regional security, security threats, security system

Введение

На фоне затяжной нестабильности в Персидском (Арабском) заливе страны региона (Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман, Ирак и Иран) придают особое значение обеспечению безопасности [16, p. 25–40]. На данный момент регион не обладает интегрированной архитектурой безопасности, под которой в нашем исследовании понимается совокупность принципов, механизмов и институтов, объединяющих ключевых игроков региона и направленных на предотвращение и урегулирование конфликтов, обеспечение стабильности и предотвращение угроз в сфере безопасности. Успешность такой архитектуры зависит, в свою очередь, как от состава участников, так и от их согласия по ключевым вопросам безопасности. Вследствие недоверия между ключевыми акторами (например, Ираном и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)), влияния внешних держав (США, России, Китая) на дела региона, а также наличия религиозно-политических разногласий существующие региональные механизмы не являются действенными, а такие структуры, как ССАГПЗ, ограничены и не охватывают все страны Персидского залива, поскольку не включают Ирак и Иран.

В академической среде выделяют несколько подходов к формированию устойчивой модели безопасности в регионе: коллективная безопасность (включение в единую структуру всех стран региона — ССАГПЗ, Ирака и Ирана) [20; 44], баланс сил (сохранение баланса между ключевыми игроками — Исламской Республикой Иран (ИРИ) и ССАГПЗ — при посредничестве внешних держав) [38; 39], а также регионализация безопасности (создание регионального механизма без вмешательства внешних держав) [18; 37; 48]. Кроме того, отдельные государства региона и внешние державы периодически выдвигают собственные инициативы по формированию системы безопасности в Заливе.

Тем не менее, несмотря многообразие существующих проектов, региональная архитектура безопасности в Персидском заливе пока находится в стадии формирования. Как было отмечено выше, основным препятствием на пути ее складывания являются отсутствие консенсуса между ключевыми акторами и влияние внешних игроков.

Проблема создания действенной системы безопасности в Персидском заливе является ключевым объектом исследований как ученых, так и аналитических центров (think tanks, АЦ, «фабрик мысли», «мозговых центров») по всему миру.

На Ближнем Востоке аналитические центры начали активно развиваться с конца 1960-х гг. [36]. Первоначальной целью их создания стала потребность в глубоком изучении арабо-израильского конфликта. В дальнейшем политическая и экономическая либерализация в арабском мире способствовала проникновению на Ближний Восток различных неправительственных структур, выступавших за продвижение демократии, борьбу с неграмотностью и бедностью, развитие гражданского общества и расширение прав и возможностей женщин. Одним из направлений деятельности подобных структур также могла быть экспертно-аналитическая деятельность.

На современном этапе влияние «мозговых центров» на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ) стремительно растет, что связано с усиливающейся глобализацией, региональной нестабильностью и потребностью стран в систематическом подходе к выработке стратегий собственного развития.

Арабские аналитические центры (особенно в странах ССАГПЗ) часто следуют западной модели «фабрик мысли». Они могут соз-

даваться для повышения престижа правящих элит, а иногда служат инструментами «мягкой силы». Деятельность АЦ зачастую финансируется правительствами или даже непосредственно королевскими семьями, что определяет их зависимость от правящего режима, которая, в свою очередь, может обуславливать содержание выводов, артикулируемых в аналитических материалах таких центров.

Иранские аналитические центры, напротив, по нашему мнению, создаются как альтернатива западным подходам к исследованиям региональной системы безопасности в Заливе, в частности роли Ирана в ней. При этом важно отметить, что эти центры также тесно связаны с государственными структурами и часто используются для продвижения идеологической и геополитической стратегии Ирана. Доклады иранских think tanks нередко создаются с целью экспертного обоснования независимого внешнеполитического курса ИРИ и формирования нарративов, которые выступали бы в поддержку официальной позиции Тегерана по отдельным вопросам международной повестки, предоставляя альтернативный западному подход к анализу геополитических интересов и планов ИРИ.

Тем не менее, несмотря на некоторые различия в целях функционирования ближневосточных АЦ, практически все центры региона плотно взаимодействуют с правительствами и лицами, принимающими внешнеполитические решения. Благодаря этой связи «фабрики мысли» не только предоставляют рекомендации для правительств своих стран, но и формируют интеллектуальную основу для национальных стратегий внешней политики, создавая нарративы, легитимирующие те или иные внешнеполитические решения, и формируя отношение элит и населения страны к этим решениям.

Цель статьи — выявить подходы арабских и иранских АЦ к месту Тегерана в формирующейся системе региональной безопасности Персидского залива. Представляет интерес рассмотрение эволюции их подходов к указанной проблеме до и после подписанных в Пекине в марте 2023 г. соглашений о восстановлении дипломатических отношений между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия (КСА).

В отечественной науке представлен целый ряд исследований по изучению аналитических центров (преимущественно западных) [2; 5]. Проблематика функционирования «фабрик мысли»

на Ближнем Востоке затрагивалась лишь в отдельных исследованиях [1; 7], при этом тематических исследований, посвященных анализу подходов АЦ к конкретным проблемам внешней политики и безопасности, в российском исследовательском поле обнаружить не удалось.

Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней выявлены особенности подходов арабских и иранских аналитических центров к архитектуре формирующейся региональной системы безопасности с акцентом на роль и участие Ирана в этой системе. Поскольку зачастую дискурс о регионе формируется внешними медиа и внерегиональными акторами, что нередко создает «когнитивные искажения» в восприятии угроз региональной безопасности, наше исследование позволяет понять, как сами исследователи арабских и иранских аналитических центров определяют угрозы для региона, каких акторов рассматривают в качестве участников будущей региональной архитектуры безопасности и какие принципы предлагают в качестве ее основы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно не только обобщает мнения аналитиков из ключевых арабских и иранских АЦ, оказывающих наибольшее влияние на внешнеполитические стратегии государств региона, но и выявляет, в каких вопросах, касающихся региональной системы безопасности, позиции арабских стран и Ирана совпадают, а в каких — расходятся, что позволяет определить возможную базу для регионального диалога и потенциальные «камни преткновения» в переговорах. Например, проработка аспектов, которые вызывают наибольшую обеспокоенность у экспертов арабских аналитических центров, может способствовать разработке мер доверия или стратегий снижения напряженности в отношениях между аравийскими монархиями и Ираном.

В статье мы сфокусируемся на аналитике Политического центра Эмиратов (The Emirates Policy Center, EPC) (Абу-Даби, ОАЭ) [28], Международного института иранистики «Расана» (Rasanah: International Institute for Iranian Studies, IIS) (Эр-Рияд, КСА) [42], Бахрейнского центра стратегических, международных и энергетических исследований (Derasat) (Авали, Бахрейн) [23], Ближневосточного центра Карнеги (Карнеги, Carnegie) (Бейрут, Ливан) [19], Института политических и международных исследований

(The Institute for Political and International Studies, IPIS) (Тегеран, Исламская Республика Иран, ИРИ) [32], а также Центра научных исследований и стратегических разработок Ближнего Востока¹ (Centre for Scientific Research and Middle East Strategic Studies, CMESS) (Тегеран, ИРИ) [21].

Перечисленные центры вызывают особый интерес с точки зрения рассмотрения их подходов к иранскому фактору, поскольку представляют КСА и Иран, являющихся конкурентами в борьбе за региональное лидерство [16; 26; 4], в которую в последнее время включились и ОАЭ [3]. В свою очередь, анализ материалов бахрейнского АЦ важен в связи с тем, что руководство Бахрейна опасается роста влияния Ирана в свете так называемого «шиитского фактора» (в Бахрейне около 65% населения составляют шииты) [9]. Что касается Центра Карнеги, то это один из наиболее влиятельных филиалов западных АЦ в регионе².

Выбор АЦ также обоснован их лидирующими позициями в рейтинге Дж. Макганна из Университета Пенсильвании [8] за 2020 г. (больше не обновлялся) в регионе Ближнего и Среднего Востока (БСВ). Попадание центра в данный рейтинг рассматривается многими учеными как показатель высокого качества проводимых АЦ исследований [2]. Немаловажно также, что материалы указанных «фабрик мысли» находятся в открытом доступе, многие переведены на английский язык, что свидетельствует о заинтересованности центров в распространении публикаций, в т.ч. среди иностранных аналитиков.

Учитывая предмет исследования, рассматривая фактор Ирана в формирующейся системе безопасности в Персидском заливе, мы ограничились темами, вызывающими повышенный интерес исследователей как арабских, так и иранских центров:

- ядерная программа Ирана и проект зоны, свободной от оружия массового уничтожения;
- политика ИРИ на Ближнем Востоке;
- инициативы регионального сотрудничества;
- характер отношений ИРИ и КСА после восстановления дипломатических отношений в 2023 г.

¹ Несмотря на то что аналитический центр не входит в рейтинг Университета Пенсильвании, он является одним из старейших и самых авторитетных центров Ирана по политическим и стратегическим исследованиям.

² Данный центр входит в реестр иностранных агентов РФ.

Место Ирана в стратегических исследованиях арабских аналитических центров

В последние десятилетия количество исследовательских работ по Ирану неуклонно растет, при этом в них преимущественно затрагиваются вопросы безопасности и региональной стабильности, а за рамками научного интереса оказываются другие важные региональные проблемы, такие как, например, палестино-израильский конфликт. Это объясняется активным участием Ирана в целом ряде региональных конфликтов и решении стратегических вопросов, пересекающихся с интересами арабских государств Залива и внерегиональных акторов.

Традиционно ближневосточные АЦ уделяют в своих исследованиях значительное внимание тематике Ирана, что вызвано обеспокоенностью арабских государств политикой шиитского соседа. В фокусе интересов исследователей — как внутренняя политика Ирана, так и влияние Тегерана на политическую стабильность государств Ближнего Востока (Ирак, Сирия). Ядерная программа Тегерана¹, противостояние ИРИ и США, а также сближение Ирана с Россией вызывают особый интерес у исследователей.

Следует отметить, что ряд АЦ (например, ЕРС) выносят раздел по исследованию Ирана в отдельную секцию на сайте, в то время как в Саудовской Аравии создан специализированный аналитический центр Rasanah, который проводит исследования, охватывающие вопросы региональной и мировой политики конкретно с упором на анализ роли Ирана в них, уделяя особое внимание вопросам безопасности и стратегическим исследованиям [42].

Большинство исследователей в рассмотренных арабских центрах едины во мнении, что именно поведение Ирана и его «экспансионистская политика» [11], усугубленные конфликтом интересов на мировой арене, определяют хрупкость баланса сил в регионе и порождают «неизбежную угрозу со стороны Ирана» [33].

С учетом широкого международного резонанса вокруг иранской ядерной программы, вызванного принятием Совместного всеобъ-

¹ Руководствуясь логикой исследователей рассматриваемых арабских аналитических центров, здесь и далее мы будем говорить о «ядерной программе Ирана» (а не «атомной программе», которая предполагает разработку «мирного атома»), поскольку арабские аналитики опасаются именно военной направленности атомных технологий, разрабатываемых ИРИ.

емлющего плана действий (СВПД) в формате «5+1»¹, а также особой озабоченности монархий Аравийского полуострова по этому поводу, вполне логично, что эта тематика на протяжении ряда лет занимает арабских исследователей. Однако следует отметить, что, несмотря на официальный стиль публикаций исследований центра Derasat, в некоторых материалах при тщательном изучении прослеживается негативное отношение арабских монархий Залива как к иранской ядерной программе [24], так и к Ирану в целом.

Так, незадолго до подписания СВПД исследователи отмечали, что государства — участники ССАГПЗ нуждаются в доказательствах мирного характера иранской атомной программы и отсутствия у Тегерана «экспансионистских амбиций» [52].

В свою очередь, согласно подробной аналитике ближневосточного филиала центра Карнеги, реализация инициативы создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ) [43], могла бы послужить цели значительной стабилизации региона [45]. Однако, как нам представляется, несмотря на многочисленные переговоры и форумы по этой тематике, с учетом современной конъюнктуры международных отношений, претворение в жизнь подобного проекта не представляется возможным, поскольку в регионе уже существует нелегальное ядерное государство — Израиль, а также сохраняются опасения арабских государств относительно ядерной программы ИРИ.

Несмотря на то что именно Иран в течение нескольких десятилетий неизменно продвигает инициативу по созданию ЗСОМУ на Ближнем и Среднем Востоке, аналитики арабских «фабрик мысли» настаивают на том, что главным препятствием на пути создания безъядерного Ближневосточного региона является именно Исламская Республика. Тем самым эксперты арабских АЦ последовательно игнорируют наличие у Израиля ядерного оружия и факт неприсоединения Тель-Авива к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

¹ Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы был подписан в июле 2015 г. между Ираном и группой P5+1 (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН — Соединенные Штаты Америки (США), Великобритания, Франция, Россия, Китай, а также Германия). Основная цель СВПД заключалась в ограничении целого ряда аспектов ядерной программы Ирана, прежде всего в области обогащения урана в обмен на снятие экономических санкций. Однако в мае 2018 г. США под руководством президента Д. Трампа вышли из соглашения, что стало причиной обострения международной напряженности. В 2021 г. были возобновлены переговоры о восстановлении СВПД, но результат по ним до сих пор не достигнут ввиду невозможности сторон прийти к общим соглашениям.

Тем не менее, выдвинутая в 2005 г. Генеральным секретарем ССАГПЗ А. Аль-Аттия инициатива создания ЗСОМУ в Персидском заливе, которая включала бы в себя шесть государств ССАГПЗ и Иран, позиционирует Тегеран в качестве главного препятствия на пути ее создания. Однако реализация подобного проекта также представляется нам на данный момент нереалистичной ввиду того, что субрегион Персидского залива является неотъемлемой частью Ближневосточного региона, в котором существует ядерный Израиль. Географическая близость государств Залива к Израилю обусловит сохранение ядерной угрозы как для аравийских монархий, так и для ИРИ.

Ракетная программа Ирана, включающая разработку беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), вызывает не меньший страх среди государств Залива. Все чаще высказываются требования ограничения иранских ракетных и беспилотных программ Корпуса стражей исламской революции (КСИР), в т.ч. в рамках инициативы создания «зоны, свободной от ракет», по обе стороны Залива. Однако такие призывы, по оценке исследователей ЕРС, звучат нереалистично: необходимо искать реальные и эффективные решения для урегулирования проблем, связанных с ракетной программой Ирана [13].

Таким образом, даже в случае деэскалации напряженности вокруг иранского «ядерного досье» в рамках СВПД другие спорные вопросы по «иранской угрозе» все равно останутся нерешенными. Кроме того, арабские исследователи полагают, что без использования экономических, политических и военных средств давления невозможно достижение положительного результата в переговорах с Ираном [13].

Следующей темой, вызывающей повышенный интерес арабских исследователей центров, является политика ИРИ в Ираке и Сирии. С момента прихода к власти в Иране в 2021 г. президента С.Э. Раиси исследователи ожидали ужесточения курса Исламской Республики в отношении Ирака [17], которое проявилось бы в усилении проиранских военизированных группировок и росте числа атак на позиции американских войск [51], а также организации нападений на расположенные в Иракском Курдистане объекты курдской оппозиции, выступающей в поддержку автономии иранских курдов [25].

Что касается сирийского кризиса [17], то исследователи указывают на дестабилизирующий характер конфликта, который, непосредственно не угрожая региону Персидского залива, в значительной степени накаляет обстановку на Ближнем Востоке в целом. На этом фоне сохраняется угроза со стороны ДАИШ (ИГ, «Исламское государство»)¹ [29] и повышается вероятность проникновения террористических группировок в соседние с Сирией страны [22].

Однако важно отметить, что после свержения Б. Асада в Сирии и установления новой власти в лице группировки «Хайат Тахрир аш-Шам»² влияние Тегерана в Сирии значительно снизилось. Кроме того, если ранее арабские страны видели в Иране угрозу в том числе из-за его влияния в Сирии, то теперь они сталкиваются с новыми вызовами, связанными с усилением радикальных суннитских группировок, которые угрожают безопасности как аравийских монархий, так и Ирана. В связи с этим, как представляется, общие вызовы безопасности могли бы стимулировать ограниченное сотрудничество между Ираном и арабскими странами, хотя их стратегическое соперничество все еще остается главным фактором напряженности в регионе.

Сложное переплетение конфликтов и проблем в Ближневосточном регионе заставляет аналитиков обращаться к теме регионального диалога, однако мнения исследователей из различных арабских аналитических центров относительно места Ирана в нем несколько расходятся.

Так, в материалах ЕРС, с одной стороны, говорится, что с целью ослабления Тегерана арабским странам необходимо заключать большее количество договоров о взаимной и противовоздушной обороне с Израилем (в рамках военного и оборонного сотрудничества) и Турцией (которая специализируется на производстве БПЛА). С другой стороны, наиболее практичным вариантом аналитики центра все же видят «региональный диалог под международным покровительством», в рамках которого арабские страны, «пострадавшие от гегемонистских действий Ирана» [13], смогли бы найти путь к снижению напряженности.

В этой связи исследователи аналитического центра ЕРС позитивно оценивают Багдадскую конференцию по сотрудничеству

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организация запрещена в РФ.

и партнерству 2021 г., которая является перспективным примером диалога, объединяющего региональных и международных участников. При этом аналитики считают необходимым включение в подобный формат Ирана и Турции, влияние которых в регионе неоспоримо [10]. Таким образом, можно заключить, что среди экспертов ЕРС пока не сложилось единого мнения относительно того, продолжать ли выстраивание архитектуры региональной безопасности на антииранской основе или же пересмотреть подход в сторону сближения с Тегераном.

Вероятно, такая двойственность позиций обусловлена тем, что ОАЭ, с одной стороны, пока не до конца преодолели зависимость от Эр-Рияда в своей внешней политике, а также имеют сложные отношения с ИРИ в свете территориального спора вокруг островов Абу Муса, Большой и Малый Томб, а с другой — стремятся побороться за региональное лидерство с Саудовской Аравией и Ираном, что стимулирует руководство ОАЭ к выдвижению оригинальных инициатив по различным вопросам ближневосточной повестки.

По мнению исследователей Rasanah, Иран предлагает нереалистичные мирные инициативы с целью улучшить свою международную репутацию [14]. Так, в рамках анализа региональных проектов особое возмущение аналитиков вызывает Ормузская мирная инициатива (Hormuz Peace Endeavor, HOPE), обнародованная экс-президентом Ирана Х. Рухани. По задумке, этот проект должен стать прототипом обеспечения стабильного мира и безопасности в регионе. Однако, исходя из мнения аналитиков Rasanah, в рамках данной инициативы Тегеран нацелен на создание системы безопасности в регионе во главе с Ираном, постепенное установление политического и военного влияния Ирана над арабскими странами, а также полное изгнание иностранных сил из региона Персидского залива [26].

Анализируя подход Ирана к обеспечению безопасности, эксперты из аналитического центра Rasanah приходят к выводу, что подход Ирана к обеспечению безопасности представляет собой скорее угрозу, чем попытку достичь стабильности и развития в регионе [26].

В то же время эксперты всех анализируемых арабских центров сходятся во мнении, что существующие на данный момент инициативы аравийских монархий по созданию архитектуры ре-

гиональной безопасности также нельзя оценить как эффективные и действенные [46]. Немаловажно, что большинство этих инициатив нацелены на предотвращение сугубо военных угроз и не затрагивают иные источники проблем в регионе.

Таким образом, несмотря на то что сложная сеть конфликтов и разногласий в регионе Залива подталкивает страны к созданию системы региональной безопасности в Персидском заливе, этому, как представляется, препятствуют несколько ключевых причин.

Во-первых, это отсутствие исходящих от арабских стран инициатив по созданию системы безопасности, включающей Иран. Недоверие к Тегерану также способствует резкой критике проектов, исходящих от ИРИ (например, Ормузской инициативы).

Во-вторых, отсутствует единство между арабскими странами в оценке уровня угроз со стороны Ирана. Эти расхождения ярко проявляются в позиции стран — участниц ССАГПЗ. Например, Кувейт, Оман и Катар (позиция которого определяется энергетическим и экономическим сотрудничеством с Ираном) не поддерживают подходы КСА и ОАЭ, которые выступают основными претендентами на региональное лидерство и соперниками Ирана.

В-третьих, сохраняющаяся зависимость арабских стран от внешних игроков (прежде всего США) препятствует формированию независимой региональной архитектуры безопасности.

К тому же, принимая во внимание уровень недоверия между Ираном и арабскими странами, на современном этапе, по нашему мнению, не представляется реальным создание региональной системы безопасности. В этой связи акцент на вопросах, представляющих общую заинтересованность (борьба с терроризмом, безопасность судоходства, экологические вызовы), могла бы послужить началом для развития локальных форматов регионального сотрудничества, что впоследствии могло бы перерасти в выработку более широкого консенсуса в рамках снижения региональной напряженности и создать атмосферу доверия между Ираном и арабскими странами.

Кроме того, постепенная минимизация внешнего вмешательства и снижение зависимости арабских монархий от США могли бы также содействовать укреплению доверия между игроками. Однако арабские исследователи не считают данный аспект причиной, препятствующей повышению уровня доверия между

ИРИ и монархиями Залива и созданию архитектуры региональной безопасности в Персидском заливе.

Таким образом, по нашему мнению, на данном этапе реалистичной целью является не создание единой архитектуры безопасности, а постепенное формирование пространства для ограниченного сотрудничества, что в будущем может стать основой для более масштабных инициатив.

Тематика отношений между Ираном и Саудовской Аравией также является одной из ключевых в рамках исследований арабских аналитических центров. Отмечается, что, несмотря на подписанные в марте 2023 г. соглашения о возобновлении дипломатических отношений между КСА и ИРИ при посредничестве Китая, сближение сторон все еще представляется чрезвычайно трудным, учитывая длительную напряженность между двумя странами. Согласно аналитике, «пакт с Саудовской Аравией, заключенный эмиссаром глубинного государства Ирана Али Шамхани, не гарантирует успеха [документа] и не обязывает весь аппарат глубинного государства Ирана придерживаться его» [12].

Тем не менее, согласно оценке экспертов Rasanah, международное сообщество высоко оценило то, как Саудовская Аравия справилась с кризисом, став активным центром и влиятельным игроком региональной и международной политики. Отмечается, что союзники Ирана, такие как Китай и Россия, изменили свои заявления по некоторым региональным вопросам. Фактически они заняли позиции, более благоприятные для Саудовской Аравии и других государств Персидского залива (например, речь идет о ставших причиной дипломатического скандала [6] замечаниях России по поводу спора между ОАЭ и Ираном о принадлежности островов Абу Муса, Большой и Малый Томб [47]).

В целом, несмотря на активную и последовательную антииранскую риторику, в работах АЦ отмечается, что некая степень нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией способствует постепенному созданию стабильной атмосферы безопасности в регионе, позволяя обеим странам осуществлять внутривнутриполитические планы. Соглашение с ИРИ дает Эр-Рияду шанс реализовать свое амбициозное видение на период до 2030 г., а также может помочь Тегерану постепенно снизить уровень мировой изоляции, усугубленный введенными против него санкциями

США и ЕС. Тем не менее многие проблемы сохраняются, историческая подоплека конфликта будет еще долгое время оказывать негативное воздействие на двусторонние отношения [50]. Тем не менее Иран, согласно мнению аналитиков арабских центров, определенно «не откажется от своих идеологических мотивов и усилий по доминированию в регионе» [47].

Необходимо отметить, что в большинстве случаев материалы арабских аналитических центров не содержат доказательств реальных угроз, исходящих от Ирана, многие утверждения носят характер декларативных заявлений, направленных на убеждение читателей в «деструктивной роли» Тегерана. Исследователей арабских «мозговых центров» нельзя назвать беспристрастными, поскольку в ряде публикаций наблюдается неприкрытая критика Тегерана, а также встречаются такие выражения, как «серьезная угроза», «опасность», «экспансионистские амбиции», «агрессивность», «дестабилизация региональной безопасности» и др., причем многие обвинения в адрес Тегерана чаще всего никак не обосновываются. Это объясняется, как указывалось выше, тем, что многие АЦ функционируют на средства правящих династий. Это вынуждает экспертов таких центров формулировать выводы, подходящие под запрос конкретных аравийских монархий, которые все еще не отказались от курса на «демонизацию» Ирана, курса, позволяющего формировать негативное отношение к ИРИ у своего населения и за счет этого решать собственные внутривнутриполитические задачи (например, сдерживать политический активизм собственных шиитских общин).

Тем не менее нельзя не отметить, что в некоторых работах центров предприняты попытки найти преимущества, которые предоставляет нормализация отношений КСА и ИРИ. Несмотря на это «красной линией» в публикациях проходят обвинения Ирана в дестабилизации региона.

Подход аналитиков иранских «мозговых центров» к роли Ирана в региональной системе безопасности

Согласно подходу иранских исследователей, ключевой задачей правительства ИРИ является налаживание регионального диалога с соседями. В связи с этим инициатива создания площадки для подобного диалога — наиболее рациональный вариант, основанный на общих региональных интересах. Так, исследователи иран-

ских АЦ, опираясь на официальную позицию ИРИ, утверждают, что Тегеран ставит своей целью достижение общерегиональной безопасности [21], в связи с чем тратит значительные ресурсы на корректировку своей оборонной политики [40]. В свою очередь, по нашему мнению, подобные корректировки оборонной политики Ирана могут восприниматься арабской стороной как потенциальная угроза, поскольку такая политика является неотъемлемой частью национальной военной доктрины страны, включающей в себя общее повышение боеготовности вооруженных сил государства.

Ормузская мирная инициатива [35], раскритикованная учеными арабских аналитических центров, а также Тегеранский диалоговый форум (Tehran Dialogue Forum, TDF, — организованный IPIS регулярный форум с международным участием, включающий дипломатов из соседних с Ираном стран), которые являются важными проектами Ирана по стабилизации ситуации в Персидском заливе, активно анализируются иранскими «мозговыми центрами» [27].

Тематика ядерного нераспространения также занимает существенное место в публикациях центров, однако с совершенно противоположных позиций. Так, согласно заявлению К. Харази, бывшего министра иностранных дел ИРИ, Иран уже давно стремится к ЗСОМУ и ядерному разоружению Израиля и присоединению последнего к ДНЯО. Кроме того, по его заверению, на современном этапе ИРИ действительно производит усовершенствованные центрифуги, которые, однако, будут использоваться не для производства бомб, а в рамках развития программы «мирного атома», в связи с чем все опасения арабских государств на этот счет являются необоснованными [27].

«Красной нитью» через все работы иранских исследователей проходит мысль, что безопасность в Заливе возможна исключительно на основе регионального сотрудничества без вмешательства внешних игроков. В свою очередь, согласно аналитике иранских центров, именно ложное видение роли Ирана в регионе и «демонизация Тегерана», которые «навязаны Западом», остаются ключевой проблемой на пути к формированию действенной системы региональной безопасности [15].

Кроме того, немаловажно, что в работах IPIS и CMES отражено мнение о разрушительном характере «Соглашений Авраама», поскольку их главная цель — «прямая интеграция сионистского

режима в арабское и исламское сообщества и игнорирование палестинского вопроса в обмен на некоторые интересы (в основном экономические)» [30].

С учетом того, что иранские АЦ аффилированы с государственными структурами, несмотря на объективную аналитику целого перечня проблем, в ряде исследований все-таки прослеживается идеологическая направленность и пропаганда против Тель-Авива. Например, в контексте анализа арабо-израильских соглашений используются такие высказывания, как «преступный и расистский режим в Израиле», «осознание злонамеренных целей Израиля», «рождение этой раковой опухоли» (об образовании Израиля в 1948 г.), а сам израильский режим «ассоциируется с оккупацией, расизмом, преступностью и детоубийством» и т.п. [31].

Однако необходимо понимать, что, помимо «Соглашений Авраама», на региональной арене происходят и другие важные изменения, например в саудовско-иранском взаимодействии, важность которых также отмечается в аналитических материалах «мозговых центров» ИРИ.

По мнению иранских исследователей, диалог между Тегераном и Эр-Риядом — отличный старт для стабилизации не только двусторонних отношений, но и нормализации ситуации в Персидском заливе и на Ближнем Востоке в целом [49], что в дальнейшем также может привести к ослаблению негативного влияния «Соглашений Авраама» и позиций Израиля в регионе. Кроме того, значительное внимание в рамках соглашений о нормализации отношений КСА и ИРИ исследователи «мозгового центра» ИПИС уделяют посредничеству Китая как ведущей мировой державы [34].

Хотя исторические глубинные разногласия между арабами и иранцами не исчезнут моментально, аналитики центров ИРИ выражают надежду, что архитектура региональной безопасности в Персидском заливе должна базироваться не на уничтожении исторических различий, а на укреплении доверия и планомерном продвижении сторон к диалогу ради предотвращения эскалации конфликтов [41].

Таким образом, иранские «мозговые центры» позиционируют такую модель поведения своего государства в сфере региональной безопасности, которая базировалась бы на региональном диалоге без какого-либо вмешательства внерегиональных держав. В связи

с этим исследователи активно поддерживают инициативы КСА и ИРИ по возобновлению и укреплению двусторонних отношений.

Заключение

Таким образом, арабские и иранские аналитические центры являются важным элементом формирования современной политической мысли на Ближнем и Среднем Востоке, оказывая исследовательскую поддержку лицам, принимающим внешнеполитические решения. Однако арабские АЦ преимущественно созданы по подобию западных институтов, в то время как отличительной чертой иранских «мозговых центров» является то, что они создаются в качестве альтернативы западным институтам для «научного продвижения» и обоснования идеологической и геополитической стратегии Ирана.

Анализ публикационной активности ведущих арабских и иранских «мозговых центров» показал схожесть перечня исследуемых проблем, однако с различных позиций — в то время как исследователи арабских аналитических центров видят в политике Тегерана главный фактор дестабилизации ситуации в Заливе, иранские аналитики «фабрик мысли» настроены более доброжелательно и выдвигают предложения по налаживанию регионального диалога с соседями. Можно утверждать, что подобный подход Тегерана связан с необходимостью проводить более гибкую политику добрососедства в связи с наличием ограниченного круга внешнеполитических партнеров.

Кроме того, в то время как в работах арабских АЦ прослеживается нарратив о том, что ключевое препятствие на пути к формированию архитектуры региональной безопасности в регионе Персидского залива — это политика, проводимая Исламской Республикой, иранские аналитики называют вмешательство западных держав и политику Израиля ключевыми причинами продолжающейся конфронтации сторон и неудач в формировании региональной архитектуры безопасности.

Необходимо отметить также, что очень часто в работах арабских аналитических центров не хватает аргументации, почему именно Тегеран является главной проблемой в регионе, в то время как иранские центры приводят аргументы в пользу налаживания регионального диалога с соседями.

В этой связи исследовательский интерес представляет наблюдение за эволюцией подходов арабских аналитических центров к роли Ирана в архитектуре региональной безопасности в Персидском заливе в средне- и долгосрочной перспективе после подписания соглашений по восстановлению дипломатических отношений между КСА и ИРИ. Очередной военный конфликт между ХАМАС и Израилем, начавшийся в октябре 2023 г., также продемонстрировал, что именно Тель-Авив, а не Тегеран остается важным дестабилизирующим фактором на Ближнем Востоке. В связи с этим после 7 октября 2023 г. также наблюдается значительное снижение публикаций арабских и иранских центров по вопросам региональной политики ИРИ, что связано со смещением основного фокуса исследовательского интереса аналитиков к более острой проблеме — ситуации в секторе Газа. Кроме того, как нам представляется, смена политического руководства в Сирии также может привести к появлению новых вызовов на региональной арене, которые привлекут внимание экспертов ближневосточных АЦ.

Литература

1. *Аватков В.А.* Аналитические центры и научная политика Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2022. — № 2. — С. 173–190.
2. *Ивкина Н.В.* Европейская безопасность: Исследования аналитических центров Германии: монография. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 160 с.
3. *Коротаев А.В., Хайруллин Т.Р.* ОАЭ в борьбе за региональное лидерство // Азия и Африка сегодня. — 2023. — № 9 — С. 27–35. DOI: 10.31857/S032150750027592-3
4. *Лашина А.А., Чикризова О.С.* Взаимное восприятие арабов и иранцев: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2023. — Т. 15. — № 1. — С. 65–80. DOI 10.22363/2312–8127–2023–15–1–65–80.
5. *Медушевский Н.А.* Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «Фабрик мысли» и ее функционирование за пределами США // Полития. — 2010. — № 1 (56). — С. 118–132.
6. Между Россией и Ираном пробежали три острова // Коммерсантъ. — 20.07.2023. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6112225> (accessed: 20.07.2024).
7. *Чикризова О.С., Демина А.А.* Особенности становления и функционирования аналитических центров стран Ближнего Востока и Северной Африки // Казачество. — 2019. — № 40 (4). — С. 68–83.
8. 2020 Global Go To Think Tank Index Report // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. — URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (accessed 17.08.2024).
9. 2023 Report on International Religious Freedom: Bahrain // the United States Government. — URL: <https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/bahrain/> (accessed 20.01.2025).
10. *Al-Ketsbi E.* Solving the Iran Impasse: A Perspective from the UAE // EPC. — March 30, 2021. — URL: <https://epc.ae/en/details/brief/solving-the-iran-impasse-a-perspective-from-the-uae> (accessed: 01.10.2024).
11. *Alzghool M.* Navigating the Iran Challenge and Regional Instability: De-Escalation and Sustainable Development Strategies // EPC. — November 16, 2023. — URL: <https://>

- epc.ae/en/details/featured/navigating-the-iran-challenge-and-regional-instability-de-escalation-and-sustainable-development-strategies (accessed: 17.08.2024).
12. *Alzghool M.* Saudi-Iran Thaw: The Transition from Cold War to Warm Peace // EPC. — April 13, 2023. — URL: <https://epc.ae/en/details/featured/saudi-iran-thaw-the-transition-from-cold-war-to-warm-peace> (accessed: 17.07.2024).
13. *Alzghool M.* The Relevance of Nuclear De-Escalation, Regional Dialogue Amid Iran-West Talks // EPC. — April 1, 2022. — URL: <https://epc.ae/en/details/brief/the-relevance-of-nuclear-de-escalation-regional-dialogue-amid-iran-west-talks> (accessed: 10.03.2024).
14. Annual Strategic Report for 2021 // Rasanah. — February 17, 2022. — URL: <https://rasanah-iiis.org/english/news/rasanah-issues-its-annual-strategic-report-for-2021/> (accessed: 08.07.2024).
15. *Ayran taštakhdimu āstrātyjyť “ālahtwa’ muta’adīda āljawānibi” fī mukāfaḥaṭi āltāḥdīdātī* [Иран использует стратегию «многогранного сдерживания» для борьбы с угрозами] // CMESS. — March 31, 2018. — URL: <https://www.cmess.ir/ar/Page/View/2018-03-31/2456> (In Arab). (accessed: 17.08.2024).
16. *Boureston J., Ferguson Ch.D.* Assessing Iran’s Plutonium Reprocessing Capabilities: A Way to Obtaining Nuclear Weapons Material // First Watch Intern. — 2003. — Iss.6. — P. 23–42.
17. Building on Relief Diplomacy: Is the Moment of Arab Rapprochement with the Syrian Regime Nearing? // EPC. — July 2019. — URL: <https://www.derasat.org.bh/wp-content/uploads/2019/07/Gulf-Arab-Iraqi-Rapprochment-July-2019.pdf> (accessed: 14.02.2024).
18. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. 7th ed. — N. Y. — 2010.
19. Carnegie.URL: <https://carnegiemec.org/about/?lang=en&results?maxrow=20&qry=&tabName=pubs&lang=en&fltr=%7C&fltr=%7B%21raw+f%3DtaxonomyTag%7D%3A%3A41%3A44%3AGulf%7C&channel=report&fltr=%7C&fltr=%7C> (accessed: 17.10.2024).
20. *Claude I.* The Common Defense and Great-Power Responsibilities. — New York: Columbia University Press, 1962.
21. CMESS. URL: <https://www.cmess.ir/ar> (accessed: 15.10.2024).
22. Daesh in Iraq: A New Rise in ‘Soft’ Areas. // EPC. — June 27, 2021. — URL: <https://epc.ae/en/details/featured/daesh-in-iraq-a-new-rise-in-soft-areas> (accessed: 17.08.2024).
23. Derasat. — URL: <https://www.derasat.org.bh/> (accessed: 11.10.2024).
24. Developments of Gulf Regional Security in 2015 // Derasat. — 2015. — URL: <https://www.derasat.org.bh/developments-of-gulf-regional-security-in-2015/> (accessed: 20.03.2024).
25. *Elias F.* Iran and the Conundrum of the Kurdish Opposition Groups in Northern Iraq // EPC. — October 21, 2022. — URL: <https://epc.ae/en/details/featured/iran-and-the-conundrum-of-the-kurdish-opposition-groups-in-northern-iraq> (accessed: 15.10.2024).
26. *Elias F.* The Future of Iran’s Influence in the Middle East // *Bolgesel Arastirmalar Dergisi Siyaset Aratrmalar Merkezi — Ankasam*, 2017. — Iss. 2 (1). — P. 114–115.
27. Engaging Iran-European and Transatlantic Perspectives on the JCPOA and Security in the Persian Gulf // IPIS. — May 6, 2021. — URL: <https://ipis.ir/en/subjectview/637605/Engaging-Iran-European-and-transatlantic-perspectives-on-the-JCPOA-and-security-in-the-Persian-gulf> (accessed: 30.10.2024).
28. EPC. — URL: <https://epc.ae> (accessed: 15.10.2024).
29. *Farghaly M.* The Returnees of Daesh: Classification, Risks and Integration. // EPC. — October 19, 2020. — URL: <https://epc.ae/en/details/featured/the-returnees-of-daesh-classification-risks-and-integration> (accessed: 16.09.2024).
30. *Ferdowsipour M.* A Look at UAE-Zionist Regime Agreement // IPIS. — September 14, 2020. — URL: <https://ipis.ir/en/subjectview/610157/A-Look-at-UAE-Zionist-Regime-Agreement> (accessed: 19.09.2024).
31. *Ferdowsipour M.* An Examination of Israel’s Goals in Normalizations of Relations // IPIS. — January 2, 2021. — URL: <https://ipis.ir/en/subjectview/622936/An-Examination-of-Israel’s-Goals-in-Normalizations-of-Relations> (accessed: 20.10.2024).
32. IPIS. — URL: <https://ipis.ir/en/viewpage/13100> (accessed: 12.10.2024).
33. Is Gulf Security At Risk After Renewed Iran Sanctions? // Rasanah. — December 16, 2018. — URL: <https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/reports/is-gulf-security-at-risk-after-renewed-iran-sanctions/> (accessed: 01.09.2024).

34. *Kazemi H.* A Look at Israeli-Bahraini Relations Normalization and Its Impacts under the Abraham Accords // IPIS. — December 19, 2020. — URL: <https://ipis.ir/en/subjectview/621235/A-Look%C2%A0-at-Israeli-Bahraini-Relations-Normalization-and-Its-Impacts-under-the-Abraham-Accords> (accessed: 01.11.2024).
35. *Khatibzadeh S.* HOPE for a New Regional Security Architecture toward a Hormuz Community // IPIS. — October 17, 2020. — URL: <https://ipis.ir/en/subjectview/614128/HOPE-for-a-New-Regional-Security-Architecture-Toward-a-Hormuz-Community> (accessed: 14.09.2024).
36. *Kramer M.S.* The Status of Middle Eastern Studies in America. Special Policy Forum Report. Washington Institute for Near East Policy, 2001.
37. *Lake D.A., Morgan P.M.* Regional Orders: Building Security in a New World. — University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.
38. *Levy J.S.* Balance of Power Theory and the Problem of International Order // Keohane R.O. (ed.) Neorealism and Its Critics. — New York: Columbia University Press, 1986. — P. 135–153.
39. *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. — 6th ed. — New York: Alfred A. Knopf, 1985.
40. *Naderi M.* Conventional Arms Trade in West Asia // IPIS. — December 6, 2020. — URL: <https://ipis.ir/en/subjectview/619700/Conventional-Arms-Trade-in-West-Asia> (accessed: 26.04.2024).
41. *Naḥwa namūdḥajīn ʿāḥmanāy jadīduʿ fī ʿālmīḥṭaqatī* [На пути к новой модели безопасности в регионе] // CMESS. — August 6, 2018. — URL: <https://www.cmess.ir/ar/Page/View/2018-08-06/2438> (In Arab). (accessed: 17.10.2024).
42. *Rasanah.* — URL: <https://rasanah-iiis.org/english/about-us/> (accessed: 09.09.2024).
43. Realistic Approach toward Middle East Free of WMD // Carnegie. — July 7, 2016. — URL: <https://carnegieendowment.org/2016/07/07/realistic-approach-toward-middle-east-free-of-wmd-pub-64039> (accessed: 19.02.2024).
44. *Rittberger V., Zangl B.* International Organization: Polity, Politics and Policies. — New York: Palgrave Macmillan, 2006.
45. Safeguards for Saudi Arabia // Carnegie. — November 27, 2018. — URL: <https://carnegieendowment.org/2018/11/27/safeguards-for-saudi-arabia-pub-77787> (accessed: 10.03.2024).
46. Security Plans to Address Iran's Dangerous Behavior in the Arabian Gulf // Rasanah. — September 2020. — URL: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/Security-Plans-to-Address-Irans-Dangerous-Behavior-in-the-Arabian-Gulf-.pdf> (accessed: 01.06.2024).
47. Shifts in Saudi Policy Toward Iran: Motives, Features and Policy Outcomes // Rasanah. — August 30, 2023. — URL: <https://rasanah-iiis.org/english/centre-for-researches-and-studies/shifts-in-saudi-policy-toward-iran-motives-features-and-policy-outcomes/> (accessed: 13.08.2024).
48. *Smith M.* Regions and Regionalism. In: Issues in World Politics / M. Smith; Palgrave, London, 1997. — P. 69–89.
49. *Sonboli N.* Sustainable Regional Harmony and Prosperity In West Asia // IPIS. — June 16, 2024. — URL: <https://www.ipis.ir/en/subjectview/747811> (accessed: 17.10.2024).
50. *Taspinar O.* Can a Moderate President in Tehran Make a Difference in US-Iran Relations? // EPC. — August 8, 2024. — URL: <https://epc.ae/en/details/featured/can-a-moderate-president-in-tehran-make-a-difference-in-us-iran-relations-> (accessed: 17.09.2024).
51. The Rise of Raisi and Iran's Potential Role in Iraq // EPC. — June 20, 2021. — URL: <https://epc.ae/en/details/brief/the-rise-of-raisi-and-irans-potential-role-in-iraq> (accessed: 17.03.2024).
52. What Makes Any American-Iranian Nuclear Deal Acceptable to GCC-countries // EPC. — 2013. — URL: <https://epc.ae/en/details/publications/what-makes-any-american-iranian-nuclear-deal-acceptable-to-gcc-countries> (accessed: 11.02.2024).

Мамедов Алексей Владимирович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Aleksey V. Mamedov,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: MamedovAV@mosreg.ru

ВЛИЯНИЕ ДЕФИЦИТА ВОДНЫХ РЕСУРСОВ НА ЭКОЛОГИЮ КАЗАХСТАНА

IMPACT OF WATER RESOURCES DEFICIT ON THE ECOLOGY OF KAZAKHSTAN

Аннотация: в статье рассматривается влияние возрастающего дефицита водных ресурсов на экологию Казахстана. В последнее десятилетие нехватка воды привела к увеличению площади земель, которые стали непригодны для ведения сельского хозяйства. Увеличились площади, подверженные опустыниванию. Наиболее сложная ситуация в сфере экологии сложилась в областях Казахстана, которые граничат с Китаем. Это связано с увеличением отбора водных ресурсов из трансграничных водотоков китайской стороной. В результате в нескольких областях Казахстана наблюдается обострение экологической ситуации. Это ведет к ухудшению социальных условий, увеличивая отток населения из неблагоприятных для проживания регионов. Казахстану не удастся переломить ситуацию с дефицитом водных ресурсов, что сохраняет сложную ситуацию в экологии. При написании статьи использовался метод сравнительного анализа, который позволил выделить новые аспекты в экологической ситуации в Казахстане. Сделан вывод, что экологическая ситуация в Казахстане будет ухудшаться и основной причиной этого будет выступать дефицит водных ресурсов.

Ключевые слова: Казахстан, экология, опустынивание, водные ресурсы, сельское хозяйство.

Abstract: the article considers the impact of growing water scarcity on the ecology of Kazakhstan. In the last decade, water shortage has led to an increase in the amount of degraded land. Additionally, the areas subject to desertification have gone up. The most difficult situation in the sphere of ecology has developed in the regions of Kazakhstan that have a common border with China. This is explained by the increased withdrawal of water resources from transboundary watercourses by Beijing. As a result, the environmental situation in several regions of Kazakhstan is aggravated. This leads to the deterioration of social conditions, triggering the outflow of population from unfavorable regions. Astana is unable to reverse the situation regarding the deficit of water resources, which maintains a difficult situation in the ecology. The author used the method of comparative analysis to highlight new aspects in the environmental situation in Kazakhstan. The article concludes that the ecological characteristics in the Central Asian state will worsen and the main reason for this will be the deficit of water resources.

Key words: Kazakhstan, ecology, desertification, water resources, agriculture

Введение

Казахстан все острее ощущает дефицит водных ресурсов. Это оказывает негативное влияние на экономическое развитие страны, отрицательно воздействуя на экологию. С этой проблемой сталкиваются все страны Центральной Азии, для которых нарастание дефицита водных ресурсов имеет критическое значение [9].

Среди основных причин нехватки водных ресурсов в центральноазиатских государствах следует назвать климатические факторы, роль которых стремительно возросла, и деятельность человека, который стремится добиться экономического развития и расширить сельскохозяйственные площади. Помимо этого, большое влияние оказывает нерешенность вопроса использования трансграничных водных ресурсов, вокруг которых в регионе идет соперничество [8]. Неурегулированность вопроса использования водных ресурсов трансграничных рек хорошо видна на примере отношений Казахстана и Китая. Казахстан предлагает китайской стороне учитывать его интересы в водной сфере. Однако официальный Пекин реализует водную политику, ориентируясь исключительно на свои интересы, не учитывая позиции нижележащих государств. В итоге это приводит к негативным последствиям как в России, так и в Казахстане, которые страдают от нехватки воды. Забирая значительные объемы водных ресурсов, Китай оставляет Казахстан без достаточного объема воды, что пагубно отражается на социально-экономической и экологической ситуации в отдельных казахстанских областях [26].

Экологические последствия

Экологическая ситуация в Казахстане усугубляется тем, что водные ресурсы распределены неравномерно. Более того, «Казахстан зависит от бесперебойного поступления воды из соседних стран — России, Китая и республик Центральной Азии. В общей сложности около 44 км³ водных запасов Казахстана приходится на трансграничные реки (Урал, Черный Иртыш, Или, Чу, Талас, Сырдарья и т.д.)» [3]. При этом «на два речных водохозяйственных бассейна — Балхаш-Алакольский и Иртышский, расположенных на востоке и северо-востоке и которые граничат с Китаем, приходится до 75% поверхностных водных ресурсов» [18].

В Китае формируется до 13 км^3 стока реки Или, в Казахстане около 7 км^3 . Затем река впадает в озеро Балхаш, делая его пресным. Водные ресурсы Или направляются на орошаемое земледелие, а также задействованы в работе Капчагайской гидроэлектростанции (ГЭС).

В Казахстане по стоку река Или уступает только рекам Иртыш и Урал. В последние годы «водозабор из Китая в СУАР составляет около $3,5 \text{ км}^3/\text{год}$, и в ближайшие годы он возрастет до $5 \text{ км}^3/\text{год}$. Это приведет к обмелению и засолению озера Балхаш» [21]. При этом «в последние 20 лет сток реки Или уменьшился с $17,8$ до $12,7 \text{ км}^3/\text{год}$ » [21].

Увеличение забора водных ресурсов из реки Или со стороны Китая связано с реализацией масштабных проектов в энергетической и промышленной сферах. Ожидается, что сток реки Или через двадцать лет может сократиться на 40%. При этом в Казахстан будут поступать «уже загрязненные водные ресурсы, поскольку китайская сторона намерена ввести в строй новые нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия. Это повлечет за собой загрязнение реки, которая в последние годы загрязнена бытовыми и сельскохозяйственными отходами» [17].

Сокращение поступления водных ресурсов в Казахстан при ухудшении их качества может в конечном итоге привести к нарастанию экологических проблем в озере Балхаш, которое является одним из крупнейших бессточных полупресноводных озер Центральной Азии. Для Казахстана озеро Балхаш имеет большое экономическое и социальное значение. «Водные ресурсы озера Балхаш составляют 12,2% всех поверхностных водных ресурсов Центральной Азии ($24,2 \text{ км}^3$, из них $18,1 \text{ км}^3$ сосредоточены в бассейне реки Или)» [18]. В случае продолжения изменения климата озеро может столкнуться с дальнейшим обмелением. Существуют прогнозы, которые предрекают озеру Балхаш судьбу Аральского моря. Это связано с тем, что начатое в 1970 году строительство Капчагайского водохранилища положило начало обмелению. В результате подобной политики объем озера сократился на 2 км^3 при росте минерализации воды в нем до $2,05 \text{ г/л}$ и т.д.

Однако наиболее сильное влияние на состояние водных ресурсов в Балхаше оказывает политика Китая, который увеличил забор стока реки Или для увеличения орошаемых площадей в СУАР. При

этом «дополнительный забор воды в объеме 10–15% приведет к дальнейшему росту обмеления и засолению Балхаша, который играет основную роль в климатическом балансе юго-восточной и центральной частей Казахстана. Эти процессы могут стать экологической катастрофой аналогичной Аральскому морю с чрезвычайно серьезными социально-экологическими последствиями» [25].

Сложно складывается «ситуация с водными ресурсами трансграничной реки Иртыш, притоком реки Оби. Из общей длины Иртыша в 4280 км, истоки которого формируются в Китае, в Казахстане протекает 1698 км» [12]. Иртыш играет в экономике страны большую роль. От состояния водных ресурсов реки Иртыш зависит деятельность промышленных предприятий в Павлодаре, Семипалатинске и Усть-Каменогорске. Активное использование китайской стороной Иртыша привело к «ухудшению ее самоочищающей способности. Это связано с тем, что воды реки с территории Китая поступают уже загрязненными тяжелыми металлами, нефтепродуктами и фенолами как озера Балхаш, так и Бухтарминского водохранилища, что нарушило природный баланс в зайсанской дельте Иртыша и, как следствие, будет вести к заболачиванию местности, гибели рыбной молоди, разорению гнездовой ондатры, изменению ареала обитания диких животных» [27], в «результате чего серьезно обострится проблема водообеспечения центральных регионов Казахстана, и прежде всего г. Караганды и Карагандинской области, для которых канал является основным источником водоснабжения» [19]. Снижение объема воды в Иртыше привело к созданию условий для «аридизации климата и может привести к уменьшению естественной влажности почвы, снижению урожайности сельскохозяйственных культур, деградации пастбищ, опустыниванию значительной части территории северо-восточного региона Казахстана, нарушит естественный водный баланс региона» [22]. В результате создались предпосылки для последующего «обмеления, засоления и загрязнения озера Балхаш (в основном за счет построенной Капчагайской ГЭС)» [1].

Нарастающие темпы использования Или и Иртыша со стороны Китая могут уже в ближайшее десятилетие привести к экологической катастрофе. Не случайно озеру Балхаш предрекают судьбу Аральского моря. Это коснется не только озера, но и населения многих казахстанских городов, которые столкнутся с дефицитом

питьевой воды. Сам Иртыш может превратиться в ряд болот. Отсутствие воды приведет к прекращению деятельности Бухтарминской и Шульбинской ГЭС. «Увеличение забора илийской воды хотя бы на 10 процентов неминуемо приведет к тому, что Балхаш, например, разделится на два водоема, то есть пойдет по пути Аральского моря, и одна его часть высохнет полностью. Во всяком случае экологи уже заговорили о том, что начался вынос соляной пыли с поверхности высыхающих малых озер вблизи Балхаша и поймы Или» [2].

Экономика против экологии

Использование водных ресурсов трансграничных рек имеет для Казахстана особое значение. По этой причине Казахстан пытается добиться прогресса на переговорах с Китаем, который увеличивает отбор воды. «Среди трансграничных рек Казахстана и Китая, которых более 20, особое значение приобрели вопросы урегулирования совместного использования водных ресурсов наиболее крупных рек Или и Иртыш. Более 40% объема водного потенциала Казахстана (100 км^3) формируется за счет внешних водных источников, поступающих из России и Китая ($18,9 \text{ км}^3$), а также Узбекистана и Кыргызстана» [6].

Вопросы, связанные с «использованием казахстанско-китайских трансграничных рек Или и Иртыш, поднимались еще в 1990-х годах» [13]. Тогда китайская сторона только планировала развитие своих западных регионов и вопрос водodelения не стоял остро. Тем не менее в Казахстане уделяли этому вопросу повышенное внимание, поскольку трансграничные реки Иртыш и Или являются главными источниками пресной воды для страны.

Ситуация стала меняться с разработкой Китаем планов по переброске воды Или и Иртыша для полива полупустынных земель СУАР. Для реализации намеченных планов китайская сторона стала использовать в еще больших объемах воду «из Черного Иртыша, которая направляется в центр нефтегазовой промышленности СУАР, город Карамай по каналу „Черный Иртыш — Карамай“ (длина более 300 км и ширина 22 метра). Канал строился с 1997 по 1999 год. По официальным данным, для канала „Черный Иртыш — Карамай“ Китай отбирает более 2 км^3 в год. Еще был построен канал „Иртыш — Урумчи“, который предназначен для

водоснабжения западной части опустыненной части Кашгара Таримского бассейна, где обнаружены крупные месторождения нефти и газа» [10]. Итогом стремительного экономического освоения стало трехкратное снижение стока Иртыша в России.

На экологическую ситуацию в Казахстане большое влияние оказывает экономическая политика Китая, который на рубеже XX и XXI веков приступил к реализации амбициозной программы промышленного развития запада страны. «В 1999 году Китай принял стратегическую программу „Великое открытие и развитие западных районов“, а в 2001 г. запустил стратегическую программу „Большое освоение Запада Китая“, которая рассчитана до 2030 года» [20].

Китай намеревался переселить в этой регион «от 60 до 100 миллионов новых жителей, чтобы «разбавить» уйгурское коренное население, придерживающееся исламской религии. Таким образом Китай рассчитывал сдерживать этнический сепаратизм и тем самым укрепить вертикаль власти, снизить демографическое давление в восточных районах страны» [27]. Наконец, в планах китайской стороны было развитие нефтегазовой промышленности. В свою очередь, Казахстан был обеспокоен «активными попытками Китая по отведению воды из рек Или и Иртыш с целью обеспечения растущих потребностей в воде бурно развивающейся нефтедобывающей отрасли в провинции Синьцзян» [11].

В местах нефтедобывающего района Карамая¹ осуществляется строительство нефтехранилищ, которые должны были повысить энергетическую безопасность СУАР. Однако «это приведет к увеличению забора воды из Черного Иртыша в промышленных целях. Также это связано с вводом в эксплуатацию нефтепровода Западный Казахстан — Западный Китай, что ускорило развитие сопутствующих отраслей и тем самым способствует экономическому развитию Китая. Расширение нефтепровода позволит увеличить поставки казахстанской нефти в КНР вплоть до 20 млн т/год против текущих 1–2 млн т/год» [23].

Политика Китая предполагает строительство новых водохранилищ. Часть из них уже построена, другая находится в процессе реализации. Кроме того, китайская сторона реализует проект строительства ГЭС «Цяобатэ» на реке Черный Иртыш стоимо-

¹ Нефтяное месторождение Карамай находится в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Это было первое в новом Китае крупное нефтяное месторождение. Рядом с месторождением был построен г. Карамай.

стью 2 млрд долларов. «Реализация будущих планов уже привела к уменьшению стока Иртыша в Казахстане и России. За последние 30 лет сток Иртыша на границе Китая и Казахстана уменьшился почти в три раза, а сток Или с 17,8 до 12,7 км³ в год» [10].

Помимо этого, Китай реализует проект «Большое освоение Запада Китая», который должен быть завершен к 2030 году. Речь идет о продолжении процесса индустриализации региона. Завершение первого этапа в 2010 году позволило региону достичь значительного прогресса в развитии. Результатом стал рост ВВП в 10% в год. Дальнейшее создание промышленной базы в регионе приведет к увеличению водозабора из трансграничных рек, что окажет негативное влияние на ситуацию с водой и экологию в Казахстане.

Инициатива Китая «Один пояс — Один путь» предполагала решение водных проблемы страны. Она запустила процесс «восстановления Великого Шелкового пути. Через использование образа (мифа) Древнего Шелкового пути делается попытка оживить угаснувшие воспоминания об эре процветания торговли в древнем Китае» [5].

Китай придает особое значение развитию СУАР. Не случайно еще в 2015 году китайская сторона подчеркивала: «Мы должны хорошо использовать преимущества географического положения Синьцзяна как открытого на запад окна, чтобы углубить сотрудничество и связи со странами Центральной, Южной и Западной Азии. Стоит задача, чтобы превратить его в ключевой центр транспорта, торговли, логистики, культуры, науки и образования, в ядро “Экономического пояса Шелкового пути”» [20].

Казахстан отстаивает свою позицию

Дефицит водных ресурсов усилил заинтересованность Казахстана в переговорах с Китаем. Именно действия китайской стороны оказывают решающее влияние на ситуацию с водой в Казахстане. Китай проводит политику на увеличение потребления воды рек Иртыш и Или, что пагубно сказывается на Казахстане, который призывает Пекин учитывать его интересы. Однако Китай практически не учитывает позицию казахстанской стороны. Тем не менее в 1998 году был сформирован переговорный механизм. В частности, была создана Рабочая группа экспертов двух стран, которые занялись обсуждением острых проблем, касающихся трансгранич-

ных рек. В 2000 г. прошло первое заседание. Стороны согласовали свои позиции, прежде всего, по вопросу трансграничных рек. В итоге в 2001 г. было подписано двустороннее Соглашение «О сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек» [27]. Документ предоставил возможности для «сотрудничества в сфере использования водных ресурсов трансграничных водотоков. На его основе была создана казахстанско-китайская Совместная комиссия по использованию и охране трансграничных рек. В октябре 2003 г. в Пекине состоялось ее первое заседание. Комиссия должна была заниматься урегулированием спорных вопросов в сфере использования трансграничных водных ресурсов» [27].

Все усилия Казахстана добиться от Китая пересмотра своих подходов к использованию водных ресурсов трансграничных водотоков пока не приносят результата. В 2023 году прошло 10-е заседание Казахстанско-китайской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды [24]. Однако, несмотря на деятельность комиссии, казахстанской стороне не удается добиться от официального Пекина изменения политики в области использования водных ресурсов.

В значительной мере это связано с внешнеполитическими традициями, которые сложились в Китае. «Китай не стремится подписывать обязывающие договоры из-за особой философии китайского правительства. Компартия Китая не любит ограничивать свое геополитическое пространство и гибкость за счет вступления в соглашения, которые связывают их по рукам и ногам» [11].

Данный подход Пекина негативно отражается на экологии Казахстана, затрудняет реализацию экономической политики. В итоге Казахстан вынужден решать острые проблемы в сфере экологии, находясь в зависимости от Китая, который последовательно продвигает план превращения СУАР в один из центров экономического развития. Соответственно, реализация масштабных планов требует значительного увеличения водных ресурсов. В силу ограниченности собственных ресурсов, китайская сторона увеличила забор из трансграничных водотоков, что оказало негативное влияние на экологическую ситуацию в Казахстане [7].

Следует отметить, что позиция Казахстана изначально была менее выгодной. Это связано с тем, что в Китае формируется основной объем рек Или и Иртыш, порядка 70%. Исходя из жесткой

позиции Китая, который руководствуется собственными интересами при вододелении трансграничных рек, Казахстан фактически не располагал возможностями для эффективного отстаивания своих интересов.

Казахстан рассчитывал на решение водного вопроса на межгосударственном уровне. Однако Китай не торопится присоединяться к международным документам и таким образом затягивает формирование действенного механизма решения проблемы использования трансграничных водотоков между странами.

Заключение

Оценка ситуации с использованием трансграничных водотоков, которые проходят по территории Китая, России и Казахстана, позволяет сделать вывод, что китайская политика в водной сфере оказывает сильное влияние на развитие отдельных российских и казахстанских регионов. В 2015 г. «объем гарантированных водных ресурсов, получаемых из трансграничных с Китаем водотоков, составлял около 23 км³. Этот объем был необходим Казахстану для использования в природоохранных целях. Из них 3,8 км³ шло на промышленные нужды» [15]. С целью получения указанных водных ресурсов Казахстан пытается оказать влияние на Китай. Эта задача становится еще более актуальной, поскольку «в связи с прогнозируемым снижением ресурсов речного стока в Казахстане могут произойти заметные изменения величины и структуры водопотребления, возможно ... обострение межгосударственных водных отношений в трансграничных бассейнах» [14].

Китай реализует амбициозную программу по экономическому развитию своей экономики, в чем большую роль должен сыграть СУАР — регион, в котором сосредоточены значительные запасы природных ресурсов. Однако это требует дополнительных объемов водных ресурсов. В силу ограниченности их в СУАР, Китай постоянно увеличивает отбор воды из трансграничных рек. В этой связи Казахстан и Россия испытывают значительные трудности, поскольку наблюдается ухудшение экологической ситуации в отдельных регионах.

Дальнейшая реализации Китаем политики в сфере водных ресурсов — увеличение забора воды из Иртыша и Или — создаст реальную угрозу для озера Балхаш. Уменьшение поступления

в него воды приведет к нарушению экологического равновесия с дальнейшим нарастанием негативных последствий.

Казахстан и Россия, которые могут столкнуться с кризисными последствиями для своих экономик от сокращения поступления водных ресурсов Иртыша, пытаются убедить Китай изменить свою водную политику. Однако китайская сторона игнорирует призывы своих соседей и по-прежнему не намерена подписывать Хельсинкскую конвенцию об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер (1992 г.).

Тем не менее в последние годы Казахстан предпринимает меры, направленные на минимизацию негативных последствий от дефицита водных ресурсов, что отрицательно влияет на экологическую ситуацию. В частности, в феврале 2024 года была принята «Концепции развития системы управления водными ресурсами Республики Казахстан на 2024–2030 годы» [16]. Документ направлен на улучшение ситуации с водными ресурсами, преодоление или минимизацию негативных явлений. По словам президента Казахстана, «требуется выработка новой консолидированной водной политики, основанной на равноправном и справедливом водопользовании, неукоснительном выполнении взаимных обязательств» [4].

Помимо климатических изменений, которые отрицательно сказываются на состоянии водных ресурсов, увеличивая их дефицит, большое влияние на экологическую ситуацию в Казахстане будет оказывать политика Китая, который, по сути, игнорирует интересы своих соседей.

Литература

1. Адылбекова К. Арал номер два: что стоит за обмелением крупнейшего озера Балхаш в Казахстане? 29.07.2021. — URL: <https://cabar.asia/ru/aral-nomer-dva-chto-stoit-za-obmeleniem-krupnejshogo-ozera-balhash-v-kazahstane> (дата обращения: 28.11.2024).
2. Бологов П. Арал номер два. 23 января 2013. — URL: <https://lenta.ru/articles/2013/01/23/irtysh/?ysclid=m5glxq7j4a135100019> (дата обращения: 25.09.2024).
3. Водная безопасность — необходимо для мира, необходимо для прогресса. Казахстан. 2014. Октябрь. — С. 8
4. Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева. Бюллетень № 104. МКВК. Октябрь 2024. — С. 10. — URL: <http://icwc-aral.uz/pdf/103-ru.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).
5. Глянц М. Китайская инициатива «Один пояс — один путь»: что может сделать «бренд» // Проблемы постсоветского пространства. — 2017. — Т. 4. — № 1. — С. 8–19.
6. Джамалов Р. Г., Хасиев Р. С. Современные проблемы водного треугольника: Россия — Китай — Казахстан // Природа. — 2012. — № 4. — С. 3–10.
7. Жильцов С. С. Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 2016. — № 3. — С. 7–18.

8. Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана // Проблемы постсоветского пространства. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 110–119. — URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119> (дата обращения: 13.11.2024).
9. Жильцов С.С., Зонн И.С. Роль водных ресурсов в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 228–237.
10. Жильцов С., Пархомчик Л., Слизовский Д., Медведев Н. Центральная Азия на современном этапе: новая волна водно-энергетического сотрудничества и создания трубопроводной архитектуры // Центральная Азия и Кавказ. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 19–31.
11. Инициатива «Один пояс — один путь» и водные ресурсы. — МКВК. Ташкент, 2017. — С. 20.
12. Казахстан. Ирригация Центральной Азии в цифрах. Исследование АКВАСТАТ. — 2012. — С. 127–155.
13. Коньрова К. Эксперты вновь подняли проблему трансграничных рек между Казахстаном и Китаем. 29 января 2022. — URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/eksperty-vnov-podnyali-problemu-transgranichnyh-rek-mezhdu-kazakhstanom-i-kitaem> (дата обращения: 13.11.2024).
14. Куртов А.А. Центральная Азия: водные артерии как новые узлы противоречий // Центральная Азия: проблемы и перспективы. Взгляд из России и Китая. — М.: РИСИ, 2013. — С. 155–199.
15. Мальковский И.М., Толубаева Л.С. Водная безопасность Республики Казахстан: проблемы и решения // Гидрогеология. — 2016. — № 1. — С. 57–67.
16. Об утверждении Концепции развития системы управления водными ресурсами Республики Казахстан на 2024–2030 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 5 февраля 2024 года № 66. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000066> (дата обращения: 14.12.2024).
17. Орловский Н.С., Зонн И.С., Костяной А.Г., Жильцов С.С. Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2019. — № 1. — С. 56–78.
18. Сарсембеков Т.Т., Нурушев А.Н., Кожакоев А.Е., Оспанов М.О. Использование и охрана трансграничных рек в странах Центральной Азии. — Атамұра. Алматы, 2004. — С. 272.
19. Синьцзян рядом: экологические и социальные последствия для Казахстана. 20 октября 2020. — URL: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/121462/?ysclid=m5fn5hx2mw240459399> (дата обращения: 28.11.2024).
20. Тавровский Ю.В. Новый Шелковый путь. Главный проект XXI века. — М.: Эксмо, 2017. — 368 с.
21. Торебаева М. АЭС в Казахстане: Реальность все еще далека от идей, но... 27.08.2022. — URL: <https://cronos.asia/prognoz/aes-v-kazakhstane-realnost-vse-eshhe-daleka-ot-idej-po> (дата обращения: 28.10.2024).
22. Трощева Г. Эксперты: Уменьшение пропусков воды в Иртыш может ухудшить экологию. 27.04.2023. — URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/eksperty-umenshenie-popuskov-vody-v-irtysh-mozhet-uhudshit-ekologiyu> (дата обращения: 28.11.2024).
23. Хасанова А. Казахстан и Китай могут в течение года приступить к расширению магистрального нефтепровода между странами. 5 октября 2023. — URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/796666-kazakhstan-i-kitay-mogut-v-techenie-goda-pristupit-k-rasshireniyu-magistralnogo-nefteprovoda-mezhdu/> (дата обращения: 23.10.2024).
24. 10-е заседание Казахстанско-китайской Комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды. 21 ноября 2023 года. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/press/news/details/656971?lang=ru> (дата обращения: 23.09.2024).
25. Zhiltsov S.S., Nogmova A.S., Shtol V.V., Zonn I.S. Water Resource Policy of Kazakhstan // The Handbook of Environmental Chemistry. — 2018. — Т. 85. — С. 169–185.
26. Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Ruban M.S., Grishin O.E., Egorov V.G. Transboundary Rivers in Central Asia: Cooperation and Conflicts among Countries // The Handbook of Environmental Chemistry. — 2018. — Vol. 85. — Pp. 61–80.
27. Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Parkhomchik L.A., Markova E.A. Water Transboundary Policy of Kazakhstan and China // The Handbook of Environmental Chemistry. — 2018. — Vol. 85. — Pp. 153–167.

Петросян Джемма Ваграмовна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Dzhemma V. Petrosyan,

PhD (History),
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: jemma95@mail.ru

Ершова Елена Владимировна,

кандидат педагогических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Elena V. Ershova,

PhD (Pedagogic),
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: anelnadej@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД С 2021 ПО 2024 ГОД

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POLITICAL DISCOURSE OF GERMANY AND FRANCE ON THE MIGRATION CRISIS IN THE PERIOD FROM 2021 TO 2024

Аннотация: миграционный кризис продолжает оказывать значительное влияние на политические и социальные процессы в странах Европейского союза. Германия и Франция, как лидеры ЕС, играют ключевую роль в выработке стратегий и политики в отношении мигрантов. Несмотря на схожие вызовы, подходы этих двух стран к решению миграционного кризиса существенно различаются, что отражается в политическом дискурсе. Авторы анализируют позиции ведущих политиков за период с 2021 по 2024 год, их риторику и основные темы, привлекая внимание к последствиям для внутриполитического и международного сотрудничества. Основные выводы исследования показывают, что Германия придерживается преимущественно гуманитарного подхода, акцентируя внимание на правах человека и интеграции мигрантов в общество ФРГ, тогда как Франция более ориентирована на защиту национальных интересов и усиление контроля на национальной границе. В странах признают важность безопасности и необходимости общеевропейского подхода, но их стратегии заметно различаются в зависимости от внутренней политической ситуации.

Ключевые слова: миграционная политика, политика Германии, политика Франции, миграционный кризис, политический дискурс.

Abstract: the migration crisis continues to have a significant impact on political and social processes within the European Union. Germany and France, as EU leaders, play a key role in developing strategies and policies regarding migrants. Despite facing similar challenges, the approaches of these two countries to addressing the migration crisis differ significantly, as reflected in their political discourse. The author analyzes the positions of leading politicians from 2021 to 2024, their rhetoric, and key themes, highlighting the implications for domestic politics and international cooperation. The main findings of the study reveal that Germany primarily adheres to a humanitarian approach, emphasizing human rights and the integration of migrants, while France focuses more on protecting national interests and strengthening border controls. In both countries acknowledge the importance of security and the need for a pan-European approach, but their strategies vary considerably depending on their respective domestic political situations.

Key words: migration policy, German policy, French policy, migration crisis, political discourse.

Введение

Миграционный кризис, начавшийся в 2015 году, продолжает оказывать значительное влияние на европейские государства. Актуальность исследования обусловлена тем, что миграционные потоки не только оказывают давление на экономику и социальную инфраструктуру стран, но и становятся предметом политических разногласий и общественных дебатов, влияя на внутривнутриполитическую стабильность и международное сотрудничество. Вопросы управления миграцией, приема беженцев и их интеграции стали ключевыми пунктами повестки дня в Германии и Франции. Цель статьи состоит в анализе речей, заявлений и программ ключевых политических акторов с учетом их влияния на общество и внешнюю политику, а также в выявлении сходств и различий в подходах двух стран к решению миграционных вопросов.

Для анализа использованы официальные заявления, интервью и публичные выступления ведущих политиков обеих стран. Были проанализированы тексты канцлера Германии Олафа Шольца, министров внутренних дел, представителей партий в Бундестаге, программные документы партий, включая манифесты ХДС/ХСС в Германии и «Национального объединения» во Франции, а также аналитические материалы, опубликованные ведущими научными изданиями. Во Франции основное внимание уделено выступлениям президента Эммануэля Макрона, премьер-министра и лидеров основных политических партий, включая Марин Ле Пен.

Методы исследования включали контент-анализ, а именно исследование политических заявлений, речей и официальных документов; сравнительный подход — сопоставление политических позиций Германии и Франции. Основные категории анализа вклю-

чают гуманитарные аспекты, вопросы безопасности, интеграцию мигрантов и роль ЕС в урегулировании миграционного кризиса.

Политический дискурс Германии

Политический дискурс в Германии в период с 2021 по 2024 год характеризовался акцентом на баланс между гуманизмом и безопасностью. В Германии активно обсуждался вопрос распределения ответственности между странами-членами ЕС. Центральным аспектом дебатов стала необходимость справедливого распределения мигрантов между странами ЕС. Германия настаивала на изменении механизма квот, чтобы разгрузить страны, расположенные на передовой миграционных потоков, такие как Греция, Италия и Испания. Однако эта инициатива вызвала разногласия среди стран Центральной и Восточной Европы, которые выступали против обязательных квот [1]. Канцлер Олаф Шольц в своей статье для издания «Foreign Affairs» заявил: «ЕС в целом должен преодолеть старые конфликты и найти новые решения, например в таких вопросах, как миграция в Европу или фискальная политика. В будущем люди также будут приезжать в Европу, и Европа нуждается в миграции. Следовательно, ЕС должен разработать иммиграционную стратегию, которая будет прагматичной и соответствующей европейским ценностям» [15]. Эти слова отражают подход немецкого правительства к распределению ответственности между странами ЕС.

После событий 2022 года, когда в Германии произошли несколько инцидентов, связанных с радикализацией мигрантов, таких как нападения на гражданские объекты в Гамбурге и Дрездене, выявление ячеек экстремистских групп среди мигрантов, а также ряд протестов и столкновений с правоохранительными органами в Берлине и Кельне, тема безопасности заняла центральное место в дискуссиях. Правительство Германии инициировало ужесточение миграционной политики, включая ускорение процедур депортации, усиление контроля на границах и активизацию сотрудничества с европейскими партнерами для борьбы с нелегальной миграцией и предотвращения радикализации.

С 2023 года политика Германии начала все более фокусироваться на ограничении нелегальной миграции в пределах ЕС. Одной из причин стал рост противозаконных въездов на территорию стра-

ны, а также невозможность обеспечить достойный прием, размещение и интеграцию беженцев. По данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (BAMF), «в первом квартале 2023 года 80 978 человек впервые подали заявления о предоставлении убежища в Германии. Беженцы с Украины не должны были просить убежища в ФРГ или других странах ЕС, но принимались в соответствии с так называемой Директивой о массовом притоке» [3]. В интервью журналу «Der Spiegel» канцлер Олаф Шольц отметил: «Мы должны, наконец, массово депортировать тех, кто не имеет права оставаться в Германии. Любой, у кого нет перспективы остаться в Германии, поскольку он не может рассчитывать на защиту, должен вернуться обратно» [5].

Министр внутренних дел Нэнси Фезер, в свою очередь, неоднократно подчеркивала необходимость усиления контроля на внешних границах ЕС, чтобы минимизировать нелегальную миграцию: «Пока мы не добьемся надежной защиты внешних границ ЕС с помощью новой общеевропейской системы предоставления убежища, мы должны еще тщательнее контролировать наши национальные границы» [16]. В интервью газете «Bild» Фезер добавила: эти меры служат дальнейшему ограничению нелегальной миграции и «защите от острой угрозы исламского терроризма». Позицию министра внутренних дел ФРГ поддерживал министр финансов Кристиан Линднер, отмечая в эфире телеканала RTL следующее: «Я считаю, что для установления контроля необходимо также учитывать физическую защиту внешней границы» [4]. В итоге немецкие власти приняли решение восстановить пограничный контроль на всех сухопутных границах страны. Министерство внутренних дел Германии уведомило Еврокомиссию о том, что с 16 сентября 2024 года на шесть месяцев вводится внутренний контроль на наземных границах с Францией, Люксембургом, Нидерландами, Бельгией и Данией. Эта мера направлена на противодействие нелегальной миграции и трансграничной преступности [12].

Дискурс внутри политических партий был разнообразным. Партия ХДС/ХСС выступала за ужесточение миграционной политики. Лидер партии Фридрих Мерц на первом заседании созданной канцлером Олафом Шольцом рабочей группы подчеркнул: «Подлинная проблема — это, как и прежде, продолжающееся неконтролируемое иммиграционное давление. На каждые пять депор-

таций приходится 100 новых прибытий» [11]. Вариант решения проблемы от партии ХДС — отказы на границе. В противовес этому партия «Зеленых» акцентировала внимание на защите прав мигрантов. Кандидат от партии «Зеленые» Роберт Хабек предлагает более прагматичный подход, призывая к эффективным методам интеграции иностранцев в общество и сокращению бюрократии. Однако те, кто не получит право на пребывание в Германии, должны в короткие сроки покинуть страну, а осужденных преступников нужно репатриировать после отбытия наказания, следует из программы партии. По словам Пеге Эдалатян, у «зеленых» есть четкие представления о том, как «гуманность и порядок сочетаются» в миграционной политике [13]. Сопредседатель СДПГ Заския Эскен считает отказ от приема беженцев «несовместимым ни с нашими законами, ни с нашей конституцией, ни с европейской конвенцией о беженцах» [2].

Политический дискурс Франции

Франция, в отличие от Германии, демонстрировала более жесткий подход к миграции, что во многом связано с ростом правопопулистских настроений и усилением внимания к вопросам безопасности.

Политический дискурс Франции в отношении миграционного кризиса в период с 2021 по 2024 год был особенно противоречивым и ярко выражал социальные и политические напряжения, характерные для страны. Основное внимание французские власти уделяли вопросам безопасности, что обуславливалось многолетними вызовами, связанными с угрозой терроризма и социальной нестабильностью. В выступлениях президента Эммануэля Макрона и других политиков регулярно звучали заявления о необходимости ужесточения контроля границ и борьбы с нелегальной миграцией. Это соответствовало стремлению Франции обезопасить свои территории, особенно в условиях повышенного давления миграционных потоков из-за конфликтов на Ближнем Востоке, в Афганистане и в других регионах. Бывший премьер-министр Франции Мишель Барнье в своем общеполитическом заявлении отметил: «На проблему миграционного кризиса мы должны смотреть ясно и прагматично. Мы больше не в силах обеспечить достаточный контроль в рамках нашей миграционной политики,

вследствие чего наши цели интеграции мигрантов оказываются недостижимы» [6]. Мишель Барнье подчеркнул необходимость прагматичного подхода к миграции, заявив о намерении избежать «ненужных споров» и сохранить «уважение к верховенству закона». Он предложил меры по продлению срока содержания под стражей для нелегальных мигрантов и увязке выдачи виз с получением консульских пропусков.

Сильное влияние на дискурс оказала социальная напряженность, особенно в контексте предвыборной борьбы 2022 года, когда миграция стала важным политическим инструментом. Она активно использовалась правыми партиями, такими как «Национальное объединение» под руководством Марин Ле Пен (лидер депутатов партии Национального объединения, ультраправая консервативная националистическая политическая партия во Франции, основанная в октябре 1972 года), для мобилизации электората. Риторика Ле Пен строилась на акцентировании угрозы, якобы исходящей от мигрантов для национальной идентичности Франции. В ее выступлениях часто звучали тезисы о том, что массовая миграция размывает культурные традиции и ценности страны, а также обостряет проблемы с преступностью. Эта позиция находила поддержку у значительной части общества, обеспокоенной растущим социальным и экономическим неравенством. Так, например, Марин Ле Пен потребовала усиления иммиграционного контроля во Франции. Она призывала вынести на обсуждение новый «ограничительный» закон об иммиграции и осуждала совершенно необоснованные преференциальные соглашения по миграционной политике, которые связывают Францию с некоторыми странами, в частности с Алжиром [9]. Политик обвинила ответственных представителей ЕС в пропаганде исламизма и вокизма, в стремлении уничтожить европейские границы: «Целые регионы моей страны — Франции — подвергаются наплыву мигрантов и оказываются вне государственного контроля. Мы сталкиваемся с ситуацией миграционного сепаратизма. ЕС оставляет ситуацию без внимания, хуже того, он способствует ей, принимая пакт о миграции и предоставлении убежища» [10]¹.

¹ Le Pacte sur la migration et l'asile vise à renforcer la lutte contre l'immigration illégale et accélérer la reconduction des personnes en situation irrégulière — Пакт о миграции и убежище направлен на усиление борьбы с незаконной иммиграцией и ускорение депортации людей, находящихся на нелегальном положении.

Французская политика в области интеграции мигрантов также носила весьма своеобразный характер. Она основывалась на принципе обязательной адаптации к французским ценностям, что сопровождалось мерами принуждения для тех, кто не следовал национальным правилам и законам. Введение программ по обучению французскому языку, знаниям о культуре и истории Франции шло параллельно с усилением наказаний за несоблюдение социальных и правовых норм. Государственный секретарь по вопросам гражданства и борьбы с дискриминацией Отман Насру хочет, чтобы с июля 2025 года была введена практика предоставления вида на жительство при условии более высокого уровня владения французским языком и утверждает: «Для любого иностранца, подающего заявление на легализацию, должна быть предусмотрена «обязательность результата» в отношении владения французским языком и «искренней приверженности» ценностям Французской Республики. Правительство должно ускорить осуществление иммиграционного законодательства» [8].

Правительство стремилось бороться с явлением так называемых «параллельных сообществ» — районов с высокой концентрацией мигрантов, где уровень интеграции в общественную жизнь оставался крайне низким. Эти зоны часто воспринимались как источники социальной нестабильности и радикализации, что еще больше укрепляло жесткость французской риторики в отношении миграции. Бывший министр внутренних дел Жерар Коллон отмечал: ««Радушный» прием мигрантов оборачивается обещаниями, которые мы не в состоянии выполнить. Сегодня мы вынуждены констатировать, что в крупных городах мигранты оказываются в палатках, под мостами, во временных лагерях. В Лионе проблема становится настолько острой, что опускаются руки...» [7]. Ссылаясь на других левых политиков (Франсуа Пуппони, бывшего мэра Марселя, и Жюльена Дрея), Жерар Коломб призывал правительство Франции прибегнуть в вопросах миграционной политики к жестким мерам, чтобы не допустить прихода к власти партии радикально правых взглядов.

Особое место в дискурсе занимала тема терроризма. После ряда трагических инцидентов, включая нападения в Париже, Ницце и других городах, миграция часто связывалась с угрозой радикализации. Политики, включая центристов и даже часть левых, исполь-

зовали эту связь для обоснования ужесточения законодательства. Так, в 2023 году правительство Макрона инициировало реформу системы предоставления убежища, которая предусматривала ускоренные процедуры рассмотрения заявлений и усиленные меры депортации для тех, кто не соответствовал требованиям на получение статуса беженца. Несмотря на это министр внутренних дел Брюно Ретайо отметил: «Каждые 20 минут фиксируется отказ подчиниться структурам, обеспечивающим правопорядок. Каждый час — вооруженная атака. Ежедневно регистрируется около 1000 нападения. Необходимо положить конец «гипернасилию». Я начну с обеспечения уважения к полиции и встану на пути у всех, кто размещает мишень на спинах жандармов и полицейских» [14]. Что касается отказа подчиниться силам правопорядка, по мнению министра, необходимо установить меры пресечения неповиновению, назначить наказания, которые должны исполняться, необходимо построить тюрьмы.

Франция активно использовала дипломатические механизмы для решения миграционных вопросов. В 2024 году были заключены соглашения с Италией и Испанией о совместных мерах по морскому контролю и предотвращению нелегальной миграции. Также страна увеличила бюджет на усиление пограничного контроля, включая меры по взаимодействию с североафриканскими странами для возвращения мигрантов. Эти инициативы подчеркивали прагматичный подход французского правительства, стремившегося найти баланс между гуманитарными обязательствами и требованиями национальной безопасности.

Заключение

Сравнительный анализ показывает, что дискурс Германии и Франции по вопросам миграции в 2021–2024 годах отличался как по содержанию, так и по тональности. Дискурс Франции в отношении миграционного кризиса в указанный период характеризовался жесткостью и акцентом на защите национальных интересов. В отличие от Германии, ориентированной на интеграцию мигрантов и их экономическую адаптацию, Франция рассматривала миграцию преимущественно через призму безопасности и культурной ассимиляции. Это отражало как общественные настроения, так и политическую борьбу, в которой миграционный вопрос играл

ключевую роль. Для преодоления миграционного кризиса есть необходимость создания единой европейской стратегии, основанной на балансе между гуманитарными ценностями и безопасностью; усилении координации между странами ЕС для равномерного распределения миграционных потоков; разработке долгосрочных программ интеграции мигрантов с учетом национальных особенностей. Статья подчеркивает важность комплексного подхода к изучению миграционного кризиса, учитывая как внутривнутриполитический, так и международный контексты. Дальнейшее изучение миграционного кризиса требует учета влияния глобальных факторов, таких как изменение климата и геополитические конфликты, на подходы стран ЕС к миграции.

Литература

1. В Венгрии выступили против нового плана ЕС в отношении миграции [Electronic resource] // TACC. — 09.06.2023 — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17974209?ysclid=m68hc96h6583074994> (accessed: 15.12.2024).
2. Проблема миграции собрала политиков в группу [Electronic resource] // Moskauer Deutsche Zeitung. — 17.09.2024 — URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/problema-migracii-sobrala-politikov-v-gruppu/?ysclid=m68huquu5y298787620> (accessed: 15.12.2024).
3. Asylgeschäftsstatistik März 2023 [Electronic resource] // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. — 11.04.2023 — URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2023/230411-asylgeschaeftsstatistik-maerz-2023.html> (accessed: 15.12.2024).
4. Christian Lindner für EU-Grenzschutz notfalls auch mit Zäunen [Electronic resource] // RTL. — 05.05.2023 — URL: <https://www.rtl.de/cms/fdp-vorsitzender-christian-lindner-fuer-eu-grenzschutz-notfalls-auch-mit-zaeunen-5042070.html> (accessed: 15.12.2024).
5. Deutschland will rascher abschieben — Kabinett beschließt Gesetzentwurf [Electronic resource] // Der Spiegel. — 25.10.2023 — URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/migration-bundeskabinett-beschliesst-gesetzentwurf-von-nancy-faeser-zu-verschaerften-abschieberegeln-a-6b4f011d-35f7-40a2-8a46-2e41a4d2f87e> (accessed: 15.12.2024).
6. Discours de politique générale: « Nous ne maîtrisons plus de manière satisfaisante notre politique migratoire », déclare Michel Barnier [Electronic resource] // Le Figaro. — 01.10.2024 — URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/discours-de-politique-generale-nous-ne-maitrisons-plus-de-maniere-satisfaisante-notre-politique-migratoire-declare-michel-barnier-20241001> (accessed: 15.12.2024).
7. Gérard Collomb lie son départ de Beauvau à un désaccord avec Macron sur la politique migratoire [Electronic resource] // Le Figaro. — 13.11.2022 — URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/discours-de-politique-generale-nous-ne-maitrisons-plus-de-maniere-satisfaisante-notre-politique-migratoire-declare-michel-barnier-20241001> (accessed: 15.12.2024).
8. Legouvernementveutaccélérerlamiseenœuvredelaloimmigration[Electronicresource]// Le Point. — 22.10.2024 — URL: https://www.lepoint.fr/politique/le-gouvernement-veut-acceler-la-mise-en-oeuvre-de-la-loi-immigration-22-10-2024-2573331_20.php (accessed: 15.12.2024).
9. Marine Le Pen demande à Michel Barnier une nouvelle loi immigration début 2025 [Electronic resource] // BFMTV. — 01.10.2024 — URL: https://www.bfmtv.com/politique/front-national/marine-le-pen-demande-a-michel-barnier-une-nouvelle-loi-immigration-debut-2025_AV-202410010836.html (accessed: 15.12.2024).

10. Marine Le Pen dénonce une « situation de séparatisme migratoire » en France [Electronic resource] // Le Monde. — 19.05.2024 — URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2024/05/19/marine-le-pen-evoque-une-situation-de-separatisme-migratoire-en-france-lors-d-un-congres-des-extremes-droites-en-espagne_6234228_823448.html (accessed: 15.12.2024).
11. Merz stellt Bedingungen für weitere Migrationsgespräche [Electronic resource] // Der Spiegel. — 03.09.2024 — URL: <https://www.spiegel.de/politik/migrationsgipfel-union-stellt-bedingungen-fuer-weitere-gespraechе-ueber-fluechtlingspolitik-a-3c591d8a-3aef-4506-afd5-5745a2fcb727> (accessed: 15.12.2024).
12. Pressemitteilung. Begrenzung irregulärer Migration und Schutz der inneren Sicherheit: Binnengrenzkontrollen an allen deutschen Landgrenzen ab dem 16. September 2024 [Electronic resource] // Bundesministerium des Innern und für Heimat. — 09.09.2024 — URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemittelungen/DE/2024/09/binnengrenzkontrollen_pm.html (accessed: 15.12.2024).
13. Rede auf Grünen-Parteitag. Habeck gegen Merz: «Das ist Germany First» [Electronic resource] // BILD. — 26.01.2025 — URL: <https://www.bild.de/politik/inland/wahlkampf-habeck-gegen-merz-das-ist-germany-first-6796034b59448f2fa9a412c7> (accessed: 27.01.2025).
14. Retailleau veut « expulser plus et régulariser moins » et réclame une loi sur le narcotrafic [Electronic resource] // Le Point. — 23.09.2024 — URL: https://www.lepoint.fr/politique/retailleau-veut-expulser-plus-et-regulariser-moins-et-reclame-une-loi-sur-le-narcotrafic-23-09-2024-2570953_20.php (accessed: 15.12.2024).
15. Scholz O. Die globale Zeitenwende [Electronic resource] / O. Scholz // Foreign Affairs. — 05.12.2022 — URL: <https://www.foreignaffairs.com/germany/die-globale-zeitenwende> (accessed: 15.12.2024).
16. Tiede P. An allen deutschen Landgrenzen: Faeser ordnet mehr Grenzkontrollen an [Electronic resource] / P. Tiede // BILD. — 09.09.2024 — URL: <https://www.bild.de/politik/an-allen-deutschen-landgrenzen-faeser-ordnet-mehr-grenzkontrollen-an-66def7ab850ab075339cb552> (accessed: 15.12.2024).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Чертков Алексей Сергеевич,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexei S. Chertkov,

Candidate of Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: alexchertkov@list.ru

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПОСТУПЛЕНИИ А.С. ГРИБОЕДОВА НА ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ СЛУЖБУ

ARCHIVAL SOURCES ON THE ENTRY OF A.S. GRIBOEDOV TO THE DIPLOMATIC SERVICE

Аннотация: в статье на основе источников из фондов Архива внешней политики Российской империи рассматриваются обстоятельства поступления на дипломатическую службу в Коллегию иностранных дел великого русского дипломата и драматурга А.С. Грибоедова, а также А.С. Пушкина и В.К. Кюхельбекера. Осуществлен источниковедческий анализ трех документов, содержащих сведения о происхождении, образовании и деятельности А.С. Грибоедова в период его нахождения на военной службе в 1812–1816 гг. Автор определяет ценность исследуемых архивных документов, сыгравших большую роль для подтверждения статуса А.С. Грибоедова, изъявившего желание поступить на государственную дипломатическую службу. Вводимые в научный оборот архивные документы по-новому дополняют сложившиеся представления об особенностях документального оборота источников начала XIX в., установления даты рождения А.С. Грибоедова.

Ключевые слова: Архив внешней политики Российской империи, А.С. Грибоедов, Коллегия иностранных дел, Табель о рангах, классный чин, Императорский Царскосельский лицей.

Abstract: The article, based on sources from the funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, examines the circumstances of the entry into diplomatic service at the Collegium of Foreign Affairs of the great Russian diplomat and playwright A.S. Griboyedov, as well as A.S. Pushkin and V.K. Kuchelbecker. A source study analysis of three documents containing information about the origin, education and activities of A.S. Griboyedov during his military service in 1812–1816 was carried out. The author determines the value of the archival documents under study, which played a major role in confirming the status of A.S. Griboyedov, who expressed a desire to enter the state diplomatic service. The archival documents introduced into scientific circulation complement in a new way the established ideas about the features of

the documentary circulation of sources from the early 19th century, establishing the date of birth of A.S. Griboyedov.

Key words: Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, A.S. Griboyedov, Collegium of Foreign Affairs, Table of Ranks, class rank, Imperial Tsarskoye Selo Lyceum.

Введение

О поступлении А.С. Грибоедова на дипломатическую службу. Обстоятельства зачисления А.С. Грибоедова на дипломатическую службу в Государственную Коллегию иностранных дел описывались большинством исследователей биографии будущего министра-посланника Российской империи в Персии исходя из ряда интересующих биографов событий его жизни. Во-первых, отражался сам факт поступления в чиновное ведомство, причиной которого в большинстве случаев указывалось желание матери Грибоедова — Анастасии Федоровны определить сына к достойному делу. Увлечение в то время театром, писательским ремеслом молодого А.С. Грибоедова не сулило его семье стабильного дохода. Поэтому устремления А.Ф. Грибоедовой, нуждавшейся в деньгах на содержание семейства в тех предлагаемых обстоятельствах, были понятны. По-видимому, придерживающуюся строгих правил поведения в свете мать будущего драматурга настораживало и то, что, как писал в воспоминаниях того периода жизни в столице о Грибоедове Ф.В. Булгарин, издатель театрального альманаха «Русская Талия», где впоследствии при жизни автора увидели свет несколько фрагментов «Горя от ума», тот целиком окунулся в светскую жизнь Петербурга и отдавал этому много времени. «Он жил более в свете и для света, и только малые урывки времени посвящал музам» [7, с. 15]. Во-вторых, в перечне естественных причин, сыгравших решающую роль в определении А.С. Грибоедова на службу в Коллегию иностранных дел, указывалось его образование — кандидата словесности и кандидата права, а также склонность к изучению иностранных языков страны пребывания будущего дипломата, в какой бы регион мира его ни направили.

Со своей стороны добавим: было бы несправедливо указывать лишь материальные мотивы поступления на дипломатическую службу только что вышедшего в отставку с военной службы молодого корнета. Немаловажным фактором устремления целого поколения дворян, прошедших наполеоновские войны, увидев-

ших в походах общественное устройство, культуру и быт других европейских народов, явилось желание связать свою судьбу с ведомством, занятым установлением и развитием международных отношений с другими странами. Круг молодых амбициозных, жаждущих открытия нового мира дворян, в который входил А.С. Грибоедов, был заинтересован в их включении в орбиту познания иных цивилизационных пространств, языков, культур, знания о которых можно было приложить с пользой для своего Отечества.

Собственно, сами архивные документы, как исторические источники, подтверждающие обстоятельства приема А.С. Грибоедова на службу в Коллегию, исследователи подробно не описывали. При этом С.В. Шостакович заслуженно указал на прекрасное образование Грибоедова, позволившее ему избежать «предварительного искуса в стенах Архива иностранных дел», куда направлялись вновь определившиеся на службу «архивны юноши»: «Грибоедов миновал эту “дипломатическую школу” в Архиве и в июне 1817 г. вступил на службу прямо в Коллегию иностранных дел» [19, с. 26].

Автором термина «архивны юноши» следует считать библиофила и друга А.С. Пушкина С.А. Соболевского, так хлестко охарактеризовавшего группу молодых дворян-«любомудров», постигавших в начале XIX в. азы дипломатической службы, работая в архиве Коллегии. Затем уже сам А.С. Пушкин «обессмертил» это название, упомянув его в ироническом ключе в романе «Евгений Онегин» (глава 7, строфа XLIX) [15, с. 160].

С.А. Фомичев, составитель наиболее полного жизнеописания дипломата «Александр Грибоедов: Биография», описывая поступление Грибоедова «в дипломаты», привел текст распоряжения К.В. Нессельроде об определении А.С. Грибоедова в Коллегию иностранных дел, датированного 9 июня 1817 г. [18, с. 120–121]. С.А. Фомичев сослался на публикацию решения К.В. Нессельроде, который с августа 1816 г. управлял Иностранной коллегией (совместно с графом И.А. Каподистрией), в журнале «Русское обозрение», где в 1895 г., № 3 был размещен данный документ [16, с. 387].

В связи с последовавшей вскоре после поступления на службу 9 июня 1817 г. губернским секретарем четверной дуэлью, состоявшейся 12 ноября 1817 г., секундantom в которой выступил

Грибоедов, был подвергнут огласке факт приписки участника поединка к дипломатическому ведомству. Известно, что на допрос к обер-полицейстеру И.С. Горголи Грибоедов «последовал 19 ноября 1817 г. в сопровождении депутата от Коллегии иностранных дел А.С. Ахлопова» [18, с. 129–130], о чем тот 20 ноября 1817 г. составил донесение «управляющему Коллегией П.Я. Убри» [16, с. 390–391], изложив в нем показания Грибоедова как участника дуэли.

Многочисленные литературоведческие описания биографии А.С. Грибоедова, связанные в основном с анализом текста его главного произведения «Горе от ума», не вводили в научный оборот архивные источники, свидетельствующие об изъявлении воли будущего классика русской литературы поступить на службу в дипломатическое ведомство. Публикация нами документов из Архива внешней политики Российской империи восполняет данный пробел.

Документы Архива внешней политики Российской империи об А.С. Грибоедове, 1816–1817 гг.

Источниковой базой данного исследования стали документы Архива внешней политики Российской империи, копии которых были в декабре 2024 г. переданы Фонду культурного наследия А.С. Грибоедова в связи с 230-летием со дня рождения дипломата.

Из переданного фонду пакета документов три из них относятся к вопросам определения А.С. Грибоедова на государственную службу в Коллегию иностранных дел:

1. «Паспорт, выданный Инспекторским департаментом Главного штаба А.С. Грибоедову в связи с его увольнением с военной службы “для определения к статским делам прежним статским чином”» [1]. Документ датирован 8 мая 1816 г. Источник хранения: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), название фонда «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД» [1], опись 918, дело 3, лист 3–3 об., подлинник, русский язык [1].

2. «Прошение А.С. Грибоедова императору Александру I о зачислении его на службу в Государственную Коллегию иностранных дел». Документ датирован июнем 1817 г. Источник хранения:

АВПРИ, название фонда «Административные дела», IV-I, 1817 г., дело 20, лист 1–1 об., подлинник, русский язык [2].

3. «Определение Государственной Коллегии иностранных дел о зачислении на службу А.С. Грибоедова губернским секретарем». Документ датирован 9 июня 1817 г. Источник хранения: АВПРИ, название фонда «Административные дела», I-12, 1817 г., дело 3, лист 281–281 об., подлинник, русский язык [3].

Первый документ — «паспорт» («пашпорт»), выданный Инспекторским департаментом Главного штаба А.С. Грибоедову в связи с его увольнением с военной службы, датирован 8 мая 1816 г., написан на гербовой бумаге и имеет порядковый номер 2241, нанесенный вертикально, слева, на свободном поле бумаги. В фонде «Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД» АВПРИ хранится его подлинник [1]. «Паспорт» составлен на одном листе, окончание текста написано на его обороте. Внизу титульного листа документа имеется небольшого размера круглая синяя печать с трудноразличимой надписью. Обратная сторона «паспорта» скреплена круглой сургучной печатью с гербовым оттиском и надписью: «Его Императорского Величества 5-го Инспект. Департ. Глав. Штаба». «Паспорт» А.С. Грибоедова был подписан предположительно генерал-майором А.С. Кологривовым, указанным в документе как «Вице Директор Генерал майор» (подпись неразборчива).

Ценность данного документа для определяющегося на государственную службу кандидата состояла в том, что он подтверждал происхождение, образование и предыдущий род деятельности А.С. Грибоедова, особенно в сложное для страны время Отечественной войны 1812 года. В дальнейшем, в прошении на имя императора от 6 июня 1817 г., А.С. Грибоедов называет «паспорт» другим термином — «аттестат», более соответствующий канцеляризму, принятым в избранном им ведомстве.

О дате рождения А.С. Грибоедова

Сведения для «паспорта» составлялись, вероятнее всего, по штабным документам; присутствовал ли при этом сам А.С. Грибоедов — доподлинно не известно. Заслуживает внимания написание в нем возраста корнета Грибоедова: «от роду 22 года». При этом обращает на себя внимание исправление, допущенное

составителем бумаги, а именно: первоначально было написано, что Грибоедову «от роду 23 года», а затем, поверх последней цифры «3» нанесена другая — 22 года. Данное обстоятельство могло бы иметь еще большее значение, знай мы причины допущенной ошибки.

Исследователи биографии А.С. Грибоедова имеют дело с различными датами рождения будущего классика русской литературы: 1790-й, 1793-й, 1794-й и впоследствии признанный 1795-й год. М.В. Нечкина в исследовании деталей следственного дела А.С. Грибоедова в связи с декабристским восстанием также обратила внимание на нечеткость написания рукой подследственного даты своего рождения. «“Родился в 179 [0?6?5?] году”», — отвечает Грибоедов. Последняя цифра написана нарочито неясно и допускает три чтения, воспроизведенные нами в скобках (более всего цифра похожа на 6)» [12, с. 20], — пишет М.В. Нечкина.

«Паспорт» Инспекторского департамента Главного штаба Его Императорского Величества 5-го отделения, выданный А.С. Грибоедову 8 мая 1816 г., указывает на версию о том, что Грибоедов родился в 1794 г., так как в полученном им на руки документе был указан его возраст — 22 года. Указание в «паспорте» количества лет А.С. Грибоедова — «от роду 23 года» также не соответствует общепринятой дате его рождения — 1795 год; при этом варианте получается, что он родился в 1793 г. С.А. Фомичев при написании биографии А.С. Грибоедова использовал данный документ от 8 мая 1816 г., но трактовал его в пользу даты рождения дипломата — 1794 г. [18, с. 3]. Исправление возраста Грибоедова в «паспорте» ученый не комментировал.

Дата рождения — одна из первых грибоедовских загадок его биографии. Взятый на основу 1795 год рождения дипломата основан на записи в исповедных книгах московской церкви Девяти мучеников, прихожанином которой являлся А.С. Грибоедов, а также на дате рождения, нанесенной на надгробном памятнике, уточнения по которой делала его вдова Н.А. Чавчавадзе.

Отметим, что имеющаяся в «пашпорте» пометка в написании цифры возраста корнета Грибоедова не подтверждается подписью самого А.С. Грибоедова, так как она в данном документе отсутствует; был ли он согласен с указанной датой и по чьему именно настоянию было произведено ее изменение, а может, то была

обычная ошибка канцелярского работника — всё это повод для дальнейших исследований.

Исправление даты рождения А.С. Грибоедова в «пашпорте» от 1816 г., нечеткость написания года рождения в анкете следственного дела в 1826 г. (в данном случае авторство анкеты рукой Грибоедова доказано) наводят на мысль не о случайных, а нарочито сделанных дипломатом описок в указании своего возраста. Раскрытие данной загадки поведения А.С. Грибоедова, по-видимому, следует искать в приписанном им количестве годов при поступлении на службу в Московский гусарский полк 26 июля 1812 г. Желание участвовать в войне с Наполеоном было свойственно кругу молодых дворян, в который входил А.С. Грибоедов, специально обучавшийся для этого верховой езде и сетовавший на слабость своего зрения, из-за ограничений по которому его могли бы не принять в войска. Кроме патриотических порывов защитить Отечество от неприятеля, А.С. Грибоедов, как и дворянский круг его общения, понимал: участие в военных баталиях — лучший повод проявить себя и снискать в будущем славу и уважение в обществе.

Подобную догадку с пометками в указании даты рождения дипломата излагает в своем исследовании М.В. Нечкина; правда, она приписывает это неким третьим лицам, а не самому А.С. Грибоедову: «Грибоедову при его зачислении в 1812 г. на военную службу был нарочито показан повышенный возраст. Не объясняется ли этим известным Грибоедову расхождением между официальными служебными данными и истинной датой не прямой его ответ следствию, допускаящий не одно толкование? Перед нами интересный случай, когда из доказательств года рождения писателя приходится отводить его собственноручное об этом показание» [12, с. 20–21].

В «паспорте» указана принадлежность А.С. Грибоедова к дворянскому сословию, в подтверждение чему приведены сведения о размере владения его матери А.Ф. Грибоедовой, измеряемого количеством душ крепостных крестьян-мужчин: «за матерью его состоит крестьян мужеска пола 1000 душ» [1]. Известно, что А.Ф. Грибоедова владела имуществом во Владимирской губернии, а в 1817 г. приобрела в долг село с 780 крепостными в Костромской губернии. Долговое обременение матери Грибоедова

совпало во времени с определением сына в Коллегию иностранных дел. Наличие большого количества крепостных могло создавать благостную картину состоятельности семьи Грибоедовых и способствовать получению более высокого чина или карьерному продвижению по службе сына. Однако долговые обязательства требовали выплат, к тому же они не были обеспечены соответствующим постоянным доходом. Бунт крепостных в имении А.Ф. Грибоедовой в Костромской губернии из-за непомерно высокого оброка, установленного приобретательницей, был усмирен только при помощи воинской команды. В 1819 г. А.Ф. Грибоедова продала свое имение [18, с. 35].

В исследуемом документе устанавливаем (получаем подтверждение) несколько дат из периода нахождения А.С. Грибоедова на воинской службе.

1. Поступление в Московский гусарский полк в звании корнета — 26 июля 1812 г.

2. Зачисление в Иркутский гусарский полк — 17 декабря 1812 г.; нахождение в должности адъютанта при генерале от кавалерии А.С. Кологривове.

3. Увольнение от воинской службы в связи с болезнью — 25 марта 1816 г.

Датировка событий перехода А.С. Грибоедова из Московского гусарского полка в Иркутский гусарский полк в «паспорте» не дает точного указания на точную дату начала службы при штабе начальника Кавалерийских резервов генерала А.С. Кологривова (предположительно с ноября 1813 г.).

Положительно характеризуют нахождение А.С. Грибоедова в войсках отсутствие провинностей в виде штрафов и перспектива получения повышения по службе ввиду достойной аттестации полковым начальством. Следует обратить внимание на то, что положительная характеристика была дана А.С. Грибоедову по итогам его пребывания в войсках в период военного времени — Отечественной войны 1812 г. (июнь — декабрь 1812 г.) и последовавших затем заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Прямым начальником А.С. Грибоедова являлся генерал от кавалерии А.С. Кологривов, принятый на службу 2 октября 1812 г., главной обязанностью которого было формирование кавалерийских резервов для действующей армии.

А.С. Грибоедов, будучи адъютантом А.С. Кологривова, в Брест-Литовске написал довольно подробную статью «О кавалерийских резервах», опубликованную в журнале «Вестник Европы» в 1814 г. [10, с. 240–244]. Он так обосновывал замысел своего сочинения: «Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдения побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия» [10, с. 240]. По сведениям А.С. Грибоедова, приведенным в статье, за двадцать месяцев было сформировано кавалерийских эскадронов общей численностью в 65 000 рекрутов. «Новообразованные» воинские формирования «принимали участие в боевых действиях, почти все отличались», а такие, как, например, Павлодарский гусарский, Сумской эскадроны, с успехом били неприятеля, «обращая их в бегство» [10, с. 242].

Будущий дипломат так говорил о формировании кавалерийских частей и «был очевидцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующаго сею частию, который в точности оправдал слова Великаго нашего Государя, изъявившаго ему во Всемиловитейшем рескрипте, что не нашел иного, коему бы можно было вверить столь важную часть» [10, с. 241].

В статье «О кавалерийских резервах» А.С. Грибоедов подчеркивает мысль, что и во время ведения разорительных военных кампаний необходимо радеть за государственную казну, сокращать убытки не в ущерб боевой подготовке войск: «Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономии» [10, с. 243]. «Я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях; нет!» [10, с. 243], — восклицает А.С. Грибоедов.

В еще одной статье того периода — «Письмо из Брест-Литовска к издателю “Вестника Европы”» — А.С. Грибоедов описывает празднество, состоявшееся «в версте от Бреста», 22 июня 1814 г. в честь награждения генерала А.С. Кологривова орденом Святого Владимира 1-й степени: «Ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавале-

ристы своего» [11, с. 234]. В постскриптуме к данному письму А.С. Грибоедов предстает нам благотворителем, жертвующим через редакцию журнала деньги для московских погорельцев, пострадавших от пожара в сентябре 1812 г. во время оккупации города войсками французского императора Наполеона I Бонапарта: «Посылаю вам 1000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края, нам не известно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно, заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь» [11, с. 240].

Столь многогранная (служебная и публицистическая) деятельность А.С. Грибоедова адъютантом при штабе начальника Кавалерийских резервов генерала А.С. Кологривова стала причиной положительной характеристики и аттестации его полковым командованием, занесенным в «паспорт» определяющего на дипломатическую службу при предъявлении его в 1817 г. в Коллегию иностранных дел.

Источниковедческий анализ предполагает публикацию полных текстов документов.

Документ 1 (полный текст).

«Паспорт, выданный Инспекторским департаментом Главного штаба А.С. Грибоедову в связи с его увольнением с военной службы “для определения к статским делам прежним статским чином”». 8 мая 1816 г.

«1814 года. Цена рубль. № 2241.

«По Указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского и прочая и прочая и прочая.

Объявитель сего служивший в Иркутском Гусарском полку Корнетом Александр Грибоедов, имеющий от роду 22 года, из дворян, за матерью его состоит крестьян мужеска пола 1000 душ, который в воинскую службу вступил Императорского Московского Университета из Кандидатов прав, в формировавший Графом Салтыковым Московский Гусарский полк Корнетом 1812 июля 26-го, по расформировании онаго поступил в Иркутский Гусарский полк того же года декабря 17, находился при Генерал от Кавалерии Кологривов в Должности Адъютанта; в походах, домовых отпусках и штрафах не бывал, к повышению аттестовался достойным, а сего

1816 года марта 25 дня, по Высочайшему Его Императорского Величества повелению за болезнью уволен от воинской службы для определения к Статским делам прежним Статским чином; во свидетельство чего и дан ему сей пашпорт из Инспекторского Департамента Главного Штаба Его Императорского Величества с тем, что бы он о сем его определении просил где по законам следует. С. Петербург мая 8 дня 1816 года.

Вице Директор Генерал майор [подпись].

Начальник Отделения военный советник [подпись].

У сего пашпорта Инспекторского
Департамента Главного Штаба Его
Императорского Величества 5-го
Отделения печать.

Печатные пошлины рубль одна копейка взяты» [1; 8].

Документ 2 (полный текст).

«Прошение А.С. Грибоедова императору Александру I о зачислении его на службу в Государственную Коллегию иностранных дел». Июнь 1817 г.

«6 июня 1817.

Всепресветлейший, Державнейший великий Государь Император Александр Павлович Самодержец всероссийский Государь всемилостивейший.

Просит уволенный от воинской службы корнетом, из дворян, Александр Сергеев сын Грибоедов о следующем:

1-е

Обучаясь в Императорском Московском Университете разным иностранным языкам и наукам, по выпуску из онаго с чином Кандидата прав 12-го класса, вступил в службу Вашего Императорского Величества сформированный Графом Салтыковым Московский Гусарский Полк корнетом 1812-го июля 26-го, по расформировании коего поступил в Иркутский Гусарский Полк тем же чином того же 1812-го декабря 17-го, из которого по прошению моему, по Высочайшему приказу от 25 марта 1816 года уволен от воинской службы за болезнью, для определения к Статским Делах с прежним Статским чином. А как ныне желание имею службу Вашего Императорского Величества продолжать при Государственной Коллегии иностранных дел; то прилагая у сего данный мне из Императорского Департамента Главного Штаба

вашего Императорского величества аттестат о службе всеподданнейше прошу:

Дабы высочайшим вашего Императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Государственной Коллегии иностранных дел принять, и меня именованного определить в оную с настоящим чином 12 класса, полученным в Московском Университете.

Всемиловитейший Государь! Прошу вашего Императорского величества сем моем прошении решение чинить.

Июня, дня 1817 года. К поданию надлежит в Государственную Коллегию иностранных дел. Прошение сочинял и писал протоколист Никитин.

Уволенный от воинской службы корнетом, из дворян, Александр Сергеев сын Грибоедов руку приложил» [2].

Документ 3 (полный текст).

«Определение Государственной Коллегии иностранных дел о зачислении на службу А.С. Грибоедова губернским секретарем». 9 июня 1817 г.

«1817 года, июня в 9 день по Указу Его Императорского Величества в Государственной Коллегии Иностранных дел, по прошению бывшего в военной службе корнетом и уволенного от оной для определения к статским делам с прежним чином Университетского Кандидата прав 12-го класса Александра Грибоедова, о принятии его в ведомство сея Коллегии, при коем прошении представил паспорт Инспекторского Департамента Главного Штаба Его Императорского Величества об увольнении его от военной службы, определено: помянутого Университетского Кандидата прав 12-го класса Грибоедова принять в сию Коллегию Губернским Секретарем с приведением на верность службы к присяге и с старшинством в сем чине со дня вступления его в военную службу; следующие же за сей чин на лазарет за месяц 31 рубль 25 копеек, за гербовую бумагу и воск 6 рублей 6 копеек, за пергамент 2 рубля 50 копеек, за напечатание патента 1 рубль 50 копеек, за приложение государственной печати 1 рубль и по прежнему положению за воск и бумагу 50 копеек, всего 42 рубля 56 копеек, да за употребленную на производство сего дела вместо гербовой простую бумаги три листа 3 рубли, всего сорок пять рублей пятьдесят шесть копеек, взыскав с него, за-

писать в приход, для исполнения чего сообщить в Казенное текущих и щетных дел отделение с сего определения копию» [3].

Документ 3 заверен подписями: «Правитель Канцелярии», ниже — роспись казначея о получении взысканных денег, а также подпись секретаря.

В архивных копиях вышеприведенных документов от июня 1817 г. — прошении А.С. Грибоедова и определении его на службу губернским секретарем Государственной Коллегии иностранных дел — содержится повтор основных биографических сведений о нем, почерпнутых из «паспорта», выданного 8 мая 1816 г. Инспекторским департаментом Главного штаба Его Императорского Величества 5-го отделения.

Характеристика А.С. Грибоедова времен поступления на службу по дипломатическому ведомству дана в воспоминаниях А.С. Стурдзы — сторонника графа И.А. Каподистрии — влиятельного иностранца, уровня К.В. Нессельроде, определявшего направление развития внешней политики Российской империи до начала 1820-х гг.: «Я знал Грибоедова при самом начале деятельности его на поприще словесности и службы. Подобно Батюшкову, он домогался должности дипломатической; и с этой целью искал моего знакомства. Светлый ум, крутой нрав и сметливая физиономия Грибоедова полюбились мне. Пользуясь тогдашним положением моим при министерстве иностранных дел, я вступился, сколько мог, за благородного искателя, и предложил ему на выбор должности канцелярского чиновника в Филадельфии и Тегеране. Грибоедов колебался; я указывал ему беспристрастно на относительную важность этих посольств, измеряемую связью каждого из них с прямыми выгодами России» [17, с. 19; 6].

О практике присвоения классного чина

В определении Государственной Коллегии иностранных дел от 9 июня 1817 г. находим, что А.С. Грибоедову оставили имевшийся у него 12-й класс в Табели о рангах и приняли «в сию Коллегию Губернским Секретарем с приведением на верность службы к присяге и с старшинством в сем чине со дня вступления его в военную службу» [3]. Отметим: 12-й класс в Табели о рангах Российской империи, введенной Петром I в 1722 г., — это невысокий чин из общего числа 14 классов (рангов, разрядов, классных чинов).

По стечению обстоятельств одновременно с А.С. Грибоедовым поступили на службу в Коллегию иностранных дел А.С. Пушкин и В.К. Кюхельбекер, оставившие в соответствии с порядком, заведенным при Петре I, свои подписи в документе от 15 июня 1817 г. «о неразглашении служебных тайн и были приведены к присяге» [19, с. 26].

А.С. Пушкин, в то же время, в 1817 г., устраивавшийся в Коллегию иностранных дел, а до этого шесть лет (1811–1817 гг.) проводивший в Императорском Царскосельском лицее, сразу получил должность коллежского секретаря, т.е. ему был присвоен 10-й классный чин и положено жалование 700 рублей в год. Чин, полученный А.С. Пушкиным, соответствовал армейскому званию штабс-капитана или штабс-ротмистра, тогда как А.С. Грибоедов, успевший послужить в русской армии с 1812 по 1816 гг., остался в звании корнета.

Если брать в расчет образование определяющихся в тот год на службу, то преимущество в этой позиции у А.С. Грибоедова внушительное: он окончил высшее учебное заведение — Московский университет и был обладателем двух степеней — кандидата словесности и кандидата права, тогда как А.С. Пушкин только что завершил обучение в недавно созданном по Высочайшему повелению учебном заведении, постановление о котором было подготовлено при участии М.М. Сперанского и было опубликовано 12 августа 1810 г. [13, с. 310–323]. Императорскому Царскосельскому лицей отводилось особое место «в системе народного образования, уравнивание в правах с российскими университетами, покровительство императорской семьи позволяют воспринимать его как прообраз, модель учебного заведения нового типа» [13; 14, с. 99–102].

О стремительном росте карьеры А.С. Пушкина из выпускника лицея в коллежские секретари имеется «Определение Государственной Коллегии иностранных дел о приеме на службу выпускников Царскосельского лицея» от 13 июня 1817 г. [4; 9].

Более высокий 9-й классный чин титулярного советника по окончании Царскосельского лицея был присвоен будущему другу А.С. Грибоедова по службе при штабе генерала Ермолова на Кавказе (конец 1821 г. — май 1822 г.), будущему активному участнику восстания декабристов 14 (26) декабря 1825 г.

В.К. Кюхельбекеру. Главной причиной присвоения В.К. Кюхельбекеру высокого классного чина являлось то обстоятельство, что за успехи в учебе в лицее он был удостоен серебряной медали. Полученный 9-й классный чин соответствовал статусу титулярного советника, в армии — капитану в пехоте, или поручику в гвардии, или ротмистру в кавалерии. Чин В.К. Кюхельбекера был настолько высок, что в некоторых источниках, вопреки Табели о рангах, его «понижали», указывая, что тот служил чиновником особых поручений с чином коллежского асессора. Однако ни высокий классный чин, ни серебряная медаль еще не являлись гарантией того, что выпускник Императорского лицея и бывший сотрудник Коллегии иностранных дел В.К. Кюхельбекер, подписавший 15 июня 1817 г. документ о неразглашении служебных тайн и приведенный к присяге, не нарушит данного им слова: он во время восстания стрелял в великого князя Михаила Павловича (пистолет дал осечку), был приговорен к смертной казни, замененной каторгой сроком на 20 лет.

А.С. Грибоедов, в отличие от более удачливых коллег призыва 1817 г. на службу в Коллегию иностранных дел, наоборот, полностью посвятил себя дипломатической работе в Персии.

Несправедливость в отношении А.С. Грибоедова будет исправлена 3 января 1822 г., когда Указом императора Александра I Правительствующему Сенату дипломату, служившему в то время секретарем миссии России в Персии, будет «в воздаяние усердия и ревности к службе» присвоен гражданский чин коллежского асессора, что соответствовало 8-му классу в Табели о рангах или армейскому званию майора или войскового старшины [5]. Дальнейший взлет дипломатической карьеры А.С. Грибоедова случится в 1828 г.: он будет произведен в чин статского советника, назначен императором Николаем I полномочным посланником России в Персии при персидском дворе и в следующем году погибнет, сражаясь в Тегеране с врагами России.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Оп. 918. Д. 3. Л. 3–3 об.
2. АВПРИ.Ф. Административные дела, IV–I, 1817 г. Д. 20. Л. 1–1 об.
3. АВПРИ.Ф. Административные дела, I–12, 1817 г. Д. 3. Л. 281–281 об.
4. АВПРИ.Ф. Административные дела, I–12, 1817 г., Д. 3. Л. 306–306 об.
5. АВПРИ.Ф. Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Оп. 918. Д. 5. Л. 16.

6. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников — М.: Художественная литература, 1980. — 448 с.
7. А.С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. — М.: Захаров, 2015. — 400 с.
8. *Грибоедов А.С.* Полное собрание сочинений в трех томах. Том третий. — Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2006. — 687 с.
9. Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2007–2010. — Т. 1: 1799–1829. — 2007. — 941 с.
10. *Грибоедов А.С.* О кавалерийских резервах // Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова. — СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1892. — С. 240–244.
11. *Грибоедов А.С.* Письмо из Брест-Литовска к издателю «Вестника Европы» // Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова. — СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1892. — С. 235–240.
12. *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. — 96 с.
13. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXI. 1810–1811. — СПб., 1830. — № 24325 от августа 12. — С. 310–323.
14. *Поплавская И.А.* Царскосельский Лицей: две модели культурного строительства // Вестник Томского государственного университета. — 2003. — С. 99–102.
15. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 6. Евгений Онегин. — 1937. — С. 1–205.
16. Русское обозрение. — 1895. — № 3. — С. 387; 390–391.
17. *Стурдза А.С.* Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин, 1851. — № 21. — С. 19.
18. *Фомичев С.А.* Александр Грибоедов: Биография. — СПб.: Вита Нова, 2012. — 512 с.
19. *Шостакович С.В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. — 294 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Карпович Олег Геннадьевич,

заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, доктор политических наук,
проректор по экспертно-аналитической работе — руководитель ИАМП
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Law, Doctor of Political Sciences,
Vice-Rector for Expert and Analytical Work — Head of the ICIS of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

Добровольский Василий Николаевич,

Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса.

Vasily N. Dobrovolsky,

Envoy Extraordinary and Plenipotentiary of the first class.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ¹

THE MODERN WORLD: A TEST OF STRENGTH

Аннотация: развитие мировых событий и процессов определялось ходом специальной военной операции России на Украине, ставшей по сути дела переломным фактором в современном мировом развитии. США и Евросоюз фактически стали необъявленными участниками украинского конфликта, который приобретает экзистенциальный характер для отношений Россия–коллективный Запад. Своеобразным результатом является дальнейшее формирование основных мировых центров силы, а также их права на самостоятельное определение модели и архитектуры дальнейшего мирового порядка.

Ключевые слова: мировая политика, коллективный Запад, Россия, глобальная безопасность, внешнеполитический курс, полицентричный мир.

Abstract: The development of world events and processes was determined by the course of Russia's special military operation in Ukraine, which essentially became a turning point in modern

¹ Аналитический доклад подготовлен коллективом Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России под общей редакцией профессора О.Г. Карповича и Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1 класса В.Н. Добровольского.

global development. The United States and the European Union have actually become undeclared participants in the Ukrainian conflict, which is becoming existential for relations between Russia and the collective West. A peculiar result is the further formation of the main world centers of power, as well as their right to independently determine the model of the future world order.

Key words: world politics, collective West, Russia, global security, foreign policy, polycentric world.

На обстановку в мире в 2024–2025 гг. продолжают оказывать значительное воздействие геополитические трансформации, в немалой степени связанные со спровоцированным Западом украинским кризисом, шаги к устранению взрывоопасных последствий которого предпринимаются в ходе российской СВО и ее внешнеполитического сопровождения. Острота ситуации отражается в сохранении напряженности и усилении фактора неопределенности в глобальных и региональных делах.

Вместе с тем, несмотря на сохранение тревожного конфликтного потенциала в различных частях планеты и опасного уровня насыщенности вооружениями, **основным вектором международной динамики отчетливо становится устремленность к полицентричному миропорядку**, основанному на балансе интересов равноправных центров развития, проводящих самостоятельную, национально-ориентированную политику. Базовое противоречие текущего момента проявляется между архаичным меньшинством в лице коллективного Запада, не пытающимся минимизировать напряженность, а, напротив, тормозящим прогресс, и мировым большинством, выступающим за многополярность и суверенное равенство. При этом в противовес гегемонистским амбициям западников происходит последовательное укрепление позиций незападных игроков, курс которых отвечает требованиям времени. Движущие современную историю конструктивные силы весьма активны в самых обширных мировых пространствах (вне Евро-Атлантики) — на Глобальном Юге и Глобальном Востоке: в Евразии, АТР, Африке, Латинской Америке и других регионах, где кризис развития постколониальных стран сформировал условия для второй волны деколонизации, на этот раз — освобождения от неоколониальной зависимости, в том числе посредством восстановления контроля над природными и иными ресурсами.

Смена стратегического внешнеполитического курса России в сторону преференциального сотрудничества со стра-

нами мирового большинства и формирования на основе многополярности новой модели мироустройства сфокусировала глобальный интерес именно на этих целевых ориентирах, а в плане их достижения — на повышении роли незападного мира в глобальной политике и экономике. Это способно сыграть системообразующую роль в выстраивании новой архитектуры международной безопасности и актуальной повестки трансграничного сотрудничества, на что направлена внешняя политика нашей страны, основные параметры которой определены Концепцией внешней политики Российской Федерации.

Представляется возможным выделить ряд актуальных аспектов — своего рода «реперных точек» оценки актуального положения международных дел.

Курс России на внешней арене исходит из **нерушимости международно-правовой системы — основы послевоенного миропорядка, закреплённой в целях и принципах Устава ООН**, значимость которой ощутима с особой силой **в год 80-летия Великой Победы и 80-летия создания ООН**. Во главу угла международных усилий по адаптации механизмов трансграничного взаимодействия к реалиям многополярности поставлены принципы суверенного равенства государств, невмешательства в их внутренние дела, уважения прав любого человека и другие важнейшие постулаты взаимодействия, выработанные человечеством в интересах поддержания мира и содействия социально-экономическому развитию.

Углубление **сотрудничества с государствами в ближнем зарубежье** является одной из приоритетных задач российской внешней политики. Многочисленные сферы совпадения интересов государств–участников Содружества Независимых Государств стали важным объединяющим началом для многовекторного практического сотрудничества. Содружество активно развивается на принципах равноправия и добрососедства, укрепляется международный авторитет СНГ как регионального интеграционного объединения.

На пространстве СНГ налицо позитивная экономическая динамика, реализуются проекты в энергетике, промышленности, инфраструктуре, программы импортозамещения. Выстраивается независимая от внешних факторов финансовая система, ориентированная на использование национальных валют. Расширению

торговли и инвестиционных обменов активно способствует совместная работа «пятерки» Евразийского союза, отметившего в 2024 г. свое 10-летие, при этом интеграционное взаимодействие и кооперационные связи в рамках ЕАЭС содействуют устойчивости роста экономик как членов Союза, так и других дружественных государств Евразии.

Успешно идет сотрудничество на гуманитарном треке в духе традиционных нравственных ценностей, сформировавшихся в ходе совместного проживания на одном культурном пространстве. Важной задачей является сохранение памяти об общей истории, что отражено в Совместном обращении руководителей стран СНГ к народам Содружества и мировой общественности по случаю предстоящего 80-летия Великой Победы. 2025 год объявлен Содружеством Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне — Годом мира и единства в борьбе с нацизмом.

Получило дальнейшее развитие взаимодействие стран постсоветского пространства в **сфере безопасности**. Новый импульс развитию сотрудничества **России и Белоруссии** придало заключение в декабре 2024 г. Договора о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства — с его 25-летним опытом плотного взаимодействия и взаимной союзнической поддержки, в том числе в условиях беспрецедентного внешнего давления. Важнейшую роль в укреплении региональной стабильности на многосторонней основе играет **ОДКБ** — краеугольный камень безопасности участников СНГ и ЕАЭС. Российский контингент в составе Совместных миротворческих сил на протяжении более 30 лет надежно выполняет задачи обеспечения мира **на Днестре**. В зоне **Южного Кавказа** имеют место замыслы Запада по созданию арены геополитической конфронтации, наблюдаются попытки оттеснить Россию от процесса армяно-азербайджанской нормализации. Отвергая их, российская сторона намерена делать все от нее зависящее, чтобы уберечь приоритетный для нас регион от хаотизации, содействовать укреплению сотрудничества и процветания.

Объединительные тенденции приобретают сегодня растущий масштаб сообразно ускорению регионализации глобальной политики и повышению роли горизонтальных межцивилизационных связей между региональными структурами. «Агрегатором» этих позитивных процессов можно считать **межгосударственное объ-**

единение БРИКС, выражающее интересы мирового большинства. Оно представлено странами всех основных континентов, обладающими 45% населения планеты с внушительной долей в мировом ВВП (36,7% по паритету покупательной способности по итогам 2024 г.). В БРИКС участвуют 11 государств (в том числе Саудовская Аравия, завершающая внутренние процедуры) и 12 партнеров. В 2024 г. в БРИКС весомо вошли страны исламского мира и члены АСЕАН, государства-партнеры из ближнего зарубежья.

Сотрудничество с БРИКС — значимый вектор внешней политики России на долгосрочную перспективу, свидетелем чего стали успешное российское председательство в 2024 г. и XVI саммит БРИКС в Казани. В Казанской декларации отражен принципиальный настрой на укрепление стратегического партнерства БРИКС и повышение эффективности глобального управления и роли развивающихся стран в принятии ключевых решений, а также подчеркнута неприемлемость нелегитимных санкций и политически мотивированных торговых ограничений. Согласованы усилия в пользу создания устойчивых к внешним рискам механизмов взаиморасчетов, начата работа по созданию новых платформ сотрудничества, дан старт рабочим органам по климату, устойчивому развитию, ядерной медицине и транспортному диалогу. В целом, БРИКС можно рассматривать как своего рода прообраз будущего миропорядка, выражающего, а не подавляющего богатство цивилизационного многообразия современного мира.

Важнейшая роль в продвижении к этой цели отводится **формированию единой и неделимой архитектуры безопасности на пространстве Евразии**, инициативу создания которой выдвинул Президент России В.В. Путин 14 июня 2024 г. Она предполагает налаживание конструктивного, взаимоуважительного диалога между всеми потенциальными участниками будущей системы безопасности на пространстве Большой Евразии, исходя из того, что географическая близость побуждает к совместному поиску путей мирного сосуществования. Такая система мыслится как открытая для всех евразийских стран, включая в итоге и западноевропейские при условии, что они откажутся от своего конфронтационного курса.

При этом стоит задача широкого вовлечения межгосударственных объединений (ОДКБ, СНГ, ШОС, ЕАЭС, СВМДА, АСЕАН, ССАГПЗ и др.) как системообразующих элементов пространства

стабильности и сотрудничества в Евразии, в том числе через сопряжение уже подготовленных этими структурами наработок на профильных направлениях.

Полезная дискуссия об актуализации диалога по параметрам безопасности континента состоялась на Конференции высокого уровня по евразийской безопасности в Минске (октябрь–ноябрь 2024 г.), где обсуждалась идея «Евразийской хартии многообразия и многополярности для XXI века», задуманная как свод правил построения справедливой континентальной архитектуры. В дальнейшей повестке дня — широкое обсуждение этих вопросов на других площадках для выработки общих подходов к рамочным принципам системы безопасности.

Существенной составной частью совместных усилий должны стать вопросы экономики, социального благополучия и интеграции.

Основу для этого призвана обеспечить реализация Россией вместе с конструктивными партнерами магистрального проекта формирования **Большого Евразийского партнерства** как «бесшовного» контура торгового, инвестиционного и социального взаимодействия заинтересованных экономик, осуществляемого добровольно и равноправно, без «ведущих» и «ведомых». В частности, к решению этой задачи можно двигаться на путях кроссплатформенной кооперации ключевых интеграционных структур восточной части Евразийского континента, которые послужат «кирпичами» для строительства сети общерегионального сотрудничества с постепенным выходом на зарождение более укрупненных евразийских форматов. Речь идет как об уже начатом сопряжении программ ЕАЭС и китайской инициативы «Пояса и Пути», так и о расширении сотрудничества между ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, включающем ведущих региональных акторов, все больше нацеленных на соразвитие по мере упрочения «азиатского сегмента» евразийской системы отношений, тем более что между ними уже начала складываться практика соглашений о параметрах сотрудничества и взаимной поддержке.

Создание нового, масштабного партнерства потребует усилий по обеспечению синергии сотрудничества в жизненно важных для Евразии сферах, таких как транспорт, энергетика и экономика. Этот крупнейший регион, особенно в его восточной части, становится ключевой площадкой, где транспортно-энергетические

проекты составляют «кровеносную систему» экономической интеграции с устойчивыми позициями России и Китая. Соответственно, ее дальнейшее развитие уместно и в контексте российских практических интересов на Востоке, учитывая особую значимость инфраструктурных и транспортно-коммуникационных проектов, равно как цифровизации энергетического и других секторов.

На наличие серьезного потенциала многостороннего взаимодействия указывает актуальная динамика **Азиатско-Тихоокеанского региона**, который видится перспективной площадкой движения к многополярному мироустройству. В основе — твердая опора главных «игроков» АТР на независимые цивилизационные приоритеты и их готовность к конструктивному объединению усилий в интересах общей безопасности и соразвития. Главную движущую силу региона определяют сегодня акторы незападного мира, образующие костяк авторитетных интеграционных институтов, например АСЕАН. Дружественные страны АТР (КНР, КНДР, СРВ и др.) придерживаются сходных с российскими оценок полицентричного мироустройства, а вся система взглядов «азиатского большинства» ориентирована на многосторонность и международное право на основе Устава ООН, что содействует комплексному наращиванию их отношений с Россией.

По мере нарастания глобальной напряженности и обострения украинского кризиса в АТР активизировались попытки США обеспечить собственное доминирование с опорой на своих союзников (Япония, Австралия, Южная Корея, Новая Зеландия) для противостояния Китаю и России, нейтрализации конструктивных объединительных тенденций путем санкционного давления, создания военных структур типа AUKUS и блоковых «цепочек» (Вашингтон–Сеул–Токио и др.), продвижения в регион военных стандартов НАТО. Однако отторжение здоровой частью регионалов формул «порядка», ведущего к расколу, показало высокую степень консолидации членов мирового большинства, прежде всего в континентальной части АТР (в то время как азиатские союзники Запада один за другим переживают внутренние кризисы, ограничивающие их внешний маневр).

Важную стабилизирующую роль играет **российско-китайское стратегическое взаимодействие**, главные параметры которого закреплены в двусторонних документах, принятых на высшем

уровне. Оно служит «первопроходческим» примером сопряжения усилий крупнейших региональных субъектов, помогающего общему выходу на консенсусные решения. Дальнейшему повороту ситуации в Азии в благоприятном для российских интересов русле способствовали также такие знаковые шаги, как заключение **договоров о всеобъемлющем стратегическом партнерстве России с КНДР (июнь 2024 г.), Ираном (январь 2025 г.)**, продвижение и расширение программ **стратегического диалогового и экономического партнерства с «десяткой» АСЕАН** и др.

Целенаправленное использование благоприятных предпосылок АТР в интересах интеграции и сотрудничества на инклюзивной и равноправной основе, свободной от внешнего давления и блоковых «ценностей», позволит ускорить образование в Восточной Евразии кластера многополярного мира с потенциалом дальнейшего расширения.

В то же время не спадает напряженность на сопредельном **Ближнем Востоке**: усиливаются процессы изменения баланса сил и сохраняются высокие риски обострения традиционных конфликтов.

Падение правительства Б. Асада в декабре 2024 г. и конец правления партии «Баас» обострили проблему арабского единства. Возможный успех новых сирийских властей по стабилизации положения в стране приведет к росту популярности исламистских групп в регионе в целом. Палестинский вопрос, несмотря на договоренности между Израилем и ХАМАС, продолжит, вероятно, оставаться в подвешенном состоянии, возможен и новый виток эскалации. Одновременно с попыткой восстановления отношений Тель-Авива с арабскими столицами на основе реанимации «Соглашений Авраама» может усилиться нажим американцев на Иран, а неудача в диалоге — подтолкнуть их и израильтян к удару по ядерным объектам Исламской республики, что чревато серьезным региональным конфликтом.

В этих сложных условиях объективно растет запрос государств Ближнего Востока на сотрудничество с Россией как с крупным игроком, заинтересованным в стабилизации региона.

Ощутима конструктивная направленность современного развития государств **Африки**, партнерство с которыми носит принципиально важный для России характер. Развитие геостратеги-

ческой ситуации показывает неуклонное повышение роли этого континента в системе международных связей, хотя еще не вполне пропорционально имеющимся здесь ресурсам. Прошедший год был очередным этапом демонтажа колониального наследия западных стран (Франция выводит из региона свои военные контингенты и базы). В то же время следует признать, что внешнее соперничество за доступ к промышленно-ресурсной базе континента продолжается.

Россия поддерживает стремление африканских государств самостоятельно определять свою судьбу и приветствует развитие их объединительных структур и инициатив, в том числе выдвигаемых по линии Африканского союза. Опираясь на растущий объем торговли (25 млрд долл. в 2024 г.), стороны укрепляют стратегическое партнерство через новые проекты в сферах энергетики, транспортных цепочек, цифровых технологий, российское содействие связям Африки с евразийскими структурами, помощь в борьбе с терроризмом, эпидемиями, в сфере сельскохозяйственной безопасности, в подготовке кадров. Ожидается министерская встреча Форума партнерства Россия–Африка в движении к запланированному на 2026 г. третьему саммиту этого высокого органа.

Линия на перемены в сторону активизации национально-ориентированной политики наблюдается в другом центре развития — в **Латинской Америке** (прежде всего, в Боливии, Никарагуа, на Кубе, в Венесуэле). В ибероамериканской зоне постепенно, но неуклонно оживляется настрой на укрепление консолидирующих тенденций и способных отвечать этой задаче структур, прежде всего СЕЛАК. Вместе с тем реальность такова, что на политическую ситуацию в странах региона оказывают негативное воздействие такие факторы, как нарастающая слабость демократических институтов, сбои в работе электоральных систем, политизированная судебная власть, коррупционные скандалы и высокий уровень преступности и насилия, а также разрыв в материальных доходах населения. Фиксируется социальная и политическая поляризация, что ведет к нелинейной политической радикализации на фоне явного ослабления структур государственной власти во многих странах региона. Выборы в Латинской Америке сопровождаются грубым давлением со стороны США на электоральные кампании различного уровня [1].

Воздействие на ход событий на мировой арене, разумеется, окажут перспективы отношений России с **Соединенными Штатами**, отношений, которые стремительно деградировали по вине американцев, причем в политической среде США закрепился консенсус на противостояние с Россией. До недавней смены администрации в Вашингтоне, в политике США на международной арене, как известно, не наблюдалось особых колебаний. Продолжалась поддержка Украины (без расчета на существенное изменение динамики на поле боя), проводился курс на геополитическое освоение Восточной Европы и АТР, оказывалось символическое давление на Израиль при одновременном снабжении его современными системами вооружений, сохранялась линия на усиление конфронтации с Китаем. Но одновременно усилились турбулентные проявления, отразившиеся в непоследовательности поведения Вашингтона в международных делах, слабости его внешнеполитического прогнозирования, что вызвало сомнения западников в лидерских способностях США. Итог власти Дж. Байдена — провал попыток восстановить однополярные подходы к глобальным процессам и нарастание кризисных факторов в самих Соединенных Штатах, что завершилось приходом к власти администрации Д. Трампа.

Декларируемая стратегия нового американского руководства, по сути, нацелена на «возрождение» доминанты США в мировой торговле и финансах, но при этом демонстративно обращена на приоритетность внутренних проблем во исполнение его главного лозунга «Вернем Америке былое величие». Сделаны и намеки на переосмысление позиционирования Вашингтона в мировых делах и изменение некоторых внешнеполитических позиций. По оценке С.В. Лаврова, «США могли бы в обозримой исторической перспективе стать одним из ответственных центров силы — наряду с Россией, Китаем и другими державами Глобального Юга, Востока, Севера и Запада», но это — при отказе от продолжающегося противодействия объективному процессу укрепления многополярности. Поэтому декларации американского руководства еще ждут верификации практикой, которая покажет, способен ли Белый дом подвергнуть критической самооценке линию на перекройку мира под собственные интересы, в том числе на фоне очевидного провала курса на «стратегическое поражение» России.

Значимый шаг к выправлению ситуации в российско-американских отношениях был обозначен в ходе телефонного разговора В.В. Путина с Д. Трампом 12 февраля с.г. Во время последовавшей затем встречи делегаций двух стран в Саудовской Аравии была проделана работа, которая позволила российской стороне оценить этот контакт как неплохой, серьезный и полезный, отметив, в частности, что стороны договорились учитывать интересы друг друга.

Возник дестабилизирующий резонанс в восприятии коллективным Западом подхода Вашингтона к отношениям с **Европой** — по причине постановки Белым домом внутриамериканских проблем выше интересов союзников и оценки их через призму национального эгоизма как европейское «иждивенчество». А значит, получил продолжение процесс деструкции евро-атлантического «единства», которое администрация Байдена стремилась поддержать путем сплочения западников вокруг образа врага в лице России, прежде всего в рамках «украинского проекта».

В таких условиях стагнация европейских политических институтов, ориентированных элитами на жесткую либеральную повестку и наращивание конфронтации с Россией, может лишь укорениться. Это усугубляет системный кризис, с которым сталкиваются европейцы, особенно в связи с полным разрывом торгово-экономических, финансовых и энергетических связей с нашей страной, а это вместе с чередой тупиковых ситуаций во внутривнутриполитическом развитии ведущих стран этой зоны ставит под вопрос саму будущность европейского интеграционного процесса.

При этом военно-политическая (как и экономическая) зависимость европейцев от США лишь усиливается. Они поспешили в контактах с новой американской администрацией заявить о «совпадении интересов» по Украине, назвали общими вызовами Россию, Китай и Иран, обозначили созвучие призывам США увеличить расходы на оборону и т.д. Признаки какого-либо обновления европейских подходов к вопросам европейской безопасности, включая украинское урегулирование, не просматриваются.

Крайне негативную роль в мировой и европейской политике играет **блок НАТО**, экспансионистский курс которого составляет сегодня одну из наиболее деструктивных международных тенденций. Весьма опасен усилившийся на фоне развития украинского

кризиса крен к «глобализации интересов» альянса с целью тотального распространения схем противостояния России, Китаю и всему незападному миру через военно-блоковые методы, сопровождаемые разрастанием собственных натовских военных приготовлений.

На странах НАТО лежит вина за эскалацию вооруженных действий на Украине путем ее накачки разрушительными вооружениями с разрешением применять их по российским тылам. Решения Совета НАТО по украинскому кризису рассчитаны на перманентную вражду с Россией и нанесение ей «стратегического поражения». У российских рубежей формируется передовое присутствие ведущих стран-членов НАТО, возросла их военная активность, нацеленная на Россию как потенциального противника, что вынуждает нашу страну повышать готовность противостоять возросшим угрозам.

На этом фоне тревожит нарастание кризисного потенциала в **Арктическом регионе**. Эскалация агрессивности США и НАТО на арктическом направлении объясняется не только стратегическим значением этого богатого ресурсами региона, но и «комплексом упущенных возможностей» в свете активной экономической работы там России. Отсюда рассмотрение Арктики в качестве сферы «стратегических интересов» США, односторонние притязания на расширение шельфа в Арктике и Беринговом море.

Тем не менее Россия ведет линию на сотрудничество в Арктике со всеми странами, проявляющими заинтересованность. Наиболее продуктивно оно складывается с Китаем и Индией. Пример — освоение масштабного газового проекта «Арктик СПГ-2» с зарубежным участием. Кроме того, конструктивные партнеры приглашаются к использованию суверенной российской трассы СМП и участию в развитии ее инфраструктуры.

Стремление к доминированию, пренебрежению принципами равноправия и консенсуса характерно и для **поведения западных в международных экономических и финансовых организациях**, прежде всего в ВТО, МВФ и Всемирном банке. Они заняли там откровенно конфронтационную позицию, нацеленную на развал сложившейся их же усилиями мировой торговой системы. Соответственно, обретает более четкие очертания тенденция к расширению «агрессивного» протекционизма с введением мер, дестабилизирующих мировую торговлю, что может обусловить корректировку российской стороной подходов к этим структурам.

В современной картине международной жизни с ее рисками и угрозами стремительно возрастает значение **международной информационной безопасности**. Однако геополитический фактор напряженности нередко тормозит многосторонний диалог по вопросам использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Из-за западных попыток доминировать в этой сфере пока не удастся прийти к согласию по поводу «правил движения» в ИКТ-среде и принятия регулирующего международно-правового акта. Дальнейшая ситуация будет зависеть от способности международного сообщества обеспечить инклюзивность управления информационным пространством, за что выступают Россия и страны мирового большинства.

Не менее насущна необходимость налаживания, при всех трудностях этой задачи, международного сотрудничества в области регулирования использования технологий **искусственного интеллекта (ИИ)**, который быстро утверждается в качестве одного из ключевых факторов экономического и социального развития, непосредственно связанных с вопросами национальной безопасности [2]. При этом требует учета то, что развитие ИИ чревато как растущими возможностями, так и серьезными рисками, включая опасность — при отсутствии должного регулирования — концентрации этих ресурсов в руках ограниченной группы транснациональных частных компаний.

Возросло на нынешнем этапе и значение темы **традиционных духовно-нравственных ценностей**, отражающих образцы социокультурного и государственного устройства мира. В условиях геополитических потрясений культурные парадигмы России как многоконфессионального и многонационального общества оказались под угрозой воздействия глобализационных факторов. В этой связи актуальна задача минимизации их негативной трансформации и, напротив, гармоничной интеграции в новую модель мироустройства. Соответственно, отстаивание и продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей в рамках международных отношений сегодня является, помимо прочего, одной из значимых составляющих российской внешнеполитической активности.

Таким образом, российская дипломатия в современных условиях последовательно решает многоплановые задачи международного развития, отвечающие целям упрочения позиций России

на мировой арене и обеспечения интересов нашего государства во внешнеполитической сфере, комплекс которых определен Концепцией внешней политики Российской Федерации с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в мире. В этом программном документе подчеркнуто, что **«Россия проводит самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами и осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях» [3].**

Литература:

1. Карпович О.Г. Новая геометрия полицентричного мира. Монография. — М., 2025. — 600 с.
2. Картина нарождающегося мира: базовые черты и тенденции. 2-е изд.; — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. — 176 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 03.02.2025).

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mark A. Neimark,

Doctor of Sciences (History)
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: mark.neimark@mail.ru

«ПОРАЖЕНИЕ ЗАПАДА»: ПРОРОЧЕСТВО С ОТКРЫТЫМИ ИЛИ ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ?

“THE DEFEAT OF THE WEST”: A PROPHECY WITH OPEN OR CLOSED EYES?

Аннотация: в мире происходят беспрецедентные макросистемные трансформации, которые определяют уже сейчас, и чем дальше, тем больше, особенности формирования нового мирового порядка. Ускоряется сама динамика мирополитических процессов, происходящих как в старых, так и новых разнонаправленных модификациях, кризисных формах и ситуационных форматах. По нарастающей усиливаются в глобальном пространстве центробежные процессы размежевания и обособления. Критическая разбалансированность геополитического пространства достигла пиковых значений, означающих беспрецедентную опасность для стратегической безопасности. В условиях системной деградации существующего миропорядка ключевые центры силы смещаются в сторону Незапада. Понятие «Глобальный Юг» приобретает конкретизированную геополитическую значимость. Геополитический же статус США как непререкаемого гегемона все дальше уходит в прошлое. Его критическое восприятие в разных странах, включая стратегических союзников и ориентирующихся на американские приоритеты, становится все более выраженной тенденцией.

Ключевые слова: Запад, США, Европа, Россия, Украина, новый мировой порядок, Э. Тодт.

Abstract: unprecedented macrosystemic transformations are taking place in the world, which are already and increasingly determining the features of the formation of a new world order. The dynamics of world political processes themselves are accelerating, occurring in both old and new multidirectional modifications, crisis forms and situational formats. Centrifugal processes, divisions and isolations are increasingly intensifying in the global space. The critical imbalance of the geopolitical space has reached peak values, meaning an unprecedented danger to strategic security. In the conditions of systemic degradation of the existing world order, key centers of power are shifting towards the Non-West. The concept of the “Global South” is acquiring a specific geopolitical significance. The geopolitical status of the United States as an undisputed hegemon is becoming more and more a thing of the past. Its critical perception in various countries, including strategic allies and those oriented towards American priorities, is becoming an increasingly pronounced trend.

Key words: West, USA, Europe, Russia, Ukraine, new world order, E. Todd.

Совокупность системно-транзитных трансформаций точечно сфокусировалась в опубликованной в Париже в 2024 г. книге «Поражение Запада». Она сразу вызвала повышенный интерес уже тем, что ее автор — известный французский интеллектуал Эммануэль Тодт — на основе междисциплинарного анализа на стыке антропологии, социологии и политологии еще в середине 70-х гг. прошлого столетия предсказал распад СССР.

В контексте официального выдвижения США и их единомышленниками в других странах Запада целевой установки «добиваться стратегического поражения России» надо было иметь смелость выпустить книгу со столь аналитической и, добавим, политической заостренностью анализа, входящей в явное противоречие с стереотипными трендами западнцентричных подходов.

В политологических кругах Франции (и не только) размышления и выводы Э. Тодта о кризисе американоцентричной и западнцентричной в целом модели общественного развития вызвали преимущественно резкую критику и нелицеприятные для автора оценки, в отдельных случаях даже эмоционально окрашенные в выражения типа: «пророчество с закрытыми глазами». Между тем он специально оговаривает, что пальма первенства в этом вопросе принадлежит не столько ему, сколько его предшественникам из других ведущих стран Запада, и в первую очередь — американских и британских [9; 10; 11; 6; 14], почему-то (что странно для столь искушенного ученого) не упомянув своих известных французских современников-политологов, чьи профильные работы самого последнего времени на эту же тему оцениваются в политологических кругах страны весьма высоко [7; 8; 4; 13; 5].

Но даже этим сугубо частичным перечнем он показывает: в выводе о том, что «западная демократия в целом находится в финальной стадии кризиса, нет ничего ни эксцентричного, ни маргинального, поскольку его разделяют, разумеется с нюансами, большое количество [западных] интеллектуалов и политиков» [16, р. 148]. Свои доводы они черпают в политических реалиях, подчеркивая, что ее разъединяет, и чем дальше, тем больше, столкновение двух идеологических и ментальных категорий — элитизма и популизма. Элита выступает против сближения масс с правыми ксенофобскими силами, а массы подозревают элиты в том, что они погрязли в доведенном до абсурда глобализме.

Отсутствие сопряженности мыслей и действий между ними размывает саму суть понятия представительной демократии, создавая новые предпосылки для усиления социально-политических разломов в обществе, которые в возрастающей степени влияют на развитие мирополитических процессов.

В феномене либеральной демократии Э. Тодт вычленяет такую ее особенность, как защита прав меньшинств, подчеркивая, что речь идет прежде всего о цветных и ЛГБТ. Но на деле, по его оценке, максимально защищаемое меньшинство на Западе, численность которого не превышает одного процента населения, — это самые богатые люди. Соответственно западные либеральные демократии становятся «либеральными олигархиями». А это, в свою очередь, ведет к изменению идеологического смысла войны как таковой: отраженная в преобладающей западной рефлексии борьба либеральной демократии Запада против авторитарной России «превращается в противоборство между либеральными олигархиями Запада и авторитарной демократией России» [16, р. 151].

Хаотичное, системное дисфункционирование либеральных олигархий, сказываясь, естественно негативно, на понимании глубинных процессов в геополитике, сущности изменений в военно-политической сфере, порождает, в частности, некомпетентную дипломатическую элиту и, как следствие, грубейшие ошибки в конфликтах с Россией и Китаем.

Внешняя политика США оценивается в книге сугубо негативно — в терминологически жестком оформлении как «черная дыра Америки», ставшей «больной сверхдержавой современности» [16, р. 287]. В отличие от многочисленных, по словам Э. Тодта, ее почитателей, которые считают, что Америка с ее демократией, в конфликте с Россией защищает свободу, демократию, права меньшинств, т.е. в конечном счете справедливость во всем, он думает и утверждает прямо противоположное. Исходный контрапункт его анализа — превращение США в империю зла, где образовался опасный мировоззренческий и идеологический вакуум с «остаточным наваждением денег и власти», который создает предпосылки к саморазрушению, милитаризму, т.е. отрицанию реальности [16, р. 245].

На фоне западноцентричной рефлексии резким контрастом выглядит вывод Э. Тодта о хрупкости господства США и их на-

растающей зависимости от остальной части мира. Парадокс он усматривает в том, что глобализация, у истоков которой стояли именно США, подорвала, в частности, американскую индустриальную гегемонию [16, р. 269–271]. Американская экономика функционирует в значительной степени за счет импорта продукции, который компенсируется не экспортом, а постоянной эмиссией долларовой массы. Самое поразительное, по его мнению, то, что торговый дефицит страны сохраняется, несмотря на переориентацию национальной экономики на неопротекционизм, начатую при Обаме, усиленную Трампом и подхваченную Байденом. Это служит дополнительным аргументом для вывода «о неизбежности заката США» [16, р. 276]. Такая оценочная позиция воспроизводится автором в разных контекстах книги с разных концептуальных углов с упором на «неизлечимую болезнь доллара». Его использование в качестве мировой резервной валюты, ставшей специфическим «природным» ресурсом США, означает возможность и способность извлекать из ничего финансовые богатства, что объективно если не сразу, то в последующем будет по нарастающей тормозить и даже блокировать развитие американской экономики. Существенный негативный вклад в этот процесс вносит реальное отсутствие ограничений на постоянное увеличение госдолга США, потолок которого почти автоматически утверждается Конгрессом, что выглядит как «бюджетная комедия» [16, р. 284–285].

Резкой критике подвергается также укорененный не только во властных структурах, но и в массовом сознании, «самой американской культуре нарциссизм», идея исключительности, которая в адаптированном — европоцентричном — виде получает все большее распространение в наднациональных органах ЕС и в отнюдь не единичных странах объединения: «Поразительно, до какой степени Запад в его как американской, так и европейской ветвях убежден — вопреки объективной реальности, — что находится в центре мироздания, представляя весь мир в абсолюте», а остальным странам оставлено лишь право «восхищаться его ценностями» [16, р. 304]. В этой критической оценке нет никакой политической натяжки: вспомним громогласное публичное заявление главы дипломатии ЕС Ж. Борреля, не имеющее ничего общего с ее самими основами, принципами и профильным языком,

о том, будто Европа — это цветущий сад, а остальные неназванные страны — джунгли...

Из этого следует итоговый вывод: нарциссизм Запада, ведущий к его самоослеплению, стал одной из козырных карт внешнеполитической стратегии России. Ей посвящен целый раздел с преисполненным иронией заголовком-вопросом: «Кто хочет наказать великую зловредную Россию?» В ответе на этот вопрос Э. Тодт опирается на конкретные данные профильных исследований, проведенных на Западе в связи с началом военных действий на Украине. Он подчеркивает, что Россию осудили с готовностью к «ответному отпору» только союзники США и страны — «военные протектораты США». Страны, поддерживавшие Россию, образуют не совсем демократический по государственному строю блок. Но, ссылаясь на крупнейшего французского философа и политолога Раймона Арона, он считает уместным в таком контексте разделять его мнение: «Выбирают врагов, союзников не выбирают». Идеал суверенности, исповедуемый Россией, считает он, оправдывает ее нынешние «медовые» отношения даже с Северной Кореей, приводя в доказательство обоснованности своей аргументации оценку У. Черчилля его союза с И.В. Сталиным: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы выступил в поддержку дьявола» [16, р. 306]. С другой стороны, есть государства, которые осудили Россию формально, «без отпора ей». Но самое главное в том, что «масса стран, и прежде всего входящие в БРИКС, ее вообще не осудили». А в целом так называемый «санкционный Запад», выступающий против России, насчитывает лишь 12% всего населения мира. Что выглядит не только сугубо «субъективным представлением» США и Европы об их моральном превосходстве, но и «ослеплением и глупостью». Между тем, подчеркивает Э. Тодт, Россия живет за счет имеющихся природных и трудовых ресурсов и не навязывает никому свои ценности, что очень приветствуется «остальным миром», который усердно эксплуатируют США [16, р. 307–310].

В центрирующем фокусе критического анализа Э. Тодта — комплекс проблем, органично связанных с культовым мессианством США. Его акцентированно-критическая оценка в концентрированном виде отражает нарастающее неприятие в разных странах, в том числе и западных, макроисторической и геополитической концеп-

ции неизменности глобальной роли США в развитии мирового порядка по «правилам» и стандартам, определяемым именно и только США. Что в практико-политическом смысле означает сохранение базового принципа США: на равных не сотрудничать ни с кем и действовать без какой-либо оглядки на нормы международного права и институционализацию международной системы. Вспомним, в этой связи, публичное откровение Збигнева Бжезинского: несмотря на неплохие результаты американского «демократического» миссионерства, у него есть свои недостатки — и в том, что «нам случалось существенно отступать от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно» [1, с. 253].

Примечательно, что обновленная американская Стратегия национальной безопасности прямо называет США «глобальной державой с глобальными интересами», целевая установка которой «продолжать руководить с силой и целеустремленностью». Причем с учетом региональных особенностей мировой политики, поскольку «если один регион погрузится в хаос или окажется под властью враждебной США силе, это пагубно повлияет на наши [американские] интересы в других» [12].

Неослабевающее стремление американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и форматов политического мироустройства со всей откровенностью давно охарактеризовал Б. Обама, которому вторят последующие президенты США: «Америка должна писать правила и принимать решения. Прочие страны должны играть по правилам, которые устанавливает Америка и наши партнеры, и никак иначе» [15].

Процессы, происходящие на европейском континенте, квалифицируются Э. Тодтом как «самоубийственная эвтаназия». Интегрированная Европа втянулась в войну, глубоко противоречащую ее стратегическим интересам. Вместо обещанной суверенной автономии, преподносимой как противовес таким гигантам, как Китай и Россия, Евросоюз «растворился в тени НАТО, став еще более зависимым, чем когда-либо, от США». Новизну ситуации определяет то, что ось Берлин–Париж подменили осью Лондон–Варшав–Киев под командованием Вашингтона, усиленную скандинавскими и прибалтийскими странами, ставшими прямыми сателлитами Вашингтона и Пентагона. Европейская элита превратилась более в зрителей, нежели в участников реальной истории. Что

в совокупности означает одно: «европейский проект в исходном варианте мертв» [16, p. 167].

Систематизированные ссылки лидеров Европы на опасность агрессивных действий против нее со стороны России лишены малейших оснований, констатирует Э. Тодт, приводя в качестве убедительной доказательной базы следующую аргументацию: Донецк отделяет от границы России всего 100 км; от Москвы — 1000 км; от Берлина — 2000 км; от Парижа — 3000 км; от Лондона — 3200 км; от Вашингтона — 8400 км. При такой нулевой российской угрозе остается лишь одно соображение, которым руководствуются наднациональные власти Евросоюза: «Ему нужен внешний враг, чтобы воссоздать свои внутренние скрепы и начать движение вперед. Реально же это означает желание элиты ЕС освободить Европу от нее самой за счет войны [на Украине]» [16, p. 167], которая внезапно показала, что «больше никто в Европе не может мыслить и действовать самостоятельно», без оглядки на США [16, p. 181]. Тем самым фиксируется геополитический парадокс: несмотря на закат США, американское влияние на Европу лишь усиливается, поскольку именно она остается первоосновой могущества США. В том же критическом ключе оценивается роль НАТО, который должен теперь «не столько защищать Западную Европу, сколько ее контролировать» [16, p. 191–192].

Введение санкций против России «по своей сути означает конец Европы». Их саморазрушительный для нее характер нашел скорое выражение в резком скачке инфляции при удивительном сохранении спокойствия олигархических кругов и либерального духа [16, p. 163]. Прекращение поставок российского газа и повышение цен на энергоносители ведут к самоубийственному концу ЕС. Оценка инициаторов и исполнителей взрыва «Северного потока» — однозначна и категорична: решение было принято США, а выполнено с помощью Норвегии. В обоснование этого вывода приводится тот факт, что после этого события Норвегия стала главным поставщиком газа в Евросоюз [16, p. 163–164].

Заключение книги с конкретизированным названием «Как Соединенные Штаты оказались в украинской ловушке» фактически представляет собой отдельную главу, проблематика которой органично увязывается с логикой и содержательным наполнением предыдущих разделов. Э. Тодт финализирует главную особенность

внешнеполитической стратегии Украины и механизма ее реализации: «Киев не только ведет себя так, как если бы Украина фактически была членом НАТО, но и так, будто НАТО как наступательный альянс находится фактически на службе его отдельных членов». А на практике это оборачивается тем, что ключевой актор в нем оказался в изнурительной гонке, выйти из которой США могут только в результате поражения, причем не локального, а глобального: военного, экономического и идеологического [16, р. 364–365].

Само название книги Э. Тодта — знаковая тенденция в развитии международно-политологической рефлексии в странах Запада. Речь идет прежде всего о четко обозначившемся размывании феномена западноцентричности, западноцентричной модели мирового развития. Оперировать категорией завершенности в анализе глубинных процессов, которые продолжаются, пока преждевременно. Поражение в геополитике имеет свою историческую протяженность. Точно подмечено: сверхдержавное доминирование США, по сути, уже не работает, но вся мировая инфраструктура, которая его обслуживала, на месте [2].

Книга Э. Тодта вызвала оживленно-эмоциональную реакцию в политических и политологических кругах Европы, где большей частью — по понятным причинам — его представляют злым гением западной рефлексии. Между тем, его отличает широкий диапазон углубленных междисциплинарных знаний и компетенций, исходно предполагающих отрицание монолинейного осмысления основных трендов мирового развития, а главное, предостерегающих от размывания критериев объективности политической экспертизы тенденций, явлений и событийных потоков в глобальном пространстве. Нельзя недооценивать и реальную значимость его аналитической интуиции, умение открывать новые смыслы и повороты в осмыслении сложнейшей динамики геополитических процессов, увязываемых с их перспективно-стратегическим видением. Это тем более важно в современной мировой политике, представляющей усложненную систему чрезвычайно подвижных, резко меняющихся взаимодействий, когда трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное ограничена оценкой вероятного [3].

Так кто же автор этой нашумевшей книги, название которой столь категорично: провидец будущего с опытом уже подтверж-

денного стратегического прогноза или «пророк с закрытыми глазами»? Конкретизированный ответ на такой вопрос уже дает сама жизнь и те трансформационные процессы в мире, которые наглядно и убедительно подтверждают размывание западноцентричности в геополитике, усиление позиций Незапада, беспрецедентное возрастание стратегической роли Глобального Юга.

Литература

1. *Бжезинский Зб., Скоукрофт Б.* Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. — М: АСТ, 2013. — С. 253.
2. Мир без сверхдержав. Ежегодный доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» // Валдай. — 24.10.2022. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-bez-sverkhderzhav-ezhegodnyy-doklad/> (дата обращения: 30.09.2024).
3. *Неклесса А.* Вселенная горизонтов. Приближение к неизвестному расширяет спектр представлений о будущем // Независимая газета. — 2016. 26 июня.
4. *Badie B.* Les Puissances mondialisées: Repenser la sécurité internationale. — Paris: Odile Jacob, 2021. — 288 p.
5. *Branca E.* L'ami américain. — Paris: Editions Perrin, 2022. — 516 p.
6. *Crouch C.* Post-Democracy. — Cambridge: Polity, 2003. — 144 p.
7. *Gomart T.* Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques. — Paris: Editions Tallandier, 2021. — 317 p.
8. *Gomart T.* L'accélération de l'histoire: Les nœuds géostratégiques d'un monde hors de contrôle. — Paris: Tallandier, 2024. — 158 p.
9. *Lasch Ch.* La Révolte des élites et la trahison de la démocratie. — Paris: Climats, 1996. — 272 p.
10. *Lind M.* The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution. — New York: Simon and Schuster, 1996. — 448 p.
11. *Lind M.* The New Class War. Saving Democracy from the Menagerial Elite. — Loundres: Penguin Random House, 2020. — 224 p.
12. National Security Strategy // The White House. — 12.10.2022. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 30.09.2024).
13. *Saint-Etienne Ch.* Le conflit Sino-américain pour la domination mondiale. — Paris: ALPHA, 2023. — 419 p.
14. *Skelton D.* The New Snobbery. Taking on Modern Elitism and Empowering the Working Class. — Hull: Biteback Publishing, 2021. — 288 p.
15. The Washington Post. — 2016. May 3d.
16. *Todd E.* La défaite de l'Occident. — Paris: Gallimard, 2024. — 384 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2025. № 1 (43)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 20.03.2025. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 11
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5